

КОНТИНЕНТ

2011

КОНТИНЕНТ
КАНТЫНЕНТ

KONTINENS
KONTINENTAS

KONTYNENT
KONTINENTS

CONTINENT
MANDER

KONTINENT
КОНТИНЕНТ

№ **147+**

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

147+

**2011, № 1
январь — март**

ПАРИЖ • МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

*Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ*

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И. И. Виноградов

Издатель:

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА “КОНТИНЕНТ”»**

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:

119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

Время работы редакции: 14:00–18:00 (вторник, четверг)

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(499) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
<http://continent-rus.ru/>

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала “Континент”»

© Название журнала «Континент» — В. Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Ирина ДУГИНА
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР

Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Сергей ЮРСКИЙ

Представители «Континента»

АВСТРИЯ

Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ

Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ

Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ

Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Nashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ

Александр и Татьяна
СЕРГИЕВСКИЕ
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА

Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША

Татьяна ХОХЛОВА
Ul Belwederska 25, Rosyiski osrodek
nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ

Fundacja «Slavica Orientalia»,
Ul. Przylesna, 12
05-077 WARSZAWA, POLSKA
☎ (22) 425-40-87; (22) 498-06-95
w_olbrych@op.pl

США

Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ

1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ

Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalign, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА

62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ

Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА

15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ

Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

Дело профессора Юдина 9

РОССИЯ И МИР

Андрей ПИОНТКОВСКИЙ

Капо 57

Библиографическая служба «Континента»

Проблемы российской современности
в русской сетевой и бумажной периодике
четвертого квартала 2010 г. 63

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ

ДЕЛО ПРОФЕССОРА ЮДИНА

Понятие «дело» означало обычно труд, занятие, обязанность или должность, а среди купеческого сословия — прежде всего некое предприятие. Дело С. С. Юдина была хирургия, тогда как делом его отца — золотоканительная фабрика. После октябрьского переворота основным делом советских подданных стала неустанная борьба за построение светлого царства социализма и против его явных и скрытых врагов, а делом чекистов — выявление любого вида крамолы и суровое наказание тех, кого подозревали в несогласии с генеральной линией партии. Особое беспокойство у карательных органов вызывали соотечественники, способные думать самостоятельно и неординарно. Как инструктировал в 1922 году председатель ГПУ Ф. Э. Дзержинский своего заместителя И. С. Уншлихта, *«на каждого интеллигента должно быть дело»*¹.

К строгим предупреждениям партии о недопустимости «низкопоклонства» перед западной культурой, благодушия и утраты бдительности популярный московский врач Сергей Сергеевич Юдин (1891 — 1954) относился несерьезно, а то и с насмешкой. Неоднократно говорила ему мать: «Смотри, тебя посадят. Не посадили Павлова и Станиславского. Остальных всех могут»². Не слушал. Может быть, считал, что ему, главному хирургу Института имени Н. В. Склифосовского, дважды лауреату Сталинской премии (1942, 1948) и действительному члену Академии медицинских наук (АМН) СССР (1944) репрессии не угрожают. Может быть, надеялся на то, что международное признание обеспечит ему безопасное проживание в сталинской империи. Ведь был он действительным членом Международного общества хирургов и членом-учредителем Международного колледжа хирургов; членом Парижского национального хирургического общества (позднее переименован-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 303. Л. 1 — 4.

² Куликовская Г. Правда о профессоре Юдине. М., 1990. С. 13.

**Виктор
ТОПОЛЯНСКИЙ**

— родился в 1938 г. в Москве. Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова. Доцент Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. Автор нескольких монографий и ряда статей в области медицины, а также книги «Вожди в законе» (1996). Выступает как публицист в периодических изданиях, постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

ного в Академию хирургии), Общества парижских хирургов и Каталонского хирургического общества; почетным членом Британского королевского общества, Ассоциации хирургов Великобритании и Ирландии и Лондонского медицинского общества; Американского колледжа хирургов и Ассоциации военных хирургов американской армии и флота; почетным доктором наук Сорбонны и Пражского университета. Тем не менее, пересекая Лубянскую площадь (тогда еще площадь Дзержинского) за рулем собственного автомобиля, каждый раз шептал: *«Господи, прonesи!»*. Однако в Институте забывался и позволял себе всякие легкомысленные реплики, простодушно полагая, наверное, что среди его сотрудников доносчики не водятся.

Вечером 22 декабря 1948 года Юдин был в Большом театре, а в ночь на 23 декабря его арестовали. Чуть ли не на следующий день служба дезинформации населения распустила по Москве слух, будто он давно сотрудничал с британской разведкой и был пойман на аэродроме, когда собрался бежать в Лондон. В московских врачебных кругах обстоятельства его задержания излагали иначе: якобы опасаясь его охотничьих ружей, чекисты выманили Юдина из дома с помощью министра здравоохранения СССР, генерал-полковника медицинской службы Е. И. Смирнова. Тот позвонил Юдину после полуночи и попросил о срочной консультации какой-то важной персоны. Ничего не подозревавший хирург вышел на улицу и спокойно сел в присланный за ним автомобиль, доставивший его, однако, не к больному, а во Внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянке.

На рассвете того же 23 декабря 1948 года взяли под стражу и уволокли во Внутреннюю тюрьму МГБ постоянную операционную сестру Юдина и наиболее близкого ему человека Марию Петровну Голикову (1910 — 1968). Там ее допросил сам министр государственной безопасности генерал-полковник В. С. Абакумов, после чего Голикову переправили в Лефортовскую тюрьму, где она содержалась до ноября 1949 года, испытывав и карцер, и телесные наказания, и душевные муки очной ставки с Юдиным. По решению Особого совещания при министре государственной безопасности СССР утром 7 ноября 1949 года медицинскую сестру Голикову, *«враждебно настроенную против советской власти»* и уличенную *«в преступной связи с английским шпионом Юдиным»* отправили на восемь лет в Особый лагерь МВД СССР на территории Казахстана.

Юдина тоже поместили в Лефортовскую тюрьму, где за расследование его «шпионской деятельности» взялся полковник государственной безопасности В. И. Комаров. Бывший секретарь Абакумова, а с 1946 года заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Комаров славился своим умением посредством чудовищной брани, кулаков и резиновой дубинки выколачивать из арестованных любые показания быстрее других мастеров заплочного ремесла. В качестве «забойщика» он трудился обычно в содружестве с «писарем» — полковником государственной безопасности Л. Л. Шварцманом, обладавшим высокой квалификацией по сочинению нужных начальству протоколов допросов. Не исключено, что полковник Комаров специализировался по «английским шпионам» с врачебным образованием.

Во всяком случае именно он в 1947 — 1948 годах вышибал из арестованного заместителя министра здравоохранения СССР (после реабилитации директора Института сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР) С. А. Колесникова признания «в содействии шпионам иностранных разведок».

За четыре месяца изнурительных допросов, сопровождаемых пыткой, лишением сна на протяжении девяти суток и прерываемых время от времени из-за возникавших у подсудимого тяжелых приступов стенокардии, «забойщик» Комаров и его подручные вытрясли из Юдина немало признательных показаний. При занесении в протокол показания эти были лихо отредактированы лубянскими «писарями». По версии следствия, бывший главный хирург Института имени Н. В. Склифосовского на протяжении ряда лет снабжал британскую разведку не подлежащими разглашению сведениями о положении в СССР, а в годы Второй мировой войны — информацией о боевых действиях на отдельных участках советско-германского фронта. Кроме того, Юдин передавал иностранцам (между прочим, союзникам по антигитлеровской коалиции) собственные труды (в том числе, опубликованные еще до войны) по военно-полевой хирургии, поддерживал «преступную связь с некоторыми высшими командирами Советской армии» (особенно с главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым), высказывал окружающим «клеветнические измышления» о советском строе и даже «протаскивал» антисоветские взгляды на собрания медицинских работников Москвы. Протоколы допросов Юдина от 4 января и 15 января 1949 года, содержащие «искренние признания» хирурга в его «шпионских» контактах с англичанами и столь же криминальных беседах с главным маршалом артиллерии, Абакумов направил Сталину³.

Такого букета обвинений другим заключенным было бы вполне достаточно для безотлагательного расстрела, но Юдина пощадили. Более того, по распоряжению министра государственной безопасности Абакумова арестованный хирург получил бумагу, ручку, чернила и совершенно противоречащую тюремным правилам возможность заполнить вынужденный досуг творческой деятельностью. За 27 месяцев заключения в одиночной камере (с мая 1949 по август 1951 года) Юдин написал несколько медицинских работ (прежде всего монографию «Переливание посмертной крови», удостоенную Ленинской премии в 1962 году) и мемуары о светлых днях его молодости, озаглавленные им «X. 1919 — “Захарьино” — III. 1922». Надо полагать, что эти воспоминания помогли ему отвлечься от мрачной действительности и тягостных переживаний, связанных с бессмысленным и незаслуженным заточением.

Довольно быстро выяснилось, что ограниченного числа листов обычной белой бумаги, периодически выдаваемой заключенному по указанию министра, Юдину не хватает, поскольку его продуктивность, к удивлению следователей, оказалась намного выше, чем кто-либо мог ожидать. Тогда ему по-

³ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. Документы. Под общей редакцией академика А. Н. Яковлева. М., 2007. С. 244 — 260.

зволили приносить в камеру тонкие квадратики желтоватой бумаги, строго по счету вручаемой узникам Внутренней тюрьмы перед входом в туалет, и оставлять у себя обрывки более плотной серой бумаги. На воле в такую грязновато-серую бумагу заворачивали дешевую колбасу или сыр в продовольственных магазинах; Юдину же доставляли в ней продукты из тюремного ларька. И туалетная, и оберточная бумага промокала, чернила на ней расплывались. Однако Юдин писал очень аккуратно и разборчиво, не оставляя чернильных пятен и не исправляя (может быть, даже не перечитывая) свой текст. Обрезки туалетной и оберточной бумаги с фрагментами будущих книг он склеивал манной или овсяной кашей, либо скреплял стебельками от веника, которым во Внутренней тюрьме подметали пол. Законченные рукописи Юдина следователь хранил у себя в сейфе.

Иных прецедентов преобразования одиночной тюремной камеры в своеобразный профессорский кабинет в сталинской каторжной империи, по-видимому, не было. Неслыханная по тем временам милость всеильного Абакумова могла бы объясняться его желанием сохранить лучшие хирургические руки столицы для карательного ведомства. Однако более вероятно другое предположение: в условиях подготовки к Третьей мировой войне труды Юдина по переливанию посмертной крови приобретали чрезвычайно важное военно-стратегическое значение.

В своей рукописи о переливании трупной крови (перепечатанной на Лубянке в двух экземплярах, один из которых следователь представил, очевидно, непосредственно Абакумову) Юдин отмечал высокую эффективность этой методики, опираясь на собственный опыт массового ее использования в 1941 — 1945 годах, и подчеркивал: *«Главнейшей своей будущей задачей автор считает дальнейшее расширение источников и базы для повышения количества заготавливаемой трупной крови»*⁴. Теперь оставалось только открыть специальную фабрику для «добычи» (по выражению самого Юдина) и консервирования трупной крови. Однако, дабы шпионы государств, входивших в «агрессивный блок НАТО», не попытались выкрасть секреты многолетних разработок Юдина, самого хирурга надлежало содержать в строгой изоляции, хотя и в относительно приемлемых для него (с точки зрения чекистов) условиях, до тех пор, пока в советской пенитенциарной системе не будет создана «шарашка» для получения и консервирования таких запасов посмертной крови, каких хватило бы на весь период предстоящей войны.

За два с половиной года тюремного заключения Юдин резко похудел и ослабел, но надежды на освобождение не утратил. Первым признаком грядущих перемен в его удручающе монотонном существовании стало неожиданное назначение ему в июле 1951 года дополнительного питания — ежедневной кружки молока. Какие обстоятельства подвигли тюремную администрацию на столь удивительную щедрость, узнику знать не полагалось.

⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 580. Картон 1. Е. х. 6. Л. 69.

Между тем 2 июля 1951 года подполковник государственной безопасности М. Д. Рюмин накатал донос на своего министра Абакумова, назвав его *«опасным человеком для государства»*⁵. Необыкновенный извет поступил к Сталину незамедлительно. Уже 4 июля Абакумова извлекли из кресла министра, а 12 июля возбудили против него уголовное дело по статье 58 — 1«б» Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим) и навсегда упрятали за решетку. Вслед за ним взяли под стражу начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР и троих его заместителей, в том числе полковника Комарова. Исполнение обязанностей начальника следственной части по особо важным делам поручили подполковнику Рюмину⁶.

На еще недавно беспросветном положении Юдина кадровая чистка среди руководящих сотрудников МГБ СССР сказалась очень скоро: 1 августа 1951 года следователь сообщил арестанту, что отныне ему разрешено заказывать себе еду по собственному желанию и вкусу. Как стало известно из опубликованных в Новосибирске фрагментов его дела, 2 августа Юдин обратился к дежурному офицеру Внутренней тюрьмы с просьбой давать ему ежедневно на завтрак яйцо взамен картофельного пюре и на ужин — винегрет из свежих овощей вместо супа, а также предоставить ему возможность заваривать по утрам и вечерам «настоящий чай». Через пять дней, 7 августа, Рюмин, перехватив из внезапно обессилевших рук Абакумова функции благодетеля заключенного хирурга, переслал начальнику Внутренней тюрьмы заявление Юдина с указанием: *«Просьбы последнего необходимо удовлетворить и в дальнейшем выдавать ему сахар, масло, белый хлеб и зелень. Кроме того, разрешить ему лежать днем, дать удлиненные прогулки и книги»*⁷.

Одновременно с улучшением питания с 1 августа возобновились допросы заключенного профессора, продолжавшиеся до 8 февраля 1952 года, но без рукоприкладства, многосуточного лишения сна и омерзительной ругани. На всякий случай для надежного изобличения «английского шпиона» Юдина спецконвой притащил в Москву из Особого лагеря МВД СССР заключенную Голикову.

В первом протоколе допроса Голиковой, проходившего на протяжении пяти часов 6 ноября 1951 года, зафиксированы пять вопросов следователя относительно «антисоветских» взглядов Юдина и пять ее стереотипных ответов: *«О Юдине и его антисоветских проявлениях я больше ничего не знаю»*⁸. В протоколе второго допроса, начатого в 21 час 05 минут 9 но-

⁵ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938 — 1953. Составитель Г. В. Костырченко. Под редакцией академика А. Н. Яковлева. М., 2005. С. 449 — 450.

⁶ *Столяров К.* Палачи и жертвы. М., 1997. С. 11 — 15. Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941 — 1954: Справочник. М., 2010. С. 755 — 756.

⁷ *Понурова В.* Сергей Сергеевич Юдин. Новосибирск, 2009. С. 262 — 264.

⁸ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Д. Р — 24211. Л. 229 — 231.

ября и законченного в 1 час 20 минут 10 ноября, записаны уже семь вопросов о «террористических намерениях» и «вражеских высказываниях» Юдина и семь ее ответов: *«Мне абсолютно ничего не известно»*, или в 1948 году *«я показала неправду»*⁹. На допросах 16, 23 и 27 ноября ее заставили все-таки изложить нужную следователям информацию о встречах Юдина с одним из его гимназических друзей и с несколькими советскими военачальниками. Однако 30 ноября она вновь заупрямилась и объявила: *«Я некоторые факты придумала, полагая, что таким образом облегчу свое положение»*¹⁰. Не исключено, что в последующие дни ее основательно запугали, поскольку на допросе 4 декабря и на заранее отрететированной очной ставке с Юдиным 19 декабря она дала требуемые следствием показания.

Самого же Юдина за шесть с половиной месяцев нового витка следствия вызывали на допросы (помимо трех очных ставок с другими репрессированными) 48 раз то ежедневно, то с недельным перерывом, то в светлое время суток, то поздним вечером. Иногда допрос затягивался до глубокой ночи, а несколько раз начинался в 0 часов 30 или 50 минут и завершался через 2 — 4 часа. Однако в протоколе отражались далеко не все вопросы следователя и ответы арестанта; о чем они говорили, например, 22 декабря (за два часа ночью были заданы два вопроса и получены два ответа) и 27 декабря 1951 года (согласно протоколу, за почти четыре часа ночью был задан один вопрос и получен один ответ), осталось в сущности неизвестным. Рекордным в этом отношении стал последний допрос 8 февраля 1952 года, начатый в 22 часа 30 минут и оконченный в 4 часа ночи; в его протоколе зафиксированы два элементарных вопроса следователя и два коротких ответа Юдина.

Как видно из приведенных ниже наиболее содержательных протоколов, внимание следствия по-прежнему привлекали политические симпатии и антипатии Юдина, а также его контакты с одним из британских журналистов, послом Великобритании в СССР и с зарубежными врачами. Наряду с этим выяснялись его взаимоотношения с родственниками и сослуживцами, друзьями и коллегами. Принципиальное значение придавалось его знакомству с такими погибшими в период Большого террора «врагами народа», как военный изобретатель Л. В. Курчевский (1890 — 1937), тесно связанный с маршалом М. Н. Тухачевским (1893 — 1937); знаменитый терапевт Д. Д. Плетнев (1871 — 1941), осужденный 13 марта 1938 года на 25 лет тюремного заключения по делу «антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелянный 11 сентября 1941 года в лесу под Орлом; нарком здравоохранения РСФСР и СССР Г. Н. Каминский (1895 — 1938) и его заместители В. А. Кангелари (1884 — 1937) и М. Г. Гуревич (1890 — 1937).

Хоть Юдин и отказался от части прежних показаний, выбитых из него полковником Комаровым, того, что он рассказал о своем социальном происхождении и своих либеральных убеждениях, было вполне достаточно для

⁹ ЦА ФСБ России. Д. Р — 24211. Л. 232 — 236.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Д. Р — 24211. Л. 251 — 256.

обвинительного заключения, сшитого пусть недоброкачественно, зато по лекалам сталинской диктатуры. Короче говоря, налепить на прославленного хирурга стандартный ярлык с той или иной формулировкой по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР никакого труда не составляло, но сперва надо было вытянуть из него (равно как из других заключенных) некую информацию, способствующую максимальной загрузке лубянского конвейера.

Между тем Рюмину, обласканному Сталиным и получившему 4 октября звание полковника и должности начальника следственной части по особо важным делам и заместителя министра государственной безопасности 19 октября 1951 года, предстояло срочно оправдать высокое доверие отца всех народов и лучшего друга всех чекистов. Поскольку подчиненные свежеспеченного полковника усердно собирали всякий словесный мусор для компрометации заместителя военного министра Н. Д. Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления И. И. Волкотрубенко и заместителя министра вооружения И. А. Мирзаханова, самому Рюмину казалось весьма заманчивым присоединить к вышепоименованным потенциальным преступникам главного маршала артиллерии Воронова. Пару лет назад Абакумов уже попытался упрятать Воронова в тюрьму и с этой целью послал Сталину протокол допроса Юдина от 15 января 1949 года, но санкции на арест главного маршала артиллерии так и не дождался. Поразмышляв до марта 1950 года, генералиссимус распорядился только передвинуть Воронова с поста командующего артиллерией Вооруженных сил СССР на скромную должность президента Академии артиллерийских наук.

Теперь Рюмин поручил своим следователям наскрести хоть какие-нибудь улики для изобличения Воронова в антисоветских помыслах, а еще лучше — в его участии в еще никому не известном военном заговоре. Однако Юдин на допросах 15 и 25 октября 1951 года держался стойко и ничего предосудительного о главном маршале артиллерии не сообщил. Пришлось Рюмину к арестованным в феврале 1952 года Яковлеву, Волкотрубенко и Мирзаханову добавить всего лишь двоих — генерал-майора инженерно-технической службы А. Н. Акназарова да инженер-полковника Р. М. Овсищера¹¹.

Осечка с покаранием маршала Воронова Рюмина если и огорчила, то ненадолго. Какое действительно имела значение одна мелкая неудача, когда перед начальником следственной части по особо важным делам возвышалась столь грандиозная цель, как подготовка государственного погрома всех буржуазных еврейских националистов. Необходимый опыт для выполнения этого задания партии, правительства и лично товарища Сталина полковник Рюмин накопил, принимая посильное участие в фальсифика-

¹¹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под редакцией академика А. Н. Яковлева. М., 1999. С.41 – 42. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 - март 1953. Документы. Под общей редакцией академика А. Н.Яковлева. М., 2007. С. 254 – 260, 401.

ции следственных материалов по делу «Шпионского центра» в Еврейском антифашистском комитете¹². Однако осенью 1951 года, когда полковник взялся за дело «врачей-вредителей», ему понадобились негласные консультанты, обладавшие медицинскими познаниями. Вот тут Юдин преподнес ему поистине бесценный подарок, заявив на допросе 18 августа 1951 года о своих «антисемитских настроениях» и обвинив коллегу В. С. Левита (профессора, ответственного редактора журнала «Хирургия», генерал-майора медицинской службы и заместителя главного хирурга Советской Армии в 1941 — 1950 годах) в «еврейском национализме»¹³.

В отличие от некоторых советских чиновников, прибегавших к юдофобской фразеологии как к проверенному способу самосохранения, Юдин был антисемитом с детства — подлинным, кондовым и прямолинейным, никогда не скрывавшим свою ксенофобию от окружающих. Свидетели по делу Юдина рассматривали его как «великодержавного шовиниста и ярого антисемита»; в частности, было известно, что в 1943 году он прилагал немало усилий к тому, чтобы не допускать на службу в Институт имени Н. В. Склифосовского возвращавшихся в Москву после эвакуации врачей-евреев¹⁴.

Что поведал Юдин следователям о других коллегах неарийского происхождения на ночных допросах, в частности, 22 и 27 декабря 1951 года и 8 февраля 1952 года, осталось неизвестным. Можно лишь отметить, как Рюмин отблагодарил заключенного хирурга за сотрудничество. По признанию самого Юдина, именно Рюмин с лета 1951 года вел его дело, не раз лично его допрашивал и лично же объявил ему о замене расстрела «за измену Родине», как запланировал первоначально полковник Комаров, ссылкой в город Бердск Новосибирской области сроком на десять лет¹⁵. Но тот же Рюмин «при личной аудиенции» в последние минуты пребывания хирурга в Лубянской застенке сказал ему, что Новосибирский филиал Академии наук СССР сможет возбудить ходатайство о возвращении Юдина в Москву, «хотя бы уже через полгода». *«Это его подлинные слова, — писал впоследствии Юдин брату. — Разумеется, я не рассчитываю [ни] на их буквальное осуществление, ни на столь короткие сроки. Однако в том учреждении, откуда я выходил, не принято давать особо обнадеживающих посулов и обещаний»*¹⁶. Тем не менее прощальное замечание Рюмина имело под собой определенное основание, поскольку 5 марта 1952 года он направил в Новосибирское управление государственной безопасности свое предписание: *«Не чинить препятствий Юдину к занятию научно-исследовательской работой, разрешить ему для этой*

¹² Лаврентий Берия... С. 64 — 66.

¹³ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 25 — 30.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 3. Л. 33 — 34. Т. 4. Л. 2, 54, 138.

¹⁵ Юдин С. Письмо Голиковой М. П., май 1953 года. НИОР РГБ. Ф. 580. Картон 2. Е. х. 7. Л. 7об.

¹⁶ Юдин С. Письмо брату Юдину П. С., 22 июня 1952 года. В кн. : Куликовская Г. Указ. соч. С. 12.

цели посещение города Новосибирска. Поставить в известность руководство Новосибирского филиала АН СССР о том, что МГБ СССР не имеет препятствий к занятию Юдина научно-исследовательской работой»¹⁷.

Ранним утром 12 марта 1952 года Юдина вывезли в легковом автомобиле из железных ворот МГБ СССР прямо на Кузнецкий мост. По просьбе хирурга, любезные чекисты немного покатали его по городу для осмотра высотных зданий, а потом доставили на Казанский вокзал, где ему вручили толстую папку с его тюремными рукописями и откуда он отправился к месту ссылки в сопровождении жены, сына и офицера государственной безопасности. На четвертые сутки пути он очутился в Новосибирске. Заранее предупрежденные о его прибытии местные чекисты усадили профессора с домохозяцами в свою машину и без задержки подбросили их в сонный Бердск. Там уже сняли для Юдиных комнату в добротном деревянном доме; туда же предупредительные чекисты перевели 200 тысяч рублей Сталинской премии, не полученной хирургом в 1948 году¹⁸.

Позаботился Рюмин и о Голиковой. По его предложению Особое совещание при министре государственной безопасности 29 апреля 1952 года снизило ей «меру наказания» с восьми до пяти лет с отбыванием указанного срока в общем (а не в Особом) концлагере МВД СССР¹⁹. Ни с точки зрения обычного здравого смысла, ни с позиций советского законодательства невозможно было понять, почему Юдина, по делу которого томилась в заключении его операционная сестра, сослали под Новосибирск, а Голикову загнали в один из Пермских (тогда еще Молотовских) концлагерей. Такой вердикт не соответствовал ни формальной, ни даже аффективной логике, но вполне увязывался с карательной психологией самых компетентных и всемогущих органов.

Пока Голикову перевоспитывали на лесоповале, Юдин постепенно восстанавливал свое здоровье в заштатном Бердске. В конце мая 1952 года он, испросив разрешение местных чекистов, переселился в Новосибирск и начал работать хирургом в областной больнице, а в конце ноября того же года умчался в Москву по срочному вызову из МГБ СССР. На Лубянке его дождался помощник начальника следственной части по особо важным делам полковник А. В. Ливанов. О чем беседовали в звуконепроницаемом кабинете всемирно известный хирург и незаметный полковник государственной безопасности, встречаясь ежедневно на протяжении трех с лишним недель, да еще в самом разгаре следствия по «делу врачей», что пожелал услышать «чуткий и внимательный» чекист и какие обязательства взял на себя профессор в ответ на обещание «коренных перемен» в условиях его научной работы²⁰, — об этом Юдин никому, ничего и никогда не рассказывал.

¹⁷ Понурова В. Указ. соч. С. 549.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 580. Картон 1. Е. х. 6. Л. 1. Понурова В. Указ. соч. С. 470.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Д. Р – 24211. Л. 290 – 292, 294 – 295.

²⁰ ЦА ФСБ России. Д. Р – 705. Т. 5. Л. 157.

С полковником Рюминым ссыльный хирург больше не сталкивался. Всего лишь несколько месяцев Рюмин, временно возведенный в ранг ведущего специалиста по решению еврейского вопроса в СССР, потрудился, не покладая мозолистых рук, над созданием разных дел антисемитской направленности, как вдруг надоел Сталину и 13 ноября 1952 года был отрешен от занимаемых им должностей. Его отстранили от заплочных забот так быстро, что он не успел даже завести дело на профессора Левита, который проходил по показаниям Юдина как «еврейский националист» и материалы в отношении которого Рюмин собирался выделить в отдельное производство²¹. Свыше двух месяцев партийное руководство подыскивало для фактически отставного полковника новое место службы; 2 февраля 1953 года его назначили, наконец, старшим контролером Министерства госконтроля СССР, через полтора месяца, 17 марта, арестовали, 7 июля 1954 года приговорили к высшей мере наказания, а 22 июля расстреляли²².

После смерти Сталина, когда в стране наступила оттепель, Голикову отпустили на волю по амнистии. В апреле 1953 года она вернулась домой. Реабилитировали ее определением Военной коллегии Верховного суда СССР 10 октября 1957 года²³.

Юдина освободили из ссылки 5 июля 1953 года по телефонному звонку заместителя министра внутренних дел СССР; 8 июля профессор прилетел в Москву. Его восстановили в должности главного хирурга Института имени Н. В. Склифосовского и поселили в недавно построенном высотном доме у Красных ворот, а реабилитировали постановлением Особого совещания при министре внутренних дел СССР 13 августа 1953 года²⁴. Через 11 месяцев после возвращения в Москву он скоропостижно умер в результате очередного тяжелого приступа стенокардии.

Потеряв самого близкого человека, по квазиуголовному делу которого ей довелось отбыть в заключении четыре года и пять месяцев, Голикова собрала все рукописи Юдина и все опубликованные им труды, перепечатала их на пишущей машинке и несколько пухлых папок с выверенным ею текстом этих работ сдала в редакцию хирургической литературы «Медгиза» (позднее издательство «Медицина»). Для подготовки к публикации обширного наследия Юдина была образована, согласно советским традициям, редакционная коллегия из двух друзей покойного (действительных членов АМН СССР И. В. Давыдовского и А. В. Мельникова) и двух его учеников (профессоров Д. А. Арапова и Б. С. Розанова), директора Института имени Н. В. Склифосовского М. М. Тарасова и главного редактора «Медгиза», действительного члена АМН СССР Н. Н. Приорова. Трудоемкие обя-

²¹ ЦА ФСБ России. Д. Р – 705. Т. 4. Л. 350.

²² Петров Н. В. Указ. соч. С. 755 – 756.

²³ ЦА ФСБ России. Д. Р – 24211. Л. 301 – 302.

²⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р – 705. Т. 5. Л. 180.

занности редактора-составителя члены редакционной коллегии без колебаний уступили медицинской сестре Голиковой.

Трехтомник «Избранных произведений» Юдина вышел в свет в 1960 – 1962 годах. Еще одну созданную в заключении работу Юдина, озаглавленную им «Источники и психология творчества», редактор-составитель Голикова дополнила его лекцией «Образы прошлого и силуэты некоторых военно-полевых хирургов» и сдала в набор 18 июля 1967 года. Через год эта книга, напечатанная тиражом 15000 экземпляров под названием «Размышления хирурга», поступила в магазины и разошлась в считанные дни.

В 1966 году, чувствуя себя, по-видимому, не совсем здоровой, Голикова принялась искать надежное укрытие для тюремных рукописей Юдина. Кто-то посоветовал ей выбрать с этой целью Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ныне Российской государственной библиотеки). Разумным советом Голикова не пренебрегла, к тому же какими-либо сведениями о других архивах не располагала. Она переложила каждую страницу драгоценных для нее манускриптов полупрозрачными листами вощеной бумаги, применявшейся обычно для компрессов, и вместе с перепиской хирурга и своими пояснительными записками (фрагментами своих воспоминаний) передала на постоянное хранение в Отдел рукописей, сформировав тем самым архивный фонд Юдина. Так в 1967 году завершилось дело Юдина, открытое долгой декабрьской ночью 1948 года.

УТВЕРЖДАЮ

**Министр госбезопасности
Союза ССР
Генерал-Полковник
АБАКУМОВ**

28 декабря 1948 года.

АРЕСТ САНКЦИОНИрую

**Заместитель Генерального
прокурора Союза ССР
Генерал-лейтенант юстиции
ВАВИЛОВ**

28 декабря 1948 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²⁵

(на арест)

Город Москва, 1948 года, декабря 28 дня.

Я, зам[еститель] нач[альника] След[ственной] части по Особо важным делам МГБ СССР полковник КОМАРОВ, рассмотрев материалы в отношении ЮДИНА Сергея Сергеевича, 1891 года рождения, уроженца города Москвы, русского, беспартийного, сына фабриканта, главного хирурга Института имени Склифосовского, действительного члена Академии медицинских наук СССР, полковника медицинской службы, —

НАШЕЛ:

Имеющимися в распоряжении МГБ СССР материалами, ЮДИН С. С. изобличается как враг Советского государства, английский агент, на протяжении ряда лет снабжавший английскую разведку шпионскими сведениями о Советском Союзе.

На основании изложенного, руководствуясь ст[атьями] 145 и 158 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Юдина Сергея Сергеевича подвергнуть аресту и обыску.

²⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р – 705. Т. 1. Л. 1 – 4.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА²⁶

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 1 августа 1951 года <...>

Вопрос: В числе ваших близких связей, как известно, был Очкин Алексей Дмитриевич. Вы давно его знаете?

Ответ: Очкина Алексея Дмитриевича я знаю с детских лет. В 1902 — 1905 годах вместе с ним я учился во 2-й гимназии в Москве. В последующем до 1920 — 21 годов с ОЧКИНЫМ я никакой связи не имел и встретился с ним вновь после гражданской войны, когда он уже работал хирургом в Кремлевской больнице. С тех пор вплоть до последних лет я поддерживал с ОЧКИНЫМ, как со своим старым знакомым, дружеские отношения.

Вопрос: Что вам известно о социальном прошлом ОЧКИНА и его деятельности до Октябрьской революции?

Ответ: Из какой семьи происходит ОЧКИН и чем он занимался до революции, я не знаю. Мне известно лишь, что в прошлом ОЧКИН был женат на сестре К. С. Станиславского — дочери или племяннице крупного московского фабриканта АЛЕКСЕЕВА, с которой он, ОЧКИН, разошелся вскоре после окончания гражданской войны, женившись на дочери врача-психиатра УСОЛЬЦЕВА.

В начале 1920-х годов от кого-то из своих знакомых, от кого именно, сейчас не помню, я слышал, что в период гражданской войны ОЧКИН служил врачом у белых, в кавалерии МАМОНТОВА. Сам же я с ОЧКИНЫМ на эту тему никогда разговоров не имел и в отношении его прошлой деятельности мне больше ничего неизвестно.

Вопрос: Уточните, в чем состояли ваши отношения с ОЧКИНЫМ?

Ответ: ОЧКИН был одним из близких моих друзей. Мы часто встречались в семейной обстановке, бывая друг у друга в гостях, и не раз совместно выезжали на охоту. Примерно в 1935 году в одну из поездок в автомашине на охоту с женами, когда ОЧКИН сидел за рулем, с нашей машиной произошла авария, в результате которой у моей жены был поврежден позвоночник. ОЧКИН, чувствуя свою ответственность за это событие, стал очень тепло относиться к моей семье, и наши взаимоотношения стали еще более тесными и близкими. При встречах мы много беседовали на научные, медицинские темы, по семейно-бытовым и разным другим вопросам.

Вопрос: От ОЧКИНА, как от близкого вам человека, вы, очевидно не скрывали свои антисоветские взгляды?

Ответ: Я не помню случая, чтобы в моих беседах с ОЧКИНЫМ когда-либо затрагивались вопросы политического характера. ОЧКИН мне известен как вполне советский человек и каких-либо предосудительных разговоров с ним я никогда не вел. ОЧКИН гордился тем доверием, которое ему оказывалось как главному хирургу Кремлевской и Боткинской больниц, и тем, что именно ему поручалось лечение видных партийных и советских деятелей.

Вопрос: Что рассказывал вам ОЧКИН о своей работе в Кремлевской больнице?

Ответ: Со слов ОЧКИНА мне известно, что в 1936 или 1937 году он вместе с академиком СПАСОКУКОЦКИМ оперировал в больнице Кремля генерального секретаря коммунистической партии Испании Хосе ДИАСА, что за эту операцию он был награжден орденом Ленина, автомашиной и 30-ю тысячами рублей. ОЧКИН мне

²⁶ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 2 — 6.

рассказывал, что после этого он был на приеме у *Сталина*, и подробно передавал мне содержание своей беседы с ним.

В последующие годы ОЧКИН о своей работе в Кремлевской больнице, о том, кого ему приходится лечить или оперировать, мне ничего не рассказывал и явно уклонялся от разговоров со мной на эту тему. ОЧКИН говорил лишь, что в послевоенные годы он не раз выезжал за границу, сопровождая МОЛОТОВА при его выездах на международные конференции и заседания.

Вопрос: Какие связи ОЧКИНА среди иностранцев вам известны?

Ответ: По этому вопросу я могу сказать только то, что в период с 1928 по 1948 годы многим иностранным делегациям врачей, посещавшим Институт имени Склифосовского, я рекомендовал по их просьбам посещение Боткинской больницы как одной из лучших в Москве и говорил иностранцам, что главный хирург там ОЧКИН. Из числа таких иностранцев, как мне известно, Боткинскую больницу посещали в 1929 году французский гинеколог Жан Луи ФОР [Fauger], а в 1938 или 1939 году делегация французских хирургов во главе с бывшим министром здравоохранения Франции СЕЛЬЕ [Sellier]. Однако, встречался ли с ними ОЧКИН, я не знаю, поскольку разговоров с ним по поводу связей с иностранцами у меня не было.

Вопрос: С кем, кроме вас, ОЧКИН поддерживал близкие отношения?

Ответ: Старым другом ОЧКИНА является художник ЖЕЛТУХИН Борис Васильевич, бывший помещик, коннозаводчик и кавалергард, судимый в 1920-х годах за спекуляцию поддельными картинами. В течение многих лет ЖЕЛТУХИН добывал для картинной коллекции ОЧКИНА картины фламандской и голландской живописи. В связи с этим ЖЕЛТУХИН был частым посетителем квартиры ОЧКИНА.

Много лет ОЧКИН поддерживал дружеские отношения с хирургом из города Калинина УСПЕНСКИМ Василием Васильевичем, неоднократно ездил к нему в гости в город Калинин и встречался с ним в своей квартире, когда тот приезжал по какому-либо поводу в Москву.

Из числа близких связей ОЧКИНА я знаю также академика САВИНЫХ Андрея Григорьевича, директора Томской хирургической клиники. В 1941 — 1942 годах в период эвакуации ОЧКИН проживал в квартире САВИНЫХ в городе Томске.

Вот все, что я имею рассказать в отношении ОЧКИНА. Свои показания о нем я могу дополнить лишь тем, что ОЧКИН, как мне известно, является хорошим, опытным хирургом-практиком. Но как научный работник ОЧКИН ничем особенным не выделялся, серьезных научных открытий или работ он не имел.

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА²⁷

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 18 августа 1951 года <...>

Допрос начат в 0 часов 05 минут

Вопрос: Профессор ЛЕВИТ Владимир Семенович вам известен?

Ответ: Да. С ЛЕВИТОМ я познакомился примерно в начале 1920 годов, когда мне приходилось встречаться с ним на съездах хирургов в Москве и Ленинграде. В те

²⁷ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 25 — 30.

годы ЛЕВИТ проживал в городе Иркутске, где заведовал кафедрой хирургии в медицинском институте. В 1924 или 1925 году при содействии своего брата — бывшего заместителя заведующего Мосздравотделом ЛЕВИТА Юрия ЛЕВИТ В. С. занял должность заведующего кафедрой хирургии 2-го Московского медицинского института, где он и работал вплоть до последних лет. Вместе с тем, начиная с 1942 года, ЛЕВИТ является заместителем главного хирурга Советской армии.

Вопрос: В чем выражались ваши отношения с ЛЕВИТОМ?

Ответ: Как я уже говорил, с ЛЕВИТОМ мне неоднократно приходилось встречаться на съездах и конференциях хирургов и руководящих медицинских работников как до войны, так и в послевоенные годы. В 1930-х годах ЛЕВИТ несколько раз бывал у меня в квартире по поводу работы Московского хирургического общества, председателем которого он являлся в то время. В 1944 году я не раз встречался с ЛЕВИТОМ как с заместителем главного хирурга Советской армии на 1-м Белорусском фронте, в городах Бобруйске и Гомеле. Надо сказать, что отношения между мною и ЛЕВИТОМ были неприязненными.

Вопрос: Почему?

Ответ: Во-первых, я считал, что ЛЕВИТ недостойным способом — с помощью своего брата — занял кафедру хирургии во 2-м Московском медицинском институте. К тому же по своей научной эрудиции и хирургической квалификации ЛЕВИТ, как мне казалось, не мог претендовать на подобную должность. Я отрицательно относился к ЛЕВИТУ еще и потому, что его руководство кафедрой хирургии было бездарным. В данном случае я имею в виду отсутствие у ЛЕВИТА и его помощников по кафедре серьезных научных работ и его неумение отобрать и подготовить научные хирургические кадры. И, наконец, другая причина нашей взаимной неприязни заключалась в том, что для меня давно было ясно, что ЛЕВИТ — еврейский националист, а он, в свою очередь, очевидно, знал о моих антисемитских настроениях.

Вопрос: Что вам известно о националистической деятельности ЛЕВИТА?

Ответ: С давних пор ЛЕВИТ постоянно как в печатных работах, а также в устных выступлениях и частных разговорах всячески восхвалял и отдавал предпочтение ученым еврейской национальности, будь то советским или зарубежным. ЛЕВИТ благоволил и преклонялся перед научными авторитетами лишь из числа евреев и при любом случае (в научных вопросах) делал ссылки преимущественно на них. Используя свое служебное положение, ЛЕВИТ бесцеремонно подбирал сотрудников как в свою клинику, так и в редакции журнала «Хирургия» и медицинской энциклопедии, где он занимал должность редактора, главным образом из числа лиц еврейской национальности. Насколько мне известно, ЛЕВИТ отобрал себе в ассистенты и помощники исключительно евреев. Такая же тенденция наблюдалась в деятельности ЛЕВИТА и на 1-м Белорусском фронте в 1944 году, куда он выезжал как заместитель главного хирурга Советской армии. Пользуясь своей властью, ЛЕВИТ способствовал устройству и продвижению фронтовых медицинских работников из числа евреев на более выгодные для них должности и рекомендовал представлять их к правительственным наградам. Вот все, что я могу показать о националистических проявлениях ЛЕВИТА.

Вопрос: Охарактеризуйте деятельность ЛЕВИТА в области здравоохранения.

Ответ: Я знаю ЛЕВИТА как весьма посредственного хирурга. Хирургическим талантом он не обладает. Примерно в 1947 году вновь назначенный главный хирург Советской армии ЕЛАНСКИЙ мне рассказывал, что он хотел освободить ЛЕВИТА от должности заместителя главного хирурга армии как не соответствующего по сво-

им качествам этой должности, но не смог сделать этого в связи с тем, что у ЛЕВИТА, как говорил ЕЛАНСКИЙ, есть влиятельные покровители.

В то же время ЛЕВИТ мне известен как в достаточной мере эрудированный профессор, каковым он и проявил себя на посту председателя Московского хирургического общества и редактора журнала «Хирургия».

Фактов преступной деятельности ЛЕВИТА в системе здравоохранения я не знаю. Но должен сказать, что ЛЕВИТ крайне отрицательно относился к открытому мною новому методу лечения огнестрельных переломов, несмотря на то, что этот метод был удостоен Сталинской премии и находил широкое применение в хирургических подразделениях действующей армии и тыла. Отрицательное отношение ЛЕВИТА к моему методу проявлялось не только в наших академических спорах, но и в том, что ЛЕВИТ, используя свое служебное положение, многократно дискредитировал этот метод лечения раненых и даже позволял себе прекращать его применение в госпиталях, где этот метод уже привился. Так было, в частности, в 1944 году на 1-м Белорусском фронте. После моего отъезда отсюда ЛЕВИТ, как мне рассказывали в 1945 – 1947 годах бывший главный хирург фронта ПОПОВ, бывший начальник санчасти фронта БАРАБАНОВ и ряд других военных хирургов, объезжал фронтовые госпитали, где я в течение 4-х месяцев работал, и отменял установленную мною методику лечения раненых, дававшую весьма хорошие результаты. Особенно же меня изумлял тот факт, что взамен моего метода ЛЕВИТ выдвигал и проводил в жизнь устаревший и отживший метод поднадкостничного удаления кости почти целиком, дававший из ряда вон плохие результаты.

Вопрос: Чем объяснить такое поведение ЛЕВИТА?

Ответ: Я на этот вопрос ответить затрудняюсь. В отношении принципов лечения огнестрельных переломов, особенно бедер, между мною и ЛЕВИТОМ были неоднократные острые столкновения в 1944 – 1945 годах на пленумах и ученых заседаниях, а также совещаниях у бывшего начальника Главного санитарного управления СМЕРНОВА, специально созывавшихся для решения этого вопроса.

Вопрос: Что вам известно о связях ЛЕВИТА с иностранцами?

Ответ: В отношении связи ЛЕВИТА с иностранцами я никакими данными не располагаю. Могу сказать лишь о том, что ЛЕВИТ в довоенные годы бывал в зарубежных командировках. В частности, в начале 1930-х годов он выезжал в Германию. Большой интерес ЛЕВИТ всегда проявлял к немецкой хирургической литературе, отдавая ей предпочтение перед другими иностранными изданиями. Больше ничем дополнить свои показания о ЛЕВИТЕ я не имею.

Допрос окончен в 3 часа 30 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН

Допросил:

Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА²⁸
арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича
от 11 сентября 1951 года <...>
Допрос начат в 13 часов

²⁸ ЦА ФСБ России. Д. Р – 705. Т. 2. Л. 44 – 49.

Вопрос: В числе ваших близких связей, как известно, был КУРЧЕВСКИЙ Леонид Васильевич. Вы давно его знаете?

Ответ: КУРЧЕВСКИЙ мой старый, близкий друг. Я знаю его с детских лет по учебе во 2-й гимназии в Москве.

Вопрос: В чем выражались ваши взаимоотношения с КУРЧЕВСКИМ?

Ответ: После Октябрьской революции с КУРЧЕВСКИМ я долгое время не встречался и не имел о нем никаких известий. Потом я встретился с ним случайно в 1932 году, когда КУРЧЕВСКИЙ являлся директором крупных оборонных заводов под Москвой. С этого времени как старые друзья я и КУРЧЕВСКИЙ очень часто бывали друг у друга на квартирах, совместно не раз ездили на охоту. Близкие, приятельские отношения я поддерживал с КУРЧЕВСКИМ вплоть до момента ареста его органами НКВД в 1937 году.

Вопрос: Причины ареста КУРЧЕВСКОГО вам известны?

Ответ: За что был арестован КУРЧЕВСКИЙ в 1937 или 1938 годах, я не знаю. Мне было известно со слов КУРЧЕВСКОГО, что он был близок с ТУХАЧЕВСКИМ, работал под его непосредственным руководством в области вооружения Красной армии.

КУРЧЕВСКИЙ арестовывался и ранее, в 1920-х годах, и некоторое время находился в ссылке в Соловках. То ли от самого КУРЧЕВСКОГО, то ли от моего брата ЮДИНА Петра я слышал, что в 1920-х годах КУРЧЕВСКИЙ был репрессирован в связи с тем, что свое изобретение (пушки без отдачи) он продал немцам.

Вопрос: Какие другие преступные действия КУРЧЕВСКОГО вам известны?

Ответ: В отношении преступных проявлений КУРЧЕВСКОГО мне больше ничего не известно. <...>

Допрос прерван в 18 часов

ЮДИН (подпись)
Допросили: Пом[ощник] нач[альника] След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — полковник СОРОКИН
Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА²⁹
арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича
от 14 сентября 1951 года <...>
Допрос начат в 14 часов 20 минут

Вопрос: Профессор ЕГОРОВ Михаил Аркадьевич вам известен?

Ответ: Да, ЕГОРОВА Михаила Аркадьевича я знаю очень давно. Вместе с ним я учился в 1911 — 1915 годах в Московском университете. В период Отечественной войны ЕГОРОВ был главным хирургом одного из военных госпиталей в городе Москве.

Вопрос: Что вам известно о его социальном прошлом?

Ответ: По этому поводу я ничего не знаю. Хотя мои отношения с ЕГОРОВЫМ, как бывшим моим приятелем по университету, были дружескими, однако встречался я с ним очень редко, лишь на совещаниях в хирургическом обществе и когда он вызывал меня как консультанта в те московские больницы, где он работал в качестве хирурга.

Вопрос: Какие факты антисоветских проявлений со стороны ЕГОРОВА вам известны?

Ответ: Ничего компрометирующего и предосудительного в отношении ЕГОРОВА я не знаю.

²⁹ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 78 — 79.

Вопрос: С его братом ЕГОРОВЫМ Борисом Аркадьевичем вы были знакомы?

Ответ: Нет, я даже не знал, что у ЕГОРОВА Михаила Аркадьевича есть родной брат. Припоминаю, что на некоторых врачебных консилиумах в поликлиниках мне приходилось слышать фамилию профессора-терапевта ЕГОРОВА, но личного знакомства с ним у меня не было.

Допрос окончен в 15 часов 30 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН

Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части

по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³⁰

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 4 октября 1951 года <...>

Допрос начал в 21 час 20 минут

Вопрос: ПЕЧКИНА Николая Николаевича вы знаете?

Ответ: Да, ПЕЧКИН мне известен еще с дореволюционных лет. В 1915 — 1918 годах он работал земским врачом в различных больницах Московского уезда и в тот период мне не раз приходилось встречаться с ним в Московской уездной земской управе на отчетах и собраниях врачей. Тогда же я встречался с ПЕЧКИНЫМ и в Никольской больнице под Москвой, где я работал врачом, а ПЕЧКИН приезжал в эту больницу к своему близкому другу главному врачу ИВАНОВУ Алексею Васильевичу (умер в 1935 году). В 1919 — 1922 годах ПЕЧКИН работал врачом в больнице в поселке Подсолнечное, в 50 км от Москвы и в это время мои встречи с ним происходили как в Подсолнечном, так и в больнице, в Захарьино, куда он приезжал опять-таки к А. В. ИВАНОВУ, работавшему тогда вместе со мной в этой больнице.

Вопрос: А в чем выражались ваши взаимоотношения с ПЕЧКИНЫМ в последующие годы?

Ответ: Работая в 1922 — 1928 годах в городе Серпухове, я в это время с ПЕЧКИНЫМ не встречался, но знал, что он работал тогда хирургом в Петровской лечебнице под Наро-Фоминском. Примерно в 1928 году ПЕЧКИН был переведен в Москву на должность ординатора Басманной больницы и в том же году в Москву переехал из Серпухова я, став главным хирургом Института имени Склифосовского. В Москве я продолжал поддерживать с ПЕЧКИНЫМ дружеские отношения, встречаясь с ним на консилиумах в Басманной больнице и изредка виделся с ПЕЧКИНЫМ в Ховрино у того же ИВАНОВА. Примерно в 1933 году ПЕЧКИН в числе группы врачей был арестован органами ОГПУ и затем в течение нескольких месяцев находился в ссылке на севере. Вскоре ПЕЧКИН из ссылки был освобожден, выехал в город Муром и с тех пор постоянно работает там хирургом в одной из больниц. Приезжая примерно раз в год в Москву, ПЕЧКИН всегда останавливался в моей квартире, поскольку до последних лет мы были друзьями.

Вопрос: В связи с этим вам, очевидно, известны политические настроения ПЕЧКИНА?

Ответ: Прежде всего следует сказать, что из рассказов близкого друга ПЕЧКИНА доктора ИВАНОВА А. В. мне известно, что в прошлом ПЕЧКИН являлся меньшевиком и играл в партии меньшевиков, как я понял из слов ИВАНОВА, немало важную роль. С самим же ПЕЧКИНЫМ по этому поводу мне беседовать не приходилось и каких-либо более конкретных данных о прошлой меньшевистской деятель-

³⁰ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 88 — 92.

ности ПЕЧКИНА я не знаю. ИВАНОВ мне говорил, что какие-то меньшевистского характера проявления наблюдались со стороны ПЕЧКИНА и в 1920-х годах в период его работы в Наро-Фоминском районе и что в связи с этим ПЕЧКИН якобы был переведен в административном порядке на другое место службы, в Москву.

Что касается характера моих бесед с ПЕЧКИНЫМ, то я откровенно заявляю, что в разговорах со мной он никогда антисоветских настроений не высказывал. Лишь из одного разговора с ПЕЧКИНЫМ в 1945 или 1946 годах я понял, что в свое время у ПЕЧКИНА было отрицательное отношение к политике коллективизации сельского хозяйства. ПЕЧКИН заявил, что его «брала дрожь от этой крестьянской реформы».

Вопрос: За что арестовывался ПЕЧКИН органами ОГПУ?

Ответ: Причины его ареста мне неизвестны. ПЕЧКИН говорил, что его и других врачей, репрессированных по одному делу с ним, арестовали необоснованно.

Вопрос: А разве ПЕЧКИН не рассказывал вам о своем участии в антисоветской организации?

Ответ: Нет. Был ли причастен ПЕЧКИН к каким-либо антисоветским группам, я не знаю. Мне известно было, что вместе с ПЕЧКИНЫМ были арестованы его друзья санитарный врач НИКИТИН Дмитрий, ХОДКОВ Владимир Николаевич — работавший последние годы в Институте имени Склифосовского, ХОЛИН Николай Константинович — работал после освобождения из-под стражи в больнице на станции Балашиха под Москвой, а также бывший терапевт Института имени Склифосовского КАЙЗЕР Валентин Карлович и ряд других врачей, всего 15 — 17 человек. Имел ли ПЕЧКИН с этими лицами какую-либо преступную связь я не знаю.

Вопрос: С кем, кроме вас, ПЕЧКИН поддерживал близкие отношения в последние годы?

Ответ: Близким другом ПЕЧКИНА являлся ХОДКОВ Владимир Николаевич, проживающий в Москве на Новобасманной улице. Приезжая из Муром в Москву, ПЕЧКИН посещал запросто квартиру ХОДКОВА, с которым он был знаком в течение многих лет. Другие его связи по городу Москве за последний период мне неизвестны. Вот все, что я могу показать в отношении ПЕЧКИНА.

Вопрос: Верно ли вы показали, что ПЕЧКИН не высказывал вам свои антисоветские взгляды?

Ответ: Да, я повторяю, что бесед антисоветского характера у меня с ПЕЧКИНЫМ не было.

Вопрос: Вы вели с ПЕЧКИНЫМ разговоры по вопросу о терроре против руководителей партии и советского правительства?

Ответ: Нет, таких разговоров ни с ПЕЧКИНЫМ, ни с кем другим я никогда не вел.

Допрос окончен в 1 час 40 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части

по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³¹

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 10 октября 1951 года <...>

Допрос начал в 12 часов 25 минут

³¹ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 98 — 101.

Вопрос: Следствие считает необходимым уточнить ваши биографические данные. Скажите — кто были ваши родители?

Ответ: Как я уже показывал, я родился в Москве в мелкобуржуазной семье. Дед мой ЮДИН Сергей Сергеевич был совладельцем торгового дома ЮДИНЫХ, занимавшихся торговлей военно-офицерскими вещами. Торговая фирма «братья ЮДИНЫ» имела в Москве, в Токмаковом переулке свою фабрику по производству офицерских вещей (погоны, портупей, темляки), управляющим этой фабрики до 1907 — 1908 годов являлся мой отец ЮДИН Сергей Сергеевич. После смерти деда, примерно в 1909 году мой отец открыл металлотянущую [канительную] фабрику на Бакунинской улице по выработке серебрянной медной проволоки. Владелец этой фабрики (мастерской), в которой применялось около 15 человек рабочих и несколько надомников, отец являлся вплоть до Октябрьской революции. В годы Советской власти мой отец служил до дня смерти в 1925 году, письмоводителем в школе военной маскировки, а владельцами металлотянущей мастерской в этот период являлись мои братья Петр и Юрий ЮДИНЫ.

Вопрос: Ваши братья арестовывались органами Советской власти?

Ответ: Да, в 1928 году мои братья Петр и Юрий ЮДИНЫ, в то время владельцы металлотянущей мастерской, были арестованы органами ОГПУ и затем сосланы в Северный край сроком на три года. По возвращении из ссылки Юрий работал технологом на одной из фабрик города Москвы и примерно в 1942 году был вторично арестован за хищение с фабрики серебра и осужден на 10 лет заключения в лагерь. Второй мой брат ЮДИН Петр Сергеевич последнее время работал в Москве аспирантом научно-исследовательского института водного транспорта.

Вопрос: А еще у вас были братья?

Ответ: У меня был третий брат — ЮДИН Глеб Сергеевич, служивший до 1918 года штабс-капитаном в царской армии. В 1918 или 1919 годах он умер в Москве от сыпного тифа. Других братьев у меня не было.

Вопрос: Теперь расскажите о себе. Чем вы занимались до Октябрьской революции?

Ответ: В 1909 или 1910 годах я окончил 2-ю Московскую гимназию и поступил на учебу в Московский университет на естественный, затем медицинский факультет. Должен отметить, что с 16-летнего возраста я жил на собственные заработки уроками, которые давал в частных домах у помещиков и фабрикантов. В 1914 году, в начале Первой мировой войны я добровольно поступил на службу в действующую армию зауряд-врачом так называемого передового отряда Красного Креста при гвардейской стрелковой бригаде. Через некоторое время я перешел на службу в 267 пехотный полк, в котором служил мой брат ЮДИН Петр командиром роты. В этом полку я служил вначале младшим врачом, а после того, как в 1916 году я сдал государственные экзамены в университете и получил диплом лекаря 1 степени, был назначен на должность старшего врача того же 267 полка. В июле 1916 года на фронте я был ранен и эвакуирован в госпиталь в Москву. На излечении я находился до лета 1917 года, после чего получил назначение в город Тулу в 40-й сводный эвакуогоспиталь старшим ординатором хирургического отделения. Там в Туле меня и застала Октябрьская революция.

Вопрос: Как вы восприняли Октябрьскую революцию?

Ответ: В то время, а также и в течение ряда последующих лет я совершенно не знал программы и целей большевистской партии и в связи с этим Октябрьскую революцию воспринял с недоумением. Что касается моих политических настроений в тот период, то они на протяжении многих лет воспитывались газетой «Русские ведомо-

сти» — органом московской профессуры преимущественно кадетского направления, которую (газету) я читал ежедневно. Сочувствуя кадетам, при выборах в Учредительное собрание я не колеблясь голосовал за кадетскую партию «Народной свободы», хотя сам никогда ни в одной политической партии не состоял. Тогда я был уверен, что государственное устройство будет установлено Учредительным собранием, и был чрезвычайно удручен, когда это учреждение прекратило свое существование в результате революционных событий. Точно так же я был удручен последовавшим далее убийством бывших членов Государственной Думы и лидеров кадетской партии ШИНГАРЕВА и КОКОШКИНА. Все это не привлекло моих симпатий к происходившим под руководством большевиков событиям, но я считал, что «крайние течения», под чем я подразумевал действия анархистов, левых эсеров и большевиков, в свое время войдут в нормальное русло.

Допрос прерван в 18 часов

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³²

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича (продолжение)

от 10 октября 1951 года <...>

Допрос возобновлен в 21 час 40 минут

Вопрос: Чем вы занимались после Октябрьской революции?

Ответ: В 1918 — 1919 годах я продолжал работать в эвакуогоспиталях в городе Туле и одновременно был хирургом Тульской земской больницы. Осенью 1919 года я демобилизовался с военной службы и поступил в хирургический санаторий Управления «Центропленбежа» в поселке Захарьино, под Москвой. В Захарьино я работал хирургом до марта 1922 года, затем был избран на должность заведующего хирургическим отделением больницы при фабрике «Красный текстильщик» в городе Серпухове. Там я работал до 1928 года, т. е. до момента избрания меня главным хирургом научно-исследовательского Института имени Склифосовского Мосгорздравотдела. В этой последней должности я работал до дня моего ареста в декабре 1948 года. Кроме того, следует отметить, что в период работы в Институте имени Склифосовского я по совместительству работал в других медицинских учреждениях Москвы.

Вопрос: Каких?

Ответ: С 1929 года и до начала Отечественной войны я руководил кафедрой хирургии в Центральном институте усовершенствования врачей, имея с 1930 года звание профессора. В 1942 — 1946 годах я был старшим инспектором Главного Военно-санитарного управления Советской армии в звании полковника медицинской службы. Вместе с тем, начиная с 1943 года я заведовал кафедрой хирургии в Медицинском институте Министерства здравоохранения РСФСР. В 1944 году я был избран действительным членом Академии медицинских наук СССР.

Вопрос: Ранее вы показывали, что неоднократно выезжали за границу. Уточните, в каких странах вы бывали?

Ответ: В 1923 году я выезжал в Берлин с целью приобретения для больницы рентгеновской аппаратуры. Пробыл я в Берлине 5 — 6 дней и потом возвратился об-

³² ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 107 — 109.

ратно в Советский Союз. Второй раз я выезжал за границу в научную командировку в США в 1926 году. В Америке я находился около двух месяцев, бывал во многих городах, где посещал хирургические клиники. По пути в Америку я останавливался в Лондоне, Ливерпуле (Англия), Квебеке и Торонто (Канада), а при возвращении — в Париже. В общей сложности эта моя заграничная поездка продолжалась около четырех месяцев. Третий раз я выезжал в научную заграничную командировку в 1929 году во Францию, будучи уже главным хирургом Института имени Склифосовского. Был я тогда в Париже, где выступал с докладами в Академии хирургии. В конце 1932 года в Париж я ездил еще раз, делал там доклады и лекции по хирургии в различных медицинских учреждениях. Из Парижа я выезжал на автомобиле в Испанию (в Барселону и Мадрид), где пробыл 8 — 10 дней, а также ездил в Лондон для работы в Лондонской медицинской библиотеке. В этот раз я пробыл за границей примерно два месяца. После этого в заграничные командировки я больше не выезжал, если не считать мое пребывание в действующей армии в Польше и Германии в 1945 году и вызов меня в 1946 году в Вену для консультации по поводу болезни маршала Конева.

Допрос окончен в 1 час 20 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН

Допросил:

Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³³

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 15 октября 1951 года <...>

Допрос начат в 12 часов 05 минут

Вопрос: Назовите своих близких знакомых среди высшего командно-политического состава Советской армии?

Ответ: У меня было много знакомых среди военно-медицинских работников, в частности, я был близко знаком с генерал-полковником СМЕРНОВЫМ — бывшим начальником Главного Военно-санитарного управления Советской армии.

Вопрос: Следствие интересуется прежде всего ваши связи не с медицинскими работниками, а среди высшего командного состава Советской армии. Говорите, с кем из таких лиц вы имели встречи?

Ответ: Один раз в январе 1944 года я имел встречу с маршалом ЖУКОВЫМ.

Вопрос: Где это было?

Ответ: На командном пункте 5-й Гвардейской армии под городом Кировоградом, куда я выезжал в служебную командировку вместе со своей медицинской бригадой. От командующего армией генерала ЖАДОВА мне стало известно, что в районе Кировограда намечается большое сражение. В связи с этим я попросил ЖАДОВА разрешить мне быть в таком месте, где бы можно было своими глазами видеть бой. Он пригласил меня к себе на командный пункт. Неожиданно для меня на командном пункте 5-й Гвардейской армии появился ЖУКОВ, и там я встретился с ним. ЖУКОВ очень тепло меня принял и, пока он находился на командном пункте, все время был занят разговором со мной, как с гостем, академиком. Я, ЖУКОВ и ЖАДОВ сидели втроем в землянке и несколько раз выходили наверх посмотреть, как идет артилле-

³³ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 112 — 130.

рийская подготовка. Затем ЖУКОВ угощал меня завтраком. Все это продолжалось 30 – 40 минут.

Вопрос: О чем вы беседовали с ЖУКОВЫМ?

Ответ: Темой нашего разговора в основном было предстоящее наступление советских войск. Вместе с тем я делился своими впечатлениями об артиллерийской стрельбе в Первую мировую войну. Когда я сказал, что такого сильного огня, как здесь, я никогда не видел, ЖУКОВ заметил: «Это еще пустяки, сейчас у нас здесь 198 стволов на километр, а у меня под Киевом было 250».

Вопрос: Кроме разговоров на военные темы, о чем вы говорили с ЖУКОВЫМ?

Ответ: Других разговоров с ЖУКОВЫМ у меня не было, и больше я с ним не встречался.

Вопрос: А с ЖАДОВЫМ вы когда познакомились?

Ответ: Впервые я встретился с ЖАДОВЫМ в начале января 1944 года на фронте под Кировоградом. 5-й Гвардейской армии, которой командовал ЖАДОВ, я оказывал содействие в хирургическом обслуживании, и в связи с этим армейский хирург меня представил ЖАДОВУ. До этого я ЖАДОВА не знал.

Вопрос: С кем еще вы были знакомы из высшего военного командования?

Ответ: В числе моих знакомых был также главный маршал артиллерии ВОРОНОВ, который являлся моим пациентом. С ВОРОНОВЫМ я познакомился в конце 1939 или в начале 1940 года в Центральном военном госпитале в Москве. Начальник госпиталя МАНДРЫКА меня пригласил тогда на медицинскую консультацию к ВОРОНОВУ в связи с его заболеванием после автомобильной катастрофы, случившейся с ВОРОНОВЫМ во время польской кампании в 1939 году. В дальнейшем я еще раза три консультировал ВОРОНОВА в Центральном военном госпитале, и однажды во время Отечественной войны меня приглашали к ВОРОНОВУ на большой медицинский консилиум в Кремлевскую больницу.

Вопрос: В госпитале вы виделись с ним наедине?

Ответ: Нет, в госпитале у ВОРОНОВА я всегда был вместе с МАНДРЫКОЙ, рентгенологом и другими врачами.

Вопрос: Где еще вы встречались с ВОРОНОВЫМ?

Ответ: В период Отечественной войны, примерно в 1943 – 1944 годах, три-четыре раза я посещал ВОРОНОВА по месту его службы в Главном артиллерийском управлении на Солянке, в Москве.

Вопрос: Чем были вызваны эти посещения?

Ответ: На службу к ВОРОНОВУ я ездил по собственной инициативе, обращался к нему с просьбами предоставить мне самолет для поездок с медицинской бригадой на фронт по командировкам Главного санитарного управления Красной армии. ВОРОНОВ два или три раза предоставлял мне самолет «Дуглас» из числа машин, находившихся в его личном распоряжении, и дважды по моей просьбе давал мне вагоны для перевозки на фронт моих ортопедических столов и медицинского персонала.

Вопрос: Почему именно к ВОРОНОВУ вы обращались по этим вопросам, а не в Главное военно-санитарное управление, которое командировало вас на фронт?

Ответ: Тех транспортных средств, которые предоставлялись для моих бригад по линии Главного военно-санитарного управления Красной армии, было недостаточно.

ВОРОНОВ же, имея в своем личном распоряжении несколько «Дугласов», мог, как мне казалось, без особых затруднений выделить для меня один самолет. Поскольку других знакомых, располагавших такими возможностями, у меня не было, я и обращался именно к ВОРОНОВУ.

Вопрос: Кто присутствовал при ваших встречах с ВОРОНОВЫМ у него на службе?

Ответ: Никто. ВОРОНОВ принимал меня в своем кабинете наедине.

Вопрос: Какие вы имели разговоры с ним при этих встречах?

Ответ: Разговоры с ВОРОНОВЫМ у меня были самые разнообразные, но в основном они касались моих поездок в действующую армию и моих личных просьб о предоставлении самолетов и вагонов для поездок на фронт.

Вопрос: Только ли по этим вопросам вы беседовали с ВОРОНОВЫМ?

Ответ: ВОРОНОВУ я рассказывал также о тех трудностях, которые мне приходилось испытывать при постройке изобретенных мною ортопедических столов, которыми снабжались медицинские учреждения Красной армии. В частности, я говорил ему, что эти столы изготавливаются отдельными частями на разных предприятиях Щербаковского, тогда Ростокинского, района Москвы. При этом я высказывал ВОРОНОВУ недовольство тем, что изготовление моих столов организовано плохо и идет очень медленно. Выражая свое возмущение по этому поводу, однажды я как-то сказал ВОРОНОВУ такую фразу: «Это же “совдепия” какая-то!»

Вопрос: Какой смысл вы вкладывали в эти слова?

Ответ: Я имел в виду неразбериху, которая существовала, с моей точки зрения, в период военного коммунизма.

Вопрос: Неразбериху вы олицетворяли с советской властью?

Ответ: Не с советской властью вообще, а лишь с периодом военного коммунизма. ВОРОНОВУ я выразил свое недовольство бюрократическим отношением к производству ортопедических столов в период войны и в связи с этим произнес слово «совдепия». Эту фразу, конечно, не следовало бы произносить в разговоре с маршалом, но она сорвалась у меня с языка, будучи вызвана теми затруднениями, с которыми мне приходилось сталкиваться при изготовлении ортопедических столов.

Вопрос: Что ответил ВОРОНОВ на ваши высказывания?

Ответ: ВОРОНОВ сказал мне тогда примерно следующее: «Не в одном вашем ведомстве существуют трудности и неразбериха. У нас тоже (я понял — на артиллерийских заводах) есть масса неполадок, неудобств и разгильдяйства. Но сейчас не время этим заниматься, сейчас война. Вот кончится война, тогда все переменится». Далее ВОРОНОВ добавил: «И у каждого будет свой дом, свой стол, своя кружка» или «ложка», что-то в этом роде. Эту последнюю фразу ВОРОНОВА я вспомнил после того, как ее напомнила мне на очной ставке ВОДОВОЗОВА Наталья, которой я в свое время передавал содержание моего разговора с ВОРОНОВЫМ.

Вопрос: Выходит, что в ответ на ваше заявление о «совдепии» ВОРОНОВ клеветнически отозвался о положении дел в стране. Так вас надо понимать?

Ответ: Нет, как я понял ВОРОНОВА, он говорил о неполадках лишь в своем артиллерийском ведомстве. Что касается моего заявления о «совдепии», то я точно не помню, было ли с моей стороны произнесено это слово в беседе с ВОРОНОВЫМ, ибо с тех пор прошло около 10 лет.

Вопрос: Как же так. Вы же только что сами показали, что именно это слово было сказано вами в разговоре с ВОРОНОВЫМ.

Ответ: Смысл был такой, я это не отрицаю. Видимо, слово «совдепия» я действительно называл.

Вопрос: Что еще вам говорил ВОРОНОВ?

Ответ: Больше никаких разговоров в этой части у меня с ВОРОНОВЫМ не было.

Вопрос: Но ведь вы сами ранее показали, что вы высказывали ВОРОНОВУ клеветнические измышления о положении в стране, а ВОРОНОВ посвящал вас в пре-

ступные замыслы некоторых командиров Советской армии, недовольных, как вы говорили на следствии, «политической обстановкой в стране».

Когда у вас были такие разговоры с ВОРОНОВЫМ?

Ответ: Антисоветских разговоров с ВОРОНОВЫМ у меня не было, и ни о каких недовольствах среди военных ВОРОНОВ мне не говорил. В ответ на мое возмущение по поводу препятствий в постройке ортопедических столов ВОРОНОВ высказался в том смысле, что сейчас идет война, страна испытывает трудности, кончится война, и все уладится. Вот так я его понял. Так я и показывал на следствии, когда меня допрашивал о моей связи с ВОРОНОВЫМ полковник КОМАРОВ. Однако мои показания были искажены, и в протоколах допроса им была дана КОМАРОВЫМ совершенно неправильная интерпретация. Подписал же я эти протоколы под воздействием суровых мер.

Вопрос: Каких мер?

Ответ: Я не хочу говорить, так как это будет жалоба.

Вопрос: Не жалоба, а ваше заявление. Отвечайте на поставленный вопрос.

Ответ: Прежде всего, допросы мои сопровождались непрерывной нецензурной бранью и угрозами. В течение девяти суток при первых допросах мне не давали спать. Шесть раз полковник КОМАРОВ ударил меня по лицу, заставлял лечь на пол, раздеться и грозил избиениями резиновой палкой. Я был в невменяемом состоянии.

Вопрос: Но ваши показания об антисоветских разговорах с ВОРОНОВЫМ зафиксированы не только в протоколах допроса. Вам представляется ваше собственноручное заявление о том, что ВОРОНОВУ вы неоднократно высказывали свои антисоветские настроения и что относительно недовольства среди военных и их намерений изменить политический курс в стране ВОРОНОВ сообщил вам поздней осенью 1942 года, когда вы посетили его на даче по Можайскому шоссе. Когда вы написали это заявление?

Ответ: Предъявленное мне заявление было написано мною после подписания одного из основных моих протоколов.

Вопрос: В то время вы были в полном сознании?

Ответ: Мне уже давали тогда спать, но у меня еще продолжались сердечные припадки.

Вопрос: То, что написано вами в заявлении, соответствует истине?

Ответ: Нет. Это заявление было написано мною под диктовку того же КОМАРОВА.

Вопрос: Между тем, от работников МГБ, присутствовавших при ваших допросах, известно, что заявление о ВОРОНОВЕ вы писали по собственной инициативе и без какого-либо нажима. Что же вы лжете?

Ответ: Я говорю правду, что это заявление было написано мною под диктовку КОМАРОВА. Помню, что по его настоянию я указал в заявлении, что антисоветский разговор с ВОРОНОВЫМ у меня состоялся на даче ВОРОНОВА, по Можайскому шоссе. Тогда как я не раз показывал КОМАРОВУ, что я не помню, где именно у меня был разговор с ВОРОНОВЫМ, когда последний бросил фразу, что после войны «у каждого будет свой дом, свой стол, своя кружка».

Вопрос: Но вы же были на даче у ВОРОНОВА?

Ответ: Во время Отечественной войны, не помню, в каком году, я один раз был на даче у ВОРОНОВА по Можайскому шоссе, когда он лежал с очередным припадком. На дачу меня, кажется, сопровождал адъютант ВОРОНОВА МИТЕРИН.

Вопрос: Сколько времени вы тогда были у ВОРОНОВА?

Ответ: 20 — 25 минут. Я осматривал ВОРОНОВА один, присутствовала только его жена. Какие у меня были тогда разговоры с ВОРОНОВЫМ, я теперь не помню. Могу только одно с уверенностью сказать, что антисоветских разговоров с ВОРОНОВЫМ у меня никогда не было, и относительно недовольства среди военных ВОРОНОВ мне ничего не рассказывал. В моем заявлении написана ложь под нажимом КОМАРОВА.

Вопрос: Все, что изложено в вашем собственноручном заявлении, вы по существу рассказывали в свое время ВОДОВОЗОВОЙ Наталье, и она подтвердила это на очной ставке с вами.

Ответ: Фразу ВОРОНОВА насчет того, что после войны у каждого будет «свой дом, стол и кружка» я передавал Наталье ВОДОВОЗОВОЙ в одну из встреч с нею у меня дома или в ее квартире. Однако и ВОДОВОЗОВА на очной ставке со мной не интерпретировала это как какой-то военный заговор.

Вопрос: ВОДОВОЗОВА утверждает, что, ссылаясь на слова своего знакомого крупного военачальника, вы рассказывали ей о том, что среди военных существует группа недовольных, намеревавшихся изменить после войны положение в стране. Говорили вы ей это?

Ответ: Никогда ВОДОВОЗОВОЙ я этого не говорил и говорить не мог, потому что сам таких фактов ни от кого не слышал.

Вопрос: Как же вам верить, коль вы сами ранее подтверждали это и подписывали в протоколах?

Ответ: Показаний о том, что ВОРОНОВ или кто-то другой говорил мне относительно недовольства среди военных я не давал. После очной ставки с ВОДОВОЗОВОЙ я подтвердил только фразу ВОРОНОВА относительного того, что после войны «у каждого будет свой дом, свой стол, своя кружка». Эти слова ВОРОНОВА, как я их понял, не означали ничего плохого.

Вопрос: Уточните, в связи с чем ВОРОНОВ произнес эту фразу?

Ответ: В связи с тем, что сейчас из-за войны встречаются трудности, что ему, ВОРОНОВУ, трудно строить пушки, а мне — ортопедические столы. Вот кончится война, тогда все наладится, и у каждого будет и стол, и дом, и кружка. Вот так я понял ВОРОНОВА. В моих же протоколах этим словам ВОРОНОВА было придано совершенно иное значение — как выдача мне ВОРОНОВЫМ какого-либо военного заговора. Неужели ВОРОНОВ, имея со мной знакомство как с врачом, вдруг стал бы говорить мне о недовольствах среди военнослужащих?

Вопрос: Он же знал, что вы вынашиваете антисоветские взгляды?

Ответ: Таких взглядов ВОРОНОВУ я никогда не высказывал.

Вопрос: Как же не высказывали? В разговоре с ВОРОНОВЫМ вы же допустили антисоветский выпад, клеветнически охарактеризовав положение в стране «совдепией», и таким образом раскрыли свое политическое лицо?

Ответ: Я не думаю, чтобы только по одному этому слову ВОРОНОВ мог сделать определенный вывод о моих политических взглядах и стал говорить со мной откровенно. Прошу мне верить, что я не стал бы выгораживать ВОРОНОВА, но я не могу кривить душой.

Вопрос: ГОЛИКОВУ вы знаете?

Ответ: Да, знаю. Это моя бывшая сотрудница, близкий мне человек. Вместе со мной она работала в Институте имени Склифосовского в течение 15 лет.

Вопрос: Вы имели очную ставку с ГОЛИКОВОЙ?

Ответ: Да, имел.

Вопрос: Что вы показывали на этой очной ставке?

Ответ: Я только подтвердил то, что выпалила ГОЛИКОВА скороговоркой, отвечая на вопрос КОМАРОВА.

Вопрос: А в чем она вас изобличала?

Ответ: ГОЛИКОВА говорила о каких-то ужасных, кошмарных вещах, о моих высказываниях насчет Политбюро и маршала ЖУКОВА, тогда как слово Политбюро я никогда не произносил в своей жизни. Я даже не знаю функций Политбюро.

Вопрос: Вы отвечайте яснее, какие именно показания давала ГОЛИКОВА на очной ставке с вами?

Ответ: ГОЛИКОВА сказала, что когда-то я ей якобы говорил о предстоящей смене советского правительства и Политбюро, о военном заговоре и в связи с этим называл будто бы фамилию ЖУКОВА. На самом же деле я ей этого никогда не говорил.

Вопрос: Но вы подтвердили ее показания и подписали протокол?

Ответ: Очная ставка с ГОЛИКОВОЙ была в то время, когда я допрашивался в очень тяжелых условиях и мог подписать, что угодно. Тогда мне было совершенно безразлично, что показывает ГОЛИКОВА, ибо она говорила не своими словами.

Вопрос: Не делайте личных умозаключений, а показывайте правду по существу ваших разговоров с ГОЛИКОВОЙ.

Ответ: Я, безусловно, не раз высказывал ГОЛИКОВОЙ свое глубокое сожаление, что маршал ЖУКОВ оказался в опале. Вероятно, я говорил ГОЛИКОВОЙ и о том, что ЖУКОВ «пал за бонапартизм», поскольку об этом мне было известно от генерала ЖАДОВА. Разговор с ЖАДОВЫМ относительно ЖУКОВА произошел у меня при следующих обстоятельствах. В 1947 или в 1948 году мне не раз приходилось встречаться с ЖАДОВЫМ в санатории «Архангельское», и к тому времени между нами установились хорошие отношения (в 1948 году, например, в день присуждения мне Сталинской премии, ЖАДОВ первым чуть свет приехал меня поздравить). И вот как-то вечером, гуляя с ЖАДОВЫМ в парке в «Архангельском» и разговаривая о политических событиях в Чехословакии, я, перескочив с этой темы, спросил ЖАДОВА: «Алексей Семенович, друг мой, скажите, что случилось с ЖУКОВЫМ?» ЖАДОВ замаялся и потом буркнул только одно слово «За бонапартизм».

Вопрос: Что еще вам говорил ЖАДОВ по этому поводу?

Ответ: Больше ничего.

Вопрос: Однако после очной ставки с ГОЛИКОВОЙ 10 января 1949 года вы показали, что осенью 1947 года в санатории «Архангельское» ЖАДОВ, выражая свою преданность ЖУКОВУ, высказывал вам недовольство Советским правительством. Почему же теперь вы умалчиваете об этом?

Ответ: Мои показания о ЖАДОВЕ в протоколе допроса от 10 января 1949 года были сформулированы неправильно. На мой вопрос о ЖУКОВЕ ЖАДОВ ответил буквально одним словом «за бонапартизм» и ничего больше на этот счет не говорил. Антисоветских взглядов ЖАДОВ мне никогда не высказывал. Я показываю сейчас истинную правду.

Вопрос: Вы кичитесь своей правдивостью и в то же время стремитесь запутать следствие. То вы подписывали ряд протоколов и давали собственноручные показания, теперь же отрицаете даже то, что признавали на очных ставках.

Ответ: Я уже объяснил, в каких условиях подписывались мною протоколы в начале следствия. За то, что я их подписал, я три года нахожусь в тюрьме.

Вопрос: Три года вы находитесь под следствием потому, что не излагаете правдиво характер своей связи с определенными лицами и не хотите полностью рассказать о своих преступлениях перед советской властью.

Ответ: На вопросы, которые мне сегодня были поставлены, я показал всю правду, ничего не скрывая.

Допрос окончен в 14 часов 15 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. **ЮДИН**
Допросили: Зам[еститель] министра гос[ударственной] безопасности
Союза ССР — Генерал-полковник ГОГЛИДЗЕ
В[ременно] и[сполняющий] о[бязанности] начальника След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — полковник РЮМИН
Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³⁴

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича
от 25-го октября 1951 года <...>

Допрос начат в 12 часов

Вопрос: О всех ли встречах с ВОРОНОВЫМ вы показали на допросе 15 октября с[его] г[ода]?

Ответ: На этом допросе я забыл назвать еще одну свою встречу с ВОРОНОВЫМ, которая имела место в мае или июне 1942 года в санатории «Архангельское», под Москвой. В то время я находился в «Архангельском» на излечении вследствие случившегося со мной инфаркта [миокарда], и ВОРОНОВ приезжал в санаторий, чтобы навестить меня. Помню, что о приезде ко мне ВОРОНОВА я был тогда заранее предупрежден телефонограммой из дирекции санатория. Вскоре после этого ВОРОНОВ приехал в «Архангельское» в автомашине и сразу же навестил меня, желая осведомиться о моем здоровье. Мы вышли из помещения и в течение 15 — 25 минут прогуливались в крытой галерее бывшего Юсуповского дворца, поскольку в тот момент была гроза с сильным дождем.

Вопрос: О чем вы разговаривали с ВОРОНОВЫМ в «Архангельском»?

Ответ: ВОРОНОВ сообщил мне, что заключен договор с Англией (в газете об этом я тогда еще не читал) и что Черчилль дал обещание открыть второй фронт в 1942 году. Весь наш разговор касался в основном этих двух вопросов.

Вопрос: А еще о чем сообщал вам ВОРОНОВ в эту встречу?

Ответ: Других разговоров у меня с ним тогда не было.

Вопрос: А в отношении положения советских войск на фронте в тот раз с ВОРОНОВЫМ разве у вас разговора не было?

Ответ: Нет. Насколько я помню, в тот период серьезных операций на фронте не проводилось, и по этому поводу ВОРОНОВ мне ничего не говорил.

Вопрос: Но вы же сами на допросе от 29 декабря 1948 года показывали, что при встрече в санатории «Архангельское» ВОРОНОВ «подробно охарактеризовал положение советских войск на германском фронте и ближайшие перспективы военных действий».

Ответ: Мои показания относительно разговоров с ВОРОНОВЫМ в «Архангельском» были записаны в протоколе допроса от 29 декабря 1948 года неправильно. В действительности ВОРОНОВ о перспективах военных действий мне ничего в «Архангельском» не рассказывал. <...>

³⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 143 — 149.

Относительно обещания Черчилля открыть второй фронт ВОРОНОВ мне говорил, а по поводу положения на советско-германском фронте мы с ним тогда не разговаривали. Мои показания по этому вопросу в протоколе от 15 января 1949 года также искажены теми, кто составлял этот протокол. Подписал же я этот документ под воздействием, как я уже показывал ранее, суровых мер. Должен сказать, что о положении советских войск на фронте или о каких-либо предстоящих боевых операциях ВОРОНОВ никогда мне ничего не сообщал.

Вопрос: Как же так. На допросе от 29 декабря 1948 года вы показали: «ВОРОНОВ однажды поставил меня в известность о предстоящих операциях советских войск под Сталинградом». Почему же теперь вы заявляете, то таких разговоров у вас с ним не было?

Ответ: Относительно боев под Сталинградом разговор с ВОРОНОВЫМ у меня состоялся не в период подготовки или проведения Сталинградской операции, как это указано в прежних протоколах допроса, а в 1944 году, когда я встречался с ВОРОНОВЫМ у него на службе в Главном артиллерийском управлении, обращаясь к нему с просьбами о предоставлении самолета для поездки на фронт.

Дело было так. В одну из таких встреч с ВОРОНОВЫМ мы разговорились о военных событиях. Вспоминая прошлое, я как-то коснулся вопроса о боях с немцами под Сталинградом и сказал, что там был сильный артиллерийский огонь со стороны советских войск. На это ВОРОНОВ мне ответил примерно следующее: «Так недаром с этими боями связано празднование Дня артиллерии. Для заключительного обстрела группировки ПАУЛЮСА я смог тогда даже из-под Москвы подбросить артиллерию к Сталинграду». Вот в таком духе велся разговор о Сталинградских боях в кабинете у ВОРОНОВА в 1944 году.

Вопрос: Но ведь ранее вы показывали об этом иначе. Вы утверждали в начале следствия, как это видно из протоколов допроса, что разговор с ВОРОНОВЫМ о положении под Сталинградом у вас состоялся на даче у ВОРОНОВА в конце 1942 года и что информацию, полученную вами из разговора с ВОРОНОВЫМ, вы потом передали англичанину ЧОЛЕРТОНУ. Подтверждайте это!

Ответ: Факты, изложенные в первых моих протоколах допроса относительно разговора с ВОРОНОВЫМ о боях под Сталинградом, я категорически отрицаю.

Мои показания по этому вопросу были записаны тогда неверно. О боях под Сталинградом я разговаривал с ВОРОНОВЫМ в 1944 году. Как я теперь вспомнил, в период подготовки и проведения Сталинградской операции, то есть во второй половине 1942 года и в начале 1943 года, с ВОРОНОВЫМ наедине я вовсе не встречался. Уточняю, что не виделся я с ВОРОНОВЫМ у него на службе и в 1943 году, так как самолет для поездки на фронт, в Полтаву, а потом дальше, под Кировоград, как я теперь вспомнил, мне был предоставлен в декабре 1943 года не ВОРОНОВЫМ, а Главным военно-медицинским управлением Советской армии. Следовательно, никаких разговоров с ВОРОНОВЫМ о предстоящих боях под Сталинградом у меня быть не могло, и ЧОЛЕРТОНУ об этом я никакой информации не передавал. Что касается моего посещения дачи ВОРОНОВА, то я утверждаю, что никаких разговоров, кроме как на медицинские темы, у меня с ВОРОНОВЫМ там не было.

Вопрос: Когда вы были на даче у ВОРОНОВА?

Ответ: Как больного, ВОРОНОВА я посетил на его даче в конце осени или в начале зимы, но в каком году это было, я точно не помню. Кажется мне, что на даче у ВОРОНОВА я был в конце 1943 года, почти наверняка.

Допрос окончен в 17 часов 30 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части по Особо важным делам
МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³⁵

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 3 ноября 1951 года <...>

Допрос начал в 14 часов 25 минут

Вопрос: Профессор ДАВЫДОВСКИЙ Ипполит Васильевич вам известен?

Ответ: Да, ДАВЫДОВСКОГО Ипполита Васильевича я знаю давно. Мы были знакомы друг с другом в течение примерно двадцати лет как научные работники. Многие годы ДАВЫДОВСКИЙ был профессором 2-го Московского медицинского института и с 1944 года являлся вице-президентом Академии медицинских наук СССР. Я тесно с ним был связан по научной работе в силу особой комбинации наших специальностей: я — как хирург, а ДАВЫДОВСКИЙ — патологоанатом.

Вопрос: Только ли по научной работе вы были тесно связаны с ДАВЫДОВСКИМ?

Ответ: Нет. Кроме того с ДАВЫДОВСКИМ мы были близкими друзьями и часто встречались в домашней обстановке. Много раз мы совместно выезжали на охоту, особенно в 1945 — 1948 годах. До войны, в 1939 году вместе с ДАВЫДОВСКИМ мы выезжали в Баку, где читали лекции и жили там в одном номере гостиницы, а потом совместно выезжали на охоту в Ленкорань, к иранской границе. В 1941 году я крестил в церкви дочь ДАВЫДОВСКОГО по просьбе его жены Натальи Васильевны, с которой я также был близко знаком.

Вопрос: Как от близкого человека, ДАВЫДОВСКИЙ очевидно не скрывал от вас свои политические взгляды?

Ответ: С ДАВЫДОВСКИМ мне часто приходилось вести разговоры на самые различные темы, в том числе и по политическим вопросам. Во время войны мы вместе однажды слушали английские радиопередачи у него в квартире и обменивались мнениями по текущим внутренним и международным событиям. Однако ничего предосудительного в наших разговорах не было. ДАВЫДОВСКИЙ мне известен как вполне советский человек.

Вопрос: А разве у вас с ДАВЫДОВСКИМ антисоветских разговоров не было?

Ответ: Нет, никогда ни я, ни ДАВЫДОВСКИЙ антисоветских взглядов в совместных беседах не высказывали. ДАВЫДОВСКИЙ очень осторожный человек, а я не мог высказываться в антисоветском духе, ибо вражды к советской власти у меня не было.

Вопрос: Но это неправда. На прошлых допросах следствие уже избличало вас как врага советского строя показаниями ваших сообщников. И в данном случае вам зачитываются показания арестованной ГОЛИКОВОЙ о том, что с ДАВЫДОВСКИМ вы неоднократно вели разговоры антисоветского характера. Показывайте о своей антисоветской связи с ДАВЫДОВСКИМ.

Ответ: Показания ГОЛИКОВОЙ не соответствуют действительности, так как никогда антисоветских разговоров с ДАВЫДОВСКИМ, повторяю, у меня не было. Верно, что ГОЛИКОВА как близкий мне человек знала о моих дружеских отношениях с ДАВЫДОВСКИМ и вместе с нами не раз выезжала на охоту. Однако не было случая, чтобы при ГОЛИКОВОЙ я или ДАВЫДОВСКИЙ вели какие-либо антисоветские разговоры.

³⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 182 — 187.

Вопрос: Скажите, в 1946 году в день выборов в Верховный Совет СССР вы выезжали на охоту с ДАВЫДОВСКИМ и ГОЛИКОВОЙ?

Ответ: Да, выезжал. Я помню, как тогда ДАВЫДОВСКИЙ торопился с охоты в Москву, чтобы принять участие в голосовании. Я же проголосовал в тот день рано утром еще до выезда на охоту.

Вопрос: На охоте у вас были разговоры с ДАВЫДОВСКИМ относительно системы выборов в Советском Союзе?

Ответ: Я помню, что ДАВЫДОВСКИЙ, торопясь в Москву, говорил, что ему надо еще голосовать, и добавлял: «Неудобно же мне явиться на избирательный участок под самый конец».

Вопрос: И все?

Ответ: Да, других разговоров с ДАВЫДОВСКИМ относительно выборов я не помню.

Вопрос: Арестованная ГОЛИКОВА М. П., говоря на следствии о ваших вражеских высказываниях на охоте в день выборов в Верховный Совет, показала: «...ЮДИН и ДАВЫДОВСКИЙ стали вообще охаивать выборы в Верховный Совет и клеветнически утверждать, что ничего в них демократического нет... процедуру выборов в Верховный Совет ЮДИН и ДАВЫДОВСКИЙ называли бутафорией». Вы что же об этом разве забыли?

Ответ: Не отрицаю, что относительно системы выборов в СССР у меня было неправильное мнение в силу моих либеральных взглядов, когда я считал, что при выборах в Советском Союзе имеются некоторые ограничения, в частности, нет возможности выдвижения любых кандидатур. Эти свои взгляды я высказывал ГОЛИКОВОЙ как близкому мне человеку. Но я никогда не отзывался о выборах в Советском Союзе в таком духе, как это показала ГОЛИКОВА. Приведенные показания ГОЛИКОВОЙ являются ложными, так как с ДАВЫДОВСКИМ у меня не было никаких антисоветских разговоров по вопросу о выборах в Верховный Совет СССР, как и вообще каких-либо антисоветских высказываний. <...>

Вопрос: Вам известно социальное прошлое ДАВЫДОВСКОГО?

Ответ: Из выступления ДАВЫДОВСКОГО на юбилейном заседании по поводу его шестидесятилетия в 1946 или 1947 году я знаю, что отец его был священником в Ярославской губернии. Относительно ДАВЫДОВСКОГО я могу еще сказать то, что жена его (вторая) Наталья Васильевна — донская казачка, из зажиточной семьи, является племянницей первой его жены, с которой ДАВЫДОВСКИЙ развелся в 1930-х годах. <...>

Допрос окончен в 18 часов 15 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³⁶

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича
от 12 ноября 1951 года <...>

Допрос начат в 13 часов 20 минут <...>

Вопрос: С бывшим наркомом здравоохранения Каминским вы были знакомы?

³⁶ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 202 — 205.

Ответ: Да, Каминского я знал в 1930-х годах как наркома здравоохранения.

Вопрос: Какую связь вы с ним имели?

Ответ: Я бывал у Каминского на приемах по вопросу получения разрешения для поездки в заграничную командировку, встречался с ним на медицинском съезде в Ленинграде. Один раз я видел Каминского в клинике у Бурденко. Однажды Каминский со своей женой был у меня в клинике, в Институте имени Склифосовского, где присутствовал на операции. Мои отношения с Каминским носили служебный характер.

Вопрос: И только?

Ответ: Никакой другой, кроме служебной, связи с Каминским у меня не было.

Вопрос: Что вам известно о преступной деятельности Каминского в области здравоохранения?

Ответ: По этому вопросу я абсолютно ничего не знаю. Относительно причин ареста Каминского органами НКВД у меня был как-то разговор с профессором Очкиным. Это было много времени спустя после ареста Каминского. Очкин мне сказал, что со слов бывшего наркома внутренних дел Ежова, с которым Очкин встречался как с пациентом, ему, Очкину, известно, что Каминский являлся в свое время агентом-provokatorом царской охранки. Вот все, что я имею рассказать следствию о Каминском и своей связи с ним.

Вопрос: А с бывшим директором Института имени Склифосовского Вольбергом какие у вас были отношения?

Ответ: С Вольбергом я был знаком только в тот период, когда он являлся директором Института Склифосовского в 1935 — 1937 годах (примерно). Встречался с ним только в служебной обстановке, если не считать одного-двух его посещений моей квартиры, когда он навещал меня как больного в период моей болезни. С Вольбергом я имел только служебные, но дружелюбные отношения. Он, например, всегда считался с моими мнениями по вопросам строительства в Институте имени Склифосовского.

Вопрос: Антисоветскую связь с Вольбергом вы имели?

Ответ: Нет. Каких-либо антисоветских отношений ни с Вольбергом, ни с кем иным у меня не было. В откровенные беседы с Вольбергом, а особенно по политическим вопросам, я никогда не вступал, видя, как он окружал себя в Институте лицами еврейской национальности, которые ко мне относились враждебно. <...>

Допрос окончен в 17 часов

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН

Допросил:

Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³⁷

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 13 ноября 1951 года <...>

Допрос начал в 20 часов 40 минут

Вопрос: Уточните, когда вы познакомились с английским разведчиком ЧОЛЕРТОНОМ?

Ответ: Мое знакомство с ЧОЛЕРТОНОМ началось с того, что я оперировал его по поводу острого аппендицита в Институте имени Склифосовского в середине 1930-х годов. В каком году это было, я точно не помню. Обстоятельства, при которых

³⁷ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 206 — 209.

ко мне обратились для операции **ЧОЛЕРТОНА**, я также припомнить затрудняюсь. Несомненно, что и приглашение, и консультация осуществлялось через его секретаря **ВОДОВОЗОВУ** Наталью, которая, как потом выяснилось, была знакома с моей женой в годы юности.

Вопрос: В последующем вы часто встречались с **ЧОЛЕРТОНОМ**?

Ответ: После операции я навещал несколько раз **ЧОЛЕРТОНА** на дому. В течение последующих двух-трех лет ко мне неоднократно обращался **ЧОЛЕРТОН**, каждый раз через **ВОДОВОЗОВУ**, в связи с его хроническим нездоровьем. Так как мне вскоре стало ясно, что его болезнь требует терапевтического лечения, я рекомендовал ему обратиться к терапевтам. Но и лечившие **ЧОЛЕРТОНА** терапевты неоднократно ко мне обращались для повторной консультации. Когда стало ясно, что моя лечебная роль около **ЧОЛЕРТОНА** исчерпана, я не прервал с ним знакомства, а продолжал встречаться с ним в его квартире и один-два раза — на даче **ВОДОВОЗОВОЙ** в поселке Лианозово. <...>

Вопрос: Что вам известно о **ЧОЛЕРТОНЕ**?

Ответ: Мне было известно, что свыше 10 лет **ЧОЛЕРТОН** был в Москве в качестве корреспондента английской консервативной газеты «Дейли телеграф» или «Дейли мейл». В течение всего этого периода, кажется, бессменным его секретарем была **ВОДОВОЗОВА Н. Д.** Мне также известно, со слов **ЧОЛЕРТОНА**, что до приезда в СССР он был английским корреспондентом во Франции. Я знал также, что, находясь в Советском Союзе, **ЧОЛЕРТОН** женился на советской гражданке и имел от нее дочь.

Вопрос: Охарактеризуйте политическое лицо **ЧОЛЕРТОНА**.

Ответ: Я никогда не заводил с **ЧОЛЕРТОНОМ** политических разговоров, равно как и **ЧОЛЕРТОН** никогда ко мне не обращался с политическими вопросами. Тем не менее я знал, что **ЧОЛЕРТОН** представитель реакционной английской газеты и как таковой он не мог бы служить многие годы, если бы не держался взглядов, соответствующих во всех отношениях политическому курсу этой газеты. Хотя прямых разговоров на политические темы у меня с **ЧОЛЕРТОНОМ** не было, тем не менее я не мог не улавливать его политические взгляды и вкусов в его неоднократных рассказах о жизни и буржуазных порядках во Франции, где он проживал ранее, и в Финляндии, куда он вывез свою жену и дочь.

ЧОЛЕРТОН не скрывал от меня своего предпочтения к буржуазным порядкам, противопоставляя их советской действительности. В целом политическая физиономия **ЧОЛЕРТОНА** была, конечно, мне ясна не только по его служебному положению, но и по его собственным взглядам. Это были взгляды представителя английских реакционных кругов.

Хорошо помню, как в 1939 году, после нападения гитлеровской Германии на Польшу, **ЧОЛЕРТОН**, касаясь предшествовавших советско-германских переговоров, высказывал в связи с этим свою озлобленность против советской страны и Советского правительства. Особенно же **ЧОЛЕРТОН** был озлоблен, когда по ходу международных событий советские войска вступили в Западную Белоруссию и Западную Украину. Его ненависть к советскому государству была для меня настолько очевидна, что я прекратил с ним встречаться, особенно после того, как увидел у него в квартире на стене вырезку из английской газеты с гнусной карикатурой, затрагивающей честь советской страны и вождя советского народа.

Вопрос: Разве после 1939 года с **ЧОЛЕРТОНОМ** вы больше не встречались?

Ответ: Конечно, я с ним встречался и после 1939 года, но, насколько я помню, эти встречи возобновились только после начала Великой Отечественной войны. <...>

Допрос окончен в 0 часов 15 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³⁸

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 17 ноября 1951 года <...>

Допрос начат в 11 часов 15 минут

Вопрос: Когда вы узнали, что ЧОЛЕРТОНУ запрещен въезд в Советский Союз?

Ответ: Я узнал об этом от ВОДОВОЗОВОЙ Натальи летом 1943 года.

Вопрос: Что она вам сообщила?

Ответ: Она сообщила, что ЧОЛЕРТОНУ отказано во въездной визе и что в связи с этим, несомненно, ей грозят большие неприятности. Возможно, что она говорила это не мне, а моей жене, а я уже узнал от жены, точно сейчас не помню.

Вопрос: Вы, очевидно, понимали, что, видимо, неспроста советские власти не пустили ЧОЛЕРТОНА в Советский Союз?

Ответ: Несомненно, я знал, что ЧОЛЕРТОН больше 10 лет был в Советском Союзе, неоднократно ранее выезжал за границу и возвращался и что запрещение ему въезда на этот раз связано с какими-то серьезными военно-корреспондентскими соображениями.

Вопрос: Вы знали и о том, что вскоре после этого была арестована секретарь ЧОЛЕРТОНА ВОДОВОЗОВА?

Ответ: Конечно, знал. Об этом мне, повидимому, сообщила дочь ВОДОВОЗОВОЙ Майя. Однако о причинах ареста ВОДОВОЗОВОЙ я не знал и не предполагал, что ЧОЛЕРТОН занимался разведывательной деятельностью.

Вопрос: Но ранее вы показывали об этом совсем иначе:

«Обратный въезд в СССР ЧОЛЕРТОНУ был запрещен советскими властями. Я понял, что его разведывательная деятельность в Советском Союзе оказалась разоблаченной, и сожалел о потери друга, надеясь повидаться с ним в Лондоне, если мне будет предоставлена командировка за границу».

Помните эти свои показания?

Ответ: Мои показания по этому вопросу были тогда совершенно искажены. Я никогда не думал, что ЧОЛЕРТОН — разведчик. Запрещение ему въезда в Советский Союз я расценивал как следствие его статей, его искаженных информаций и неправильной оценки им военных событий. Что же касается до моих предположений о встрече с ЧОЛЕРТОНОМ в Лондоне, то я никогда таких предположений не делал.

Вопрос: Вы помните свой разговор с ВОДОВОЗОВОЙ Майей в 1944 году, когда вы ей сообщили о том, что имеете намерение поехать в командировку в Англию?

Ответ: Нет, такого разговора не могло быть, ибо во время войны я не собирался ехать за границу.

Вопрос: Но вы же говорили ВОДОВОЗОВОЙ, что хотите поехать в Англию и что вы там непременно попытаетесь встретиться с ЧОЛЕРТОНОМ?

³⁸ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 234 — 242.

Ответ: Я никогда этого не говорил. Если я поехал бы в Англию по командировке, что рассчитывал сделать после окончания войны, то ни в коем случае не рискнул бы встречаться с ЧОЛЕРТОНОМ как с личностью, чрезвычайно для меня опасной.

Вопрос: В чем именно опасной?

Ответ: Я знал, что ЧОЛЕРТОН как английский корреспондент был фактически выслан советскими властями за его деятельность в Советском Союзе. Разговоров с Майей ВОДОВОЗОВОЙ подобного рода у меня не могло быть.

Вопрос: Однако арестованная ВОДОВОЗОВА М. В. на допросе от 1 ноября 1951 года показала:

«Примерно в 1944 году в одну из встреч с ЮДИНЫМ в его квартире он как-то сообщил мне, что собирается ехать в командировку в Англию, и сказал, что там он непременно встретится с ЧОЛЕРТОНОМ и постарается выяснить у него причины ареста моей матери, а также намерения ЧОЛЕРТОНА относительно предпринятия мер к освобождению моей матери из лагеря».

Что вы теперь скажете?

Ответ: Показания ВОДОВОЗОВОЙ от начала до конца не соответствуют действительности. Разговора такого с ней у меня не было.

Вопрос: Вы показали, что не хотели больше встречаться с англичанином ЧОЛЕРТОНОМ, считая это для себя опасным, но тем не менее и после отъезда ЧОЛЕРТОНА из СССР вы продолжали поддерживать связь с англичанами?

Ответ: Да, после высылки ЧОЛЕРТОНА я встречался в Москве с английским послом КЕРРОМ и с англо-американской медицинской делегацией, приехавшей в Советский Союз летом 1943 года.

Вопрос: Когда вы установили контакт с КЕРРОМ?

Ответ: Мое знакомство с английским послом КЕРРОМ произошло в самом конце 1942 года.

Вопрос: Связь с ним вы установили по своей инициативе?

Ответ: Я не могу припомнить точно, но знакомство это совершилось через ЧОЛЕРТОНА в связи с тем, что ЧОЛЕРТОН сообщил мне о своем разговоре с КЕРРОМ обо мне как о крупном хирурге и ученом, получившем Сталинскую премию за методы лечения раненых, и как о лице, могущем представить большой интерес для вновь прибывшего английского посла. Через некоторое время после этого разговора вместе с ЧОЛЕРТОНОМ я посетил КЕРРА в английском посольстве.

Вопрос: Это была ваша первая встреча с КЕРРОМ?

Ответ: Да.

Вопрос: Известно, что в последующем вы встречались с КЕРРОМ неоднократно. Перечислите все свои встречи с ним.

Ответ: Эти встречи были немногочисленны и всегда кратки. Четыре раза я был у КЕРРА в английском посольстве. В 1943 году КЕРР по моему приглашению приезжал в Институт Склифосовского смотреть мои операции. Кроме того, я встречался с КЕРРОМ на приеме англо-американской хирургической делегации в ВОКСе 5 июля 1943 года, затем на прощальном банкете 18 — 19 июля 1943 года в гостинице «Националь» при отъезде делегации из СССР. Я видел КЕРРА, но не разговаривал с ним, на официальном приеме в американском посольстве по случаю их национального праздника 4 июля 1945 года, а также вскоре после окончания войны — во французском посольстве.

Вопрос: Зачем вам понадобилось связываться с английским послом?

Ответ: Ныне я считаю это своей грубой ошибкой. Со слов ЧОЛЕРТОНА в свое время я понял, что КЕРР может оказать мне помощь в снабжении стрептоцидом, то

есть препаратом, полезная роль которого для лечения раненых была только что установлена мной, и дефицитным в тех количествах, которые стали потребны. Добыча стрептоцида и была непосредственной целью моей первой встречи и моего знакомства с КЕРРОМ в конце 1942 года. Так как в эту пору в Москве находился английский министр иностранных дел ИДЕН, я надеялся, что КЕРР сможет реализовать доставку стрептоцида в кратчайший срок.

Вопрос: Разве вы были уполномочены советскими властями вести переговоры с англичанами о поставке стрептоцида?

Ответ: Нет, таких прав у меня не было. Я делал это по собственной инициативе, то есть самовольно, полагая, что снабжение моей медицинской бригады, а равно и войсковых частей, в которые мне приходилось выезжать на фронт, дефицитным стрептоцидом является очень важным делом.

Вопрос: Покажите, о чем вы беседовали с КЕРРОМ при первой встрече?

Ответ: При первом знакомстве моем с КЕРРОМ основная цель моя была, как я уже говорил, достать стрептоцид. С этого начался и на этом кончился наш разговор. Для того, чтобы мотивировать мою просьбу об экстренной присылке стрептоцида, я сообщил КЕРРУ, что мои научные работы по применению стрептоцида при уличных травмах, а также по испытанию его на раненых москвичках — жертвах авиабомбардировок показали исключительные качества этого препарата, как вспомогательного средства в хирургии открытых переломов. Я сказал КЕРРУ, что это открытие самое недавнее и еще дискутируется в академических кругах, и поэтому промышленность наша не рассчитана была на выпуск стрептоцида в стократном количестве в связи с новым применением стрептоцида для лечения раненых.

Выслушав мою просьбу, КЕРР спросил: о каком количестве стрептоцида мечтали бы вы лично для быстрой доставки его самолетом? Я сказал, что на первых порах меня удовлетворило бы количество, равное весу одного пассажира. КЕРР при этом высказал готовность помочь мне и обещал выяснить свои возможности как в приобретении стрептоцида, так и для его доставки. Это было основным содержанием разговора при нашей первой встрече. Кроме этого, мною и КЕРРОМ были высказаны с обеих сторон обычные фразы формальных любезностей. Других разговоров с КЕРРОМ в первую встречу у меня не было. Через полтора-два месяца после этого я получил от КЕРРА с нарочным на квартиру 70 — 75 килограммов стрептоцида, а через некоторое время на мое имя в Мурманск прибыло до 10 тонн стрептоцида, как о том я узнал от генерал-полковника Е. И. Смирнова.

Вопрос: Где вы встречались с КЕРРОМ второй раз?

Ответ: Второй раз я встретился с КЕРРОМ в 1943 году. Я принимал тогда КЕРРА в Институте имени Склифосовского, куда он приехал, чтобы присутствовать на моих операциях. КЕРР посетил тогда Институт по моему приглашению.

Вопрос: Что вы ему показывали в Институте?

Ответ: Я точно не помню, какие операции я делал в присутствии КЕРРА — либо искусственного пищевода, либо операции рака желудка, то есть демонстрировал мои наиболее удачные методы. Я не помню, что я мог еще ему показывать в Институте, ибо главным являлось, конечно, демонстрирование операции. Вокруг этого были и разговоры.

Вопрос: Научные работы в этот раз вы передавали КЕРРУ?

Ответ: Я не помню, но думаю, что нет, за ненадобностью.

Вопрос: Следствию известно, что за несколько дней до посещения КЕРРОМ Института вы в разговоре с ЧОЛЕРТОНОМ, приглашая к себе КЕРРА, обещали пере-

дать англичанам свою научную работу и чертежи ортопедического стола. Вы выполнили это свое обещание, когда КЕРР посетил вас?

Ответ: Чертежей ортопедического стола у меня не было, а были опубликованные в советской печати мои научные работы о лечении переломов, в которых было много рисунков самой операции в разных этапах, а также рисунки ортопедического стола. Передал ли я КЕРРУ эти брошюры в тот раз, я совершенно не помню. <...>

Допрос окончен в 15 часов 55 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА³⁹

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 13 декабря 1951 года <...>

Допрос начат в 21 час 40 минут

Вопрос: Когда вы выезжали в Америку?

Ответ: В Америке я был в научной командировке в 1926 году. Ездил я туда один по командировке Серпуховского уездного комитета партии и уездного исполкома в ознаменование полученной мною премии за книгу по хирургии. Вся сумма премии в 2000 рублей была выплачена мне в долларах. Пробыл я тогда в заграничной командировке более четырех месяцев, бывал в ряде городов США, где посещал хирургические клиники.

Вопрос: Какие связи вы завязали среди иностранцев в период пребывания в Америке?

Ответ: Находясь в США, я установил знакомство с рядом американских профессоров, главным образом, хирургов. Наиболее тесные отношения в Америке у меня были с братьями Мэйо Чарльзом и Уильямом, владельцами крупной хирургической клиники в городе Рочестере (штат Миннесота). В клинике Мэйо я работал в течение примерно двух месяцев. В Америке я установил знакомство и с такими хирургами, как Крайль из города Кливленда, Кушинг — профессор в Бостоне, Бэбкок — профессор в Филадельфии, Келли — профессор-гинеколог в Балтиморе и другими.

Вопрос: С кем из белоэмигрантов вы встречались в период пребывания в США?

Ответ: В Чикаго я имел одну встречу с бывшим профессором Петербургской военно-медицинской академии Максимовым, эмигрировавшим в Америку вскоре после Октябрьской революции. Познакомил меня в Чикаго с Максимовым мой приятель по учебе в московской гимназии Беркман Борис, проживавший тогда в Чикаго и работавший там врачом в частной больнице. Знакомство с Максимовым произошло на стадионе во время футбольного матча. Там Максимов рассказывал мне о своей жизни в Америке, в частности, говорил о том, где и как он проводит свой отпуск, работая профессором в одном из Чикагских университетов.

Вопрос: А вы что ему говорили?

Ответ: Отвечая на вопрос Максимова, откуда я прибыл, я сказал ему, что я — врач из Серпухова. Максимов в связи с таким моим ответом не проявил особого интереса

³⁹ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 2. Л. 320 — 323.

ко мне, да и обстановка на стадионе не позволяла нам вести оживленную беседу. С другими эмигрантами в Америке я не встречался. Правда, в квартире у Беркмана я видел двух женщин, которые говорили по-русски и расспрашивали меня о жизни в Советской России.

Вопрос: И вы отвечали им в антисоветском духе?

Ответ: Что именно я рассказывал этим женщинам о жизни в Советском Союзе, теперь не помню. Одно только могу с уверенностью сказать, что каких-либо антисоветских разговоров ни с этими лицами, ни с Максимовым я не вел.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются данные, что в период пребывания в Америке вы допускали антисоветские высказывания даже в своих публичных выступлениях. Покажите об этом.

Ответ: В Америке я действительно делал один доклад для врачей, посетителей клиник Мэйо по вопросу медицинской работы в Советском Союзе. Однако ничего антисоветского в этом моем докладе не было, наоборот, я давал положительную и хвалебную оценку условиям работы врачей в СССР.

Вопрос: Вам предъявляются изъятия у вас при обыске записи вашего доклада, озаглавленного: «Условия медицинской работы в России», на английском языке. С этим докладом вы выступали в Америке?

Ответ: Это мои черновые наброски при подготовке к моему докладу в клиниках Мэйо в Америке осенью 1926 года. Читал я доклад без письменного текста и данные записи имел как канву при подготовке к докладу.

Вопрос: Из этих записей видно, что в докладе своем вы протаскивали в отдельных случаях антисоветские взгляды. Рассказывайте правду о своих антисоветских проявлениях.

Ответ: Я считаю, что в этих моих записях антисоветских толкований нет, и в своем докладе я никаких антисоветских взглядов не протаскивал.

Вопрос: Вы показали, что в Америке встречались с Беркманом, своим другом. Он — белоэмигрант?

Ответ: Нет. Беркман выехал из России до Октябрьской революции: сначала он учился в университете в Вене, потом жил в Варшаве и уже из Польши выехал в Америку. Допрос окончен в 1 час 20 минут

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. ЮДИН
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ⁴⁰

между арестованным ЮДИНЫМ Сергеем Сергеевичем
и свидетелем ГОЛИКОВОЙ Марией Петровной
от 19 декабря 1951 года <...>

Очная ставка начата в 15 часов 45 минут

Свидетель ГОЛИКОВА об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена по статье 95 УК РСФСР.

Вопрос ЮДИНУ: В каких отношениях вы находились с ГОЛИКОВОЙ?

Ответ: Мария Петровна ГОЛИКОВА в течение 16 — 17 лет являлась моей сотрудницей по Институту имени Склифосовского. Она была неизменной участницей всех

⁴⁰ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 3. Л. 1 — 18.

моих операций, где бы они ни производились. Помимо работы в операционной ГОЛИКОВА помогала мне в издательской работе, участвовала в моих поездках на охоту и была мне близким человеком. Отношения между нами были самые близкие, личных счетов мы никогда не имели.

Вопрос ГОЛИКОВОЙ: Правильно показал ЮДИН о ваших взаимоотношениях с ним?

Ответ: Да, правильно.

Вопрос ГОЛИКОВОЙ: Расскажите, какие вам известны факты антисоветских высказываний ЮДИНА.

Ответ: В 1947 или 1948 году, летом, как-то мы с Сергеем Сергеевичем ЮДИНЫМ вдвоем ехали на автомашине в Москве. На улице, где мы проезжали, движение было остановлено, и я обратила внимание, что в машине мимо нас проехал *Малотов*. Я сказала об этом ЮДИНУ, на что он заявил: «После того, как меня не пустили за границу, у меня появилась ненависть к ним».

Вопрос ГОЛИКОВОЙ: К кому «к ним»?

Ответ: Речь шла о *Малотове*, и, по-видимому, ЮДИН имел в виду членов правительства. Я сказала тогда ЮДИНУ, что он очень устал и поэтому так болезненно реагирует на все, что ему нужно идти в отпуск.

Второй факт. Это было тоже после Отечественной войны. Вместе с художником КУДРЯВЦЕВЫМ я и ЮДИН ездили как-то в Третьяковскую галерею. Когда мы подъехали к зданию галереи, ЮДИН, указывая на скульптуру *Сталина*, сказал: «Причем здесь у галереи *Сталин*? Ведь создал же эту галерею не он, а Третьяков». КУДРЯВЦЕВ тут же возразил ЮДИНУ, сказав, что если бы не *Сталин*, может быть, не было бы у нас и Третьяковской галереи.

Затем был такой случай. Проезжая как-то мимо здания МГБ в автомашине, это было примерно в 1947 году, летом, ЮДИН, показав на это здание, сказал мне: «Вот на этом учреждении у нас все держится».

Вопрос ЮДИНУ: Вы слышали показания ГОЛИКОВОЙ?

Ответ: Да, слышал.

Вопрос ЮДИНУ: Подтверждаете ее показания о ваших антисоветских высказываниях?

Ответ: Я ни одного из этих фактов не помню. Вместе с тем, поскольку ГОЛИКОВА была самым близким мне человеком, я не могу себе представить, чтобы она могла меня оговорить.

Вопрос ГОЛИКОВОЙ: Вы можете напомнить ЮДИНУ другие детали и обстоятельства, при которых имели место эти его антисоветские высказывания?

Ответ: Когда ЮДИН заявил, что он стал ненавидеть членов правительства, мы ехали с ним по Садовой улице или пересекали ее, но это было около площади Маяковского, летом. Помню еще, как в ответ на его высказывание я сказала, что он дошел до такого состояния, что болезненно реагирует на все, что ему необходимо идти в отпуск.

По поводу второго факта. Я хорошо помню, что мы подъезжали тогда к зданию Третьяковской галереи. Чтобы не повредить колесо автомашины, ЮДИН смотрел в окно и в это время увидел скульптуру *Сталина*, которая стояла недалеко от нас. В связи с этим он и произнес эту фразу относительно главы правительства, которую я же называла.

Третий факт около здания МГБ имел место, когда мы с ЮДИНЫМ ездили куда-то по поводу проекта реконструкции Института имени Склифосовского.

Вопрос ЮДИНУ: Теперь вы намерены дать правдивые показания об этих фактах?

Ответ: Верно то, что мы с ГОЛИКОВОЙ вдвоем ездили в машине очень часто. Были не раз случаи, когда при этих поездках по Москве мы видели проезжавших мимо нас в автомашине руководителей партии и правительства. Подтверждаю также и то, что я неоднократно высказывал ГОЛИКОВОЙ мои огорчения и обиды в связи с тем, что мне не разрешались выезды за границу.

Вопрос ЮДИНУ: Вы высказывали не огорчения, а, как показала ГОЛИКОВА, свою ненависть к руководителям партии и правительства. Об этом и показывайте.

Ответ: Категорически заявляю, что никогда отказы к моим поездкам за границу я не относил к руководителям партии и правительства, хотя по поводу разрешения мне выезда за границу я неоднократно писал письма на имя *Молотова* и *Жданова*. Я никогда не испытывал ненависти и злобы против членов правительства и высказывать ГОЛИКОВОЙ такие настроения не мог.

Что касается второго приведенного ГОЛИКОВОЙ факта, то я подтверждаю, что вместе с ГОЛИКОВОЙ и художником-реставратором Третьяковской галереи КУДРЯВЦЕВЫМ я к Третьяковской галерее ездил много раз. В этих случаях машину я всегда ставил у ворот, около скульптуры *Сталина*. Я мог сказать тогда что-нибудь по поводу неудачного расположения скульптуры, но такого факта, как показала ГОЛИКОВА, я не припоминаю и заявляю, что никакого антисоветского выпада в разговорах по поводу скульптуры *Сталина* никогда не делал.

Относительно третьего факта. Мимо здания МГБ вместе с ГОЛИКОВОЙ в автомашине я проезжал очень много раз. Признаю также, что органы МГБ я считал главным и руководящим учреждением в жизни страны. Это учреждение мне казалось страшным. Возможно, что в таком духе у меня был разговор с ГОЛИКОВОЙ, и я говорил ей, что от этого учреждения многое зависит, но конкретного факта, который приводит ГОЛИКОВА, я вспомнить не могу. Не скрою, что, проезжая мимо здания МГБ не только в тот раз, а в течение долгих лет, я каждый раз мысленно твердил: «Пронеси господи», — поскольку неоднократно испытывал чувство опасения возможного ареста.

Вопрос ЮДИНУ: Такие опасения вы испытывали не без основания?

Ответ: У меня были основания к этому хотя бы потому, что я имел связь с англичанами. <...>

Вопрос ГОЛИКОВОЙ: Вам известно, когда и какие научные работы ЮДИН передавал иностранцам?

Ответ: Я знаю один факт, когда ЮДИН передал свою научную работу иностранцам. Это было летом 1943 года, когда в Москву приезжала англо-американская медицинская делегация. ЮДИН, как он мне говорил, хотел, чтобы напечатали его работу за границей на английском языке, но чтобы не делали в этой работе из него первого автора по гипсовым повязкам, как говорил ЮДИН, и чтобы не умаляли роль Пирогова. Он, ЮДИН, сам перевел свою статью на английский язык. Работа эта называлась «Лечение огнестрельных переломов». ЮДИН приложил к ней рисунки ортопедического стола — своего изобретения — и рисунки Пирогова, которые мы сфотографировали из книг, и все это мы отвезли с ЮДИНЫМ в гостиницу, кажется, «Националь», где проживали тогда члены англо-американской делегации. Подъехав к гостинице, ЮДИН сам отнес эту работу (небольшой сверток в форме трубки) в гостиницу. Когда он возвратился в автомашину, то сказал, что никого не застал, а передал все не то швейцару, не то какому-то другому служащему гостиницы для передачи то ли англичанину ТЕЙЛОРУ или же американцу КАТЛЕРУ, точно не помню.

Вопрос ЮДИНУ: Такой факт был?

Ответ: Во время пребывания в Москве англо-американской делегации, желая отправить для публикации на английском языке мои научные работы, о которых я неоднократно показывал следствию, я пробовал хоть часть этих работ отослать с самими делегатами. Но, так как перевод оказался незаконченным и непереписанным, то этого сделать мне не удалось. Три работы были пересланы мною позднее через Майю ВОДОВОЗОВУ в английское посольство.

ГОЛИКОВА правильно говорит о моей небольшой статье о лечении огнестрельных переломов, где я подчеркивал роль Пирогова как истинного автора метода гипсовой повязки. Я ездил с ГОЛИКОВОЙ в гостиницу «Националь» и пытался передать эту работу, но передать тогда не удалось, ибо мы не застали самих делегатов. В гостинице работу я тогда не оставил. Эта работа была переслана потом через Майю ВОДОВОЗОВУ. <...>

Вопрос ГОЛИКОВОЙ: Что вы знаете относительно переписки ЮДИНА с ЧЕРЧИЛЛЕМ?

Ответ: Во время войны ЮДИН мне говорил, что он хотел написать ЧЕРЧИЛЛЮ письмо, чтобы поздравить его с рождением. Я знаю, что ЮДИН получил потом одно письмо от ЧЕРЧИЛЛЯ. Это было после избрания ЮДИНА членом английского королевского общества. По окончании войны, после того, как ЮДИН не получил разрешения на поездку за границу, он мне говорил, что напишет письмо ЧЕРЧИЛЛЮ по этому поводу, а тот, в свою очередь, получив письмо ЮДИНА, обратится в отношении его просьбы в советское правительство, и тогда ему, ЮДИНУ, разрешат поехать за границу наверняка.

Вопрос ЮДИНУ: Обращались вы к ЧЕРЧИЛЛЮ в отношении своего выезда за границу?

Ответ: ГОЛИКОВА совершенно правильно показала, что я собирался и действительно послал в конце 1943 года ЧЕРЧИЛЛЮ поздравление с рождением и новым годом, мотивируя свое поздравление тем, что он и я были избраны в один день членами королевского общества. Точно так же ГОЛИКОВА верно показала, что через некоторое время я получил от ЧЕРЧИЛЛЯ благодарственное письмо. Что же касается показаний ГОЛИКОВОЙ о моем якобы намерении обратиться к ЧЕРЧИЛЛЮ за ходатайством и помощью в выезде за границу, то подобная мысль мне не могла в голову прийти уже по одному тому, что ЧЕРЧИЛЛЬ перестал быть главой английского правительства, когда я собирался поехать за границу осенью 1946 года. Я не мог придумать подобной нелепости обращаться к ЧЕРЧИЛЛЮ за какой-то помощью.

Вопрос ЮДИНУ: Но ведь в свое время к английскому послу КЕРРУ вы обращались за помощью в отношении осуществления проекта реконструкции Института имени Склифосовского и не считали это нелепостью?

Ответ: Совершенно верно, в одну из встреч с КЕРРОМ в английском посольстве я обращался к нему с просьбой замолвить слово при случае у *Молотова* для того, чтобы мой проект реконструкции Института имени Склифосовского, с которым *Молотов* был знаком, нашел бы дополнительное продвижение. Ибо я имел в виду широкое взаимное усовершенствование в области хирургии, обмен опытом и стажерами между СССР и Англией. Так что смысл в этом я усматривал. Но, как я уже показал ранее, я в полной мере понял бестактность этого своего поступка, ибо таким образом я позволил себе оказать давление на членов Советского правительства со стороны иностранного дипломата. Считаю это своей грубейшей ошибкой. Насчет разговора с ГОЛИКОВОЙ о письме к ЧЕРЧИЛЛЮ после войны, поясняю, я, может быть, и сказал это ГОЛИКОВОЙ, но только в шутку.

Заявление ГОЛИКОВОЙ: Помню, что это письмо к ЧЕРЧИЛЛЮ ЮДИН соби-
рался написать после того, как его не пустили за границу. Это было после войны.

Очная ставка окончена в 17 часов 30 минут

Протокол очной ставки нами прочитан, показания с наших слов записаны пра-
вильно.

ГОЛИКОВА

ЮДИН

Очную ставку провели:

Зам[еститель] начальника След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — подполковник КОНЯХИН
Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ
Пом[ощник] военного прокурора войск МГБ СССР —
подполковник юстиции Новиков

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁴¹

арестованного ЮДИНА Сергея Сергеевича

от 14 января 1952 года <...>

Допрос начат в 13 часов <...>

Вопрос: ТАКАНОВУ Анну Дмитриевну вы знаете?

Ответ: Да, знаю, как врача-хирурга Института имени Склифосовского. Отноше-
ния с ТАКАНОВОЙ у меня были только служебные, иногда, очень редко, она уча-
ствовала в моих операциях в качестве ассистента. Личных счетов с ТАКАНОВОЙ у
меня не было, за исключением того, что ей, по-видимому, было известно мое пре-
небрежительное к ней отношение как к очень слабому специалисту и о моих неодно-
кратных требованиях ее освобождения.

Вопрос: Характеризуя вас антисоветским человеком, свидетель ТАКАНОВА А. Д.
на допросе от 30 ноября 1951 года показала, что вы преклонялись перед иностранщи-
ной, расшаркивались и лебезили перед иностранцами, посещавшими Институт име-
ни Склифосовского, что на врачебных конференциях вы всячески выпячивали ино-
странных авторов, не упоминая советских ученых. (Выдержка из показаний ТАКА-
НОВОЙ зачитывается). Были такие факты?

Ответ: ТАКАНОВА правильно показала, что на утренних врачебных конферен-
циях в Институте я, рассказывая о прочитанных мною выдающихся работах фран-
цузских, американских, шведских и других ученых, часто делал ссылки и приводил
цитаты из этих иностранных научных работ и лишь попутно указывал на аналогич-
ные работы советских авторов, если таковые (работы) бывали. Этим самым я пре-
следовал цель держать врачей в курсе выдающихся научных работ иностранных ав-
торов. Это делалось мною не из-за преклонения перед иностранщиной, которого с
моей стороны никогда не было и о котором ТАКАНОВА дала неправильные показа-
ния. Советских же авторов подробно врачи читают сами. Неверно показала ТАКА-
НОВА и о том, что я будто бы «лебезил и расшаркивался» перед иностранцами, посе-
щавшими Институт имени Склифосовского. Таких фактов в действительности тоже
не было, а ТАКАНОВА не знает ни одного иностранного языка.

Вопрос: В отношении характера ваших выступлений на врачебных конференциях в
распоряжении следствия имеются показания и свидетеля ИВАНОВОЙ Д. С. — бывше-

⁴¹ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 3. Л. 82 — 90.

го врача Института имени Склифосовского. На допросе от 10 декабря 1951 года она показала: «На ежедневных утренних конференциях врачей хирургической клиники мне часто приходилось слышать высказывания ЮДИНА, содержавшие его восхищение достижениями медицины и отдельных ученых-медиков за границей. В его выступлениях проскальзывало пренебрежительное отношение к достижениям советских ученых».

Свидетель ИВАНОВА тоже, скажете, показала неправильно?

Ответ: Еще раз подтверждаю, что на новейшие лучшие иностранные работы я часто ссылался на утренних врачебных конференциях в Институте на основе только что прочитанных мною статей в иностранных журналах. Я считал это своим долгом руководителя и профессора. Пренебрежительного же отношения к отечественной науке, к советским ученым я не имел. Показания свидетеля ИВАНОВОЙ по этому вопросу являются вымышленными.

Вопрос: Скажите, в своем рабочем кабинете в Институте имени Склифосовского вы имели национальные флаги иностранных государств?

Ответ: В 1943 году к приезду англо-американской делегации врачей и к приему этой делегации в Институте имени Склифосовского я в своем рабочем кабинете вывешивал три государственных флага: советский, изготовленный моей женой, американский, который я привез из Америки еще в 1926 году на память, и английский, изготовленный мною лично к приему англо-американской делегации в Институте. Вывешивал я эти флажки в связи с тем, что принимал в Институте официальную делегацию английских и американских врачей. Делал я это, как обычно, чтобы выразить внимание к иностранной делегации и к представляемым этими делегатами нациям. После того, как англо-американская делегация уехала, я эти флажки через некоторое время снял и положил в шкаф в своем кабинете.

Вопрос: Но свидетель ТАКАНОВА показала, что иностранные флаги вы выставляли в своем кабинете и по окончании Отечественной войны. С какой целью вы это делали?

Ответ: Эти показания ТАКАНОВОЙ неверны. После войны в своем кабинете никаких иностранных флагов я не выставлял ни разу.

Вопрос: В 1946 году перед выборами в Верховный Совет СССР вы запрещали вывешивать плакаты и портреты в хирургическом отделении Института?

Ответ: Нет. Таких запретов я никогда не делал.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля ТАКАНОВОЙ о том, что в 1946 году перед днем выборов в Верховный Совет СССР вы приказывали снять в 3-м хирургическом отделении плакаты, а также портреты руководителей партии и правительства. Признаете это?

Ответ: Такого факта никогда не было. В 1946 году я сам принимал активное участие в предвыборной кампании, будучи основным докладчиком на двух общерайонных митингах, и не мог допустить такого поступка, о котором показала ТАКАНОВА. Поясняю, что портреты членов правительства в хирургической клинике тогда не вывешивались, а были плакаты с портретами академика БУРДЕНКО, баллотировавшегося по этому избирательному округу.

Вопрос: Свидетель ТАКАНОВА показала, что ваши антисоветские тенденции проявлялись и в вашем отношении к коллективу и общественным организациям Института имени Склифосовского. (Показания зачитываются). Расскажите сами об этих фактах.

Ответ: Эти показания ТАКАНОВОЙ также являются вымышленными. Отношения с коллективом Института имени Склифосовского у меня были самые хорошие.

К медицинскому персоналу по-хамски, как это говорит ТАКАНОВА, я никогда не относился и подхалимства среди сотрудников Института не насаждал. <...>

Допрос окончен в 17 часов 10 минут.

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. Юдин.

Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁴²

арестованного Юдина Сергея Сергеевича

от 22 января 1952 года <...>

Допрос начал в 11 часов 55 минут <...>

Вопрос: Скажите, с кем из работников Института имени Склифосовского, кроме Голиковой, вы поддерживали близкие отношения?

Ответ: Из числа сотрудников Института имени Склифосовского у меня были близкие дружеские отношения с моими старшими ассистентами Розановым Борисом Сергеевичем, Араповым Дмитрием Алексеевичем, Петровым Борисом Александровичем, Бочаровым Аркадием Алексеевичем и другими врачами.

Вопрос: В чем выражалась ваша связь с этими лицами?

Ответ: Розанов и Бочаров являлись близкими мне людьми, с которыми я имел самые тесные и дружественные отношения не только по работе в Институте, но и в домашней обстановке. Мы бывали друг у друга в квартирах, а с Розановым иногда вместе выезжали на охоту. В домашней обстановке я часто встречался и с Араповым и с Петровым, с которыми многие годы поддерживал хорошие близкие взаимоотношения. Правда, в 1945 году, после моего возвращения из командировки на фронт, мои отношения с Петровым несколько испортились в связи с тем, что он в мое отсутствие и без моего согласия произвел большое переустройство в хирургических клиниках Института. Должен сказать, что мои отношения с Розановым, Бочаровым, Араповым и Петровым ни в коей мере не носили антисоветский характер.

Вопрос: А разве антисоветских разговоров с этими лицами у вас не было?

Ответ: Нет. Никогда антисоветских разговоров с этими близкими мне людьми я не вел и каких-либо антисоветских проявлений со стороны их никогда не замечал. С Розановым у меня были разговоры о текущих событиях, в частности, относительно происходивших в 1948 году дискуссий по вопросам биологии и музыки. Мы оба высказывали свое недоумение и сожаление тем, что подвергались критике музыкальные произведения Шостаковича, за которые он ранее был удостоен Сталинской премии, но делали это опять-таки не с вражеских, антисоветских позиций.

Вопрос: А какой характер носили ваши беседы с Араповым и Петровым?

Ответ: Поддерживая с Араповым и Петровым доверительные отношения, я вел с ними откровенные разговоры по многим вопросам. С Араповым, кроме служебных, хирургических вопросов, мы нередко беседовали о самых интимных домашних делах, и я был в курсе его личной, семейной жизни. Мне, например, было известно, что в свое время Арапов был близок с женой Поскребышева Брониславой Соломоновной, которая работала вместе с Араповым в институте эндокринологии и потом в 1930-х годах была арестована, как мне говорил Арапов, органами НКВД. Из своих разговоров с Араповым я помню и такой случай. Во время Отечественной войны,

⁴² ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 3. Л. 117 — 124.

когда Арапов был главным хирургом Северного флота, в один из его приездов в Москву он мне как-то говорил, что ему усиленно предлагают вступить в ВКП(б), но он, Арапов, от этого отказывается. Свой отказ от вступления в ВКП(б) Арапов мотивировал тем, что в его возрасте вступать в партию уже поздно.

Что касается моих бесед с профессором Петровым Б. А., то мне приходилось вести с ним многократные разговоры как о работе хирургических клиник Института, об отдельных хирургах и научных работах, так и по многим другим вопросам служебного и бытового характера. Примерно в 1942 году, когда Петров являлся главным хирургом Черноморского флота и приезжал с фронта в Москву, он при встречах со мной сообщал некоторые военные сведения. Петров рассказывал мне о десантных операциях советских войск в Керчи и Феодосии, говорил о ходе боев при высадке десантов. Он рассказывал мне также о ходе военных операций в Новороссийске и при обороне Севастополя, сообщал относительно потопления в Черном море теплохода «Армения» и гибели большой группы врачей, эвакуировавшихся на этом теплоходе из Ялты. Некоторые из этих сведений о военных действиях в районе Черного моря мне тогда сообщала и жена Петрова Татьяна Сергеевна, со слов или из писем мужа.

Вопрос: А вы все эти сведения передавали англичанам, в частности, Чолертону?

Ответ: Нет, те сведения о ходе военных действий на южном участке фронта, которые я узнавал в 1942 году от Петрова и его жены, англичанам, и, в частности, Чолертону я не передавал. В тот период я много месяцев лежал больной, ни с кем из иностранцев не встречался. По выздоровлении же, когда я возобновил встречи с Чолертоном, эти сведения уже не представляли интереса. <...>

Вопрос: Расскажите правдиво, кому из своих близких связей вы высказывали в начале Отечественной войны свои настроения изменнического характера?

Ответ: Никогда я этого говорить не мог, так как подобных настроений у меня никогда не было. Наоборот, во время Отечественной войны я неоднократно высказывал среди своего окружения патриотические настроения. Ни от кого из своих знакомых высказываний изменнического характера я также никогда не слышал. Единственное, что я знаю по этому поводу, это то, что мне в начале войны рассказывал кто-то из моих знакомых, что бывший профессор 1-го Московского института Фромгольд имел изменнические намерения, за что тогда же был арестован и осужден.

Допрос прерван в 17 часов 50 минут.

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. Юдин
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁴³

арестованного Юдина Сергея Сергеевича (продолжение)

от 22 января 1952 года <...>

Допрос возобновлен в 21 час 15 минут <...>

Вопрос: Профессора Плетнева Д. Д. вы знали?

Ответ: Плетнев мне был известен как профессор-терапевт еще до Октябрьской революции. В начале 1920-х годов один раз я возил на частный прием к Плетневу своего больного отца. В последующем мне неоднократно приходилось встречаться с Плетневым на консультациях в клинике Института имени Склифосовского, а также у него в клинике в 1-м медицинском институте. Через несколько лет после ареста Плетнева,

⁴³ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 3. Л. 125 — 130.

его зятем художником Крымовым я был приглашен лечить жену Плетнева. Один раз по этому поводу я был в квартире у Крымова, где лежала больная Плетнева, но оперировать и лечить ее было уже поздно, и в связи с этим ее я больше не посещал.

Вопрос: Какой характер носила ваша связь с врагом народа Плетневым?

Ответ: Я встречался с Плетневым только в служебной обстановке. Помню как-то по приглашению Плетнева я делал доклад на заседании Московского терапевтического общества, председателем которого в то время был Плетнев (1930 — 1932). Ничего предосудительного в моих отношениях с Плетневым не было, да и личной связи с ним я не имел. В отношении каких-либо преступных замыслов и вражеских действий Плетнева до суда над ним мне абсолютно ничего не было известно. О вражеских, антисоветских намерениях или действиях других врачей и вообще медицинских работников мне также ничего не известно.

Вопрос: С кем из врагов народа, кроме Плетнева, вы имели знакомства?

Ответ: Примерно в 1935 — 1936 годах я два раза встречался с врачом Казаковым И. Н. (впоследствии расстрелянным) на больших обедах у народной артистки Держинской Ксении Георгиевны, которая лечилась у Казакова и с которой я поддерживал близкие, дружественные отношения. Я был знаком и с бывшими заместителями наркома здравоохранения Раковским Христианом, Гуревичем и Кангелари, которые были впоследствии арестованы и осуждены.

С Раковским я два раза встречался в Наркомздраве, в его кабинете, куда он меня вызывал для информации по хирургическим научным вопросам. Один раз Раковский и Броннер — бывший член коллегии Наркомздрава — были у меня на квартире, когда они сопровождали кого-то из французов, прибывшего в Москву, чтобы показать ему Институт имени Склифосовского и условия жизни советского врача. Поскольку я и моя жена говорили по-французски, Раковский и Броннер решили показать этому французу именно мою квартиру, где я угощал всех их завтраком.

С Гуревичем мне приходилось встречаться в 1932 году в Париже, где он занимал тогда руководящий пост в советском посольстве. Я консультировал Гуревича как врач по поводу перелома его руки и в связи с этим имел с ним встречи в посольстве. В период пребывания в Париже Гуревич один раз приглашал меня на совместную поездку в исторический замок Фонтенбло, куда мы с ним и ездили. По возвращении из Франции я был у Гуревича на приеме в Наркомздраве. <...>

С Кангелари я встречался в Военно-медицинской академии в Ленинграде, где он был начальником академии. Я обращался к нему по поводу применения моего метода переливания трупной крови, в частности, в военных условиях. По этому вопросу он провел особое заседание. Какой-либо преступной связи со всеми этими названными мною лицами у меня не было.

Допрос окончен в 0 часов 40 минут.

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно. Юдин
Допросил: Ст[арший] следователь След[ственной] части
по Особо важным делам МГБ СССР — майор И. МЕРКУЛОВ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁴⁴
арестованного Юдина Сергея Сергеевича
от 8 февраля 1952 года <...>
Допрос начат в 22 часа 30 минут

⁴⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 3. Л. 147 — 149.

Вопрос: Вам предъявляется постановление о прекращении обвинения по ст. 58 — 11 УК РСФСР и о переквалификации обвинения со ст. 58 — 10 ч. I на ст. 58 — 10 ч. II УК РСФСР, т. е. в том, что вы в годы Отечественной войны, а также в послевоенный период среди своего близкого окружения проводили антисоветскую агитацию. Обвинение вам понятно?

Ответ: Да, понятно.

Вопрос: Признаете себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: Признаю себя виновным лишь в том, что в силу своих буржуазно-либеральных взглядов я много лет, в том числе и в военные годы, имел ошибочные суждения по отдельным частным вопросам текущих событий.

Например, я считал, что однопартийная система выборов не дает возможности выдвигать каких угодно кандидатов в депутаты; или что творческая деятельность в науке, литературе и искусстве иногда и в некоторой степени якобы стесняется правительственными директивами или предпрещается докладами, согласованными в ЦК; равным образом я считал, что в стране существует якобы диктатура партии и ЦК; я болезненно воспринимал: цензурные стеснения по отношению к моим научным работам, запрещение моего выезда за границу.

Я признаю, что этими ошибочными взглядами иногда делился с самыми близкими мне людьми.

Прошу мне поверить, что вынашивая эти взгляды и выражая их даже среди своего близкого окружения, я никогда не относился враждебно к советскому строю, к правительству и партии.

Допрос окончен в 4 часа.

Допросил: Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан. Юдин Зам[еститель] начальника След[ственной] части по Особо важным делам МГБ СССР — подполковник Н. Коняхин

УТВЕРЖДАЮ

Зам[еститель] министра
госбезопасности СССР
Полковник РЮМИН
15 февраля 1952 года

Обвинительное заключение

утверждаю. Дело направить на
рассмотрение Особого
совещания при МГБ СССР.
Зам[еститель] Главного военного
прокурора генерал-майор юстиции
ВАВИЛОВ. 15. II. 1952.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ⁴⁵

Министерством государственной безопасности СССР 23 декабря 1948 года был арестован ЮДИН Сергей Сергеевич — профессор, бывший главный хирург Института имени Склифосовского.

Следствием по делу установлено, что ЮДИН, будучи враждебно настроен к советской власти и являясь человеком проанглийской ориентации, в 1936 году познакомился с московским корреспондентом английской газеты «Дейли Телеграф энд Морнинг пост» ЧОЛЕРТОНОМ и поддерживал с ним преступную связь до 1943 года, когда ЧОЛЕРТОНУ был закрыт въезд в СССР как английскому разведчику (том I, л. д. 136, 150 — 154, 161; том 4, л. д. 28).

⁴⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 4. Л. 367 — 371.

Общаясь с **ЧОЛЕРТОНОМ**, **ЮДИН** знал о его враждебном отношении к Советскому правительству, тем не менее часто встречался с ним у него на квартире, вместе слушал иностранные радиопередачи и высказывал ему свои антисоветские взгляды (том 1, л. д. 136; том 2, л. д. 208 – 214; том 3, л. д. 34 – 36; том 4, л. д. 55, 147).

В годы Отечественной войны **ЮДИН**, беседуя с **ЧОЛЕРТОНОМ** на военно-политические темы, сообщал ему не подлежащие оглашению сведения о положении на некоторых участках советско-германского фронта, куда выезжал он в командировки как старший консультант Главного Военно-санитарного управления Советской армии. <...>

В ноябре 1942 года через **ЧОЛЕРТОНА** **ЮДИН** установил связь с английским послом **КЕРРОМ**, неоднократно посещал его в английском посольстве, поддерживал с ним личную переписку и отправил через него поздравительное письмо **ЧЕРЧИЛЛЮ**.

При встречах с **КЕРРОМ** **ЮДИН** рассказывал о своих поездках на фронт, а также самовольно вел с ним переговоры о расширении научной связи между хирургами Советского Союза и Англии. В конце 1945 года **ЮДИН** возил **КЕРРУ** в посольство проект реконструкции Института имени Склифосовского и просил английского посла оказать давление на Советское правительство в осуществлении этого проекта (том 1, л. д. 282; том 2, л. д. 238 – 254; том 5, л. д. 36 – 37, 52 – 60).

Далее, в 1943 – 1944 годах **ЮДИН** через свою близкую знакомую **ВОДОВОЗОВУ М. В.** (арестована) трижды передавал нелегально в английское посольство научные работы по хирургии. Научные труды в области хирургии **ЮДИН** самовольно передавал и англо-американской военно-медицинской делегации, приезжавшей в Москву в июле 1943 года (том 1, л. д. 138 – 142, 168; том 2, л. д. 255 – 259, 260 – 263, 267 – 269; том 3, л. д. 13 – 14; том 5, л. д. 36 – 49).

Помимо этого **ЮДИН** в 1945 году установил связь с бывшим американским послом в СССР **ГАРРИМАНОМ**, с которым встречался на официальных приемах у американцев, и принимал его у себя в Институте.

Как установлено следствием, американцы в 1947 году пытались через **ЮДИНА** приобрести разработанный в СССР препарат «КР» для лечения рака (том 2, л. д. 302 – 310; том 5, л. д. 87 – 88). <...>

Следствием также установлено, что в годы Отечественной войны и в послевоенный период **ЮДИН**, в силу враждебного отношения к советскому строю, высказывал среди своего окружения клеветнические измышления о советском строе и допускал враждебные выпады против руководителей Советского правительства (том 2, л. д. 73 – 74, 167 – 169; том 4, л. д. 35, 53 – 54, 180 – 181, 227 – 233).

Будучи допрошен в качестве обвиняемого, **ЮДИН** виновным себя признал, однако в последующем от показаний в части своих шпионских связей отказался, заявив, что его встречи с иностранцами носили лишь дружественный характер.

В совершенных преступлениях **ЮДИН** достаточно изобличается показаниями арестованных **ВОДОВОЗОВОЙ Н. Д.** (том 4, л. д. 1 – 116), **ВОДОВОЗОВОЙ М. В.** (том 4, л. д. 117 – 156), осужденной **ГОЛИКОВОЙ М. П.** (том 4, л. д. 170 – 240), очными ставками с ними (том 2, л. д. 326 – 346; том 3, л. д. 1 – 18, 21 – 52), показаниями свидетеля **ТАКАНОВОЙ А. Д.** (том 4, л. д. 305 – 317), а также приобретенными к делу вещественными доказательствами (том 5, л. д. 4 – 90, 97).

На основании изложенного **ОБВИНЯЕТСЯ** —

ЮДИН Сергей Сергеевич, 1891 года рождения, уроженец города Москвы, русский, из семьи фабриканта, гражданин СССР, беспартийный, бывший полковник

Советской армии, до ареста главный хирург Института имени Склифосовского, действительный член Академии медицинских наук СССР, —

в том, что:

на протяжении многих лет поддерживал преступную связь с иностранными разведчиками;

нелегально передавал за границу научные работы по военно-полевой хирургии; среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию,

то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «б» и 58 — 10 ч. II УК РСФСР.

На основании ст. 208 УПК РСФСР следственное дело № 2027 по обвинению ЮДИНА Сергея Сергеевича направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР.

Принимая во внимание, что ЮДИН является видным специалистом в области хирургии и учитывая его преклонный возраст, в соответствии со ст. 51 УК РСФСР, в качестве меры наказания ЮДИНУ С. С. предложить ссылку в отдаленные районы СССР сроком на 10 лет.

Зам[еститель] нач[альника] След[ственной] части по Особо важным делам
МГБ СССР — подполковник Коняхин

**Выписка из протокола № 32-а⁴⁶
Особого Совещания при Министре Внутренних Дел Союза ССР
от 13 августа 1953 года**

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
6. Архивно-следственное дело № 100905 Следчасти по Особо важным делам МГБ СССР (пересмотр) — ЮДИН Сергей Сергеевич, 1891 года рождения, уроженец города Москвы, русский, гражданин СССР, сын фабриканта, беспартийный. Осужден 20 февраля 1952 г. Особым Совещанием при МГБ СССР за связь с иностранцами и антисоветскую агитацию в ссылку на 10 лет в Новосибирскую область.	Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 20 февраля 1952 года в отношении ЮДИНА Сергея Сергеевича отменить, дело производством прекратить. ЮДИНА из ссылки освободить с полной реабилитацией.

Начальник Секретариата Особого Совещания

⁴⁶ ЦА ФСБ России. Д. Р — 705. Т. 5. Л. 180.

Андрей ПИОНТКОВСКИЙ

КАПО

Стартовой вехой грузинских реформ был 2003 год — последний год всевластия воров в законе.

Наша сегодняшняя точка отсчета это Грузия-2003.

Высшие руководители страны, они же крупнейшие «бизнесмены» и богатейшие резиденты РФ, расширенный кооператив «Озеро», — это и есть самые настоящие воров в законе в прямом, а не в уголовно-метафорическом смысле этого слова.

Это плохая новость.

Хорошая новость заключается в том, что у грузин, когда они **зачистили своих воров в законе**, многое получилось. Например, реформа полиции и искоренение бытовой коррупции, что признают в России даже злейшие ненавистники Грузии и ее руководства. Почему же не получится и у нас?

Разве русские хуже грузин?

Но отечественные воров в законе обладают, как только что было сказано, высшей государственной властью, контролируют мощные силовые структуры, сами зачистили все политическое пространство, рутинно фальсифицируют выборы. Когда все вокруг зачищено, кто же будет зачищать чистильщиков?

А что, разве русские хуже североафриканцев?

Кстати об африканцах. Египетскую революцию мы имели лабораторную возможность наблюдать в прямом эфире около месяца. Ее делали не угнетенные и обездоленные массы. Ее движущей силой были образованные и сравнительно обеспеченные люди, принадлежавшие среднему классу.

Если вернуться к нашим отечественным баранам, то так же, как и его уже падшие североафриканские братья по разуму, путинский режим еще

**Андрей
ПИОНТКОВСКИЙ**

— родился в Москве в 1940 г. Окончил Механико-математический факультет МГУ. Кандидат физико-математических наук. Член Американского Математического Общества. Автор более 100 статей и нескольких монографий по теории управления, глобальному моделированию, ядерной стратегии. Ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН. С 1998 г. — в политической журналистике, опубликовал несколько сотен статей в российских и зарубежных СМИ. Член международного ПЭН-клуба. Живет в Москве.

три-четыре года назад перевалил через свое убогое акме (ακμή), и на шкале жизненного цикла авторитарных режимов время его близится к концу. Как и положено подобным структурам, он умирает не от восстания масс, а от какой-то странной внутренней болезни¹ — от непреодолимого экзистенциального отращения к самому себе, от собственной истощенности и сартровской тошноты (la nausée) бытия. Именно такие настроения были зафиксированы у большинства российских «элит развития» в известном исследовании М. Афанасьева² еще весной 2008 года.

С тех пор симптомы высокой болезни только усугублялись и путинизм, казалось бы, неудержимо приближался к финальной точке своей траектории — помойному ведру истории. Но в поведении его исторических могильщиков — образованных профессионалов, без хотя бы пассивной поддержки которых режим не мог бы просто существовать, — обнаружилась какая-то робость. Несмотря на усиливающуюся уже почти рвотную тошноту, многие из них продолжают служить режиму.

Попробуем разобраться в причинах этой исторической заминки. Их, на наш взгляд, две — материальная и идеологическая. И они взаимосвязаны. Русский золотой миллион, включая и потенциальных революционеров — элиты развития, никогда не жил так хорошо. Нефтяные брызги из советских скважин не только залили с головой тимченков, абрамовичей, сечиных и прочих воров в законе, но долетели и до профессоров ВШЭ, советников премьера и президента, главных редакторов радио- и телеканалов и прочих инженеров человеческих душ. Умом они понимают, что страна погружается в катастрофу, но, увы, они невероятно, фантастически богаты по сравнению с аскетическими советскими временами. И они еще не успели в полной мере насладиться этими волнующими новыми возможностями. Не нажрались еще.

Соблазненная головокружительно жирными объедками в лакейской воров в законе, последняя (де)генерация русской интеллигенции превратилась в капо правящего режима. Но, как известно, нет такой подлости, которую постсоветский интеллигент не смог бы для себя идеологически оправдать и обосновать. Мало ему на державный кол смачно есть, надо ведь еще и либеральную рыбку съесть на десерт для душевного равновесия.

Такой либеральной рыбкой для либеральных капо стали ритуально повторяемые ими утверждения о реформаторской в целом природе сложившегося в России за последние два десятилетия режима. В одной из своих предыдущих публикаций я уделил значительное внимание некоему ААВ-старшему³ именно потому, что ему удалось выразить коллективную точку зрения этого важного социального страта с удивительной ясностью и непосредственностью.

ААВ-старший в основном верно и, что особенно ценно, на основе своих личных доверительных контактов огласил список козырных воров в зако-

¹ <http://grani.ru/opinion/piontkovsky/m.161860.html>

² <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.142779.html>

³ <http://grani.ru/opinion/piontkovsky/m.189030.html>

не — Путин, Медведев, Сечин, Чубайс, Собянин, Сердюков, Иванов 1-й, Иванов 2-й, Кудрин, Прохоров. Он не отрицает, а наоборот, подтверждает, что эта бригада, поправ Конституцию РФ, намерена пожизненно воспроизводить себя во власти.

Но, вдохновенно несет он нам с горных вершин власти благую весть, не корысти ради, а токмо для завершения непопулярных либеральных реформ, которые та же бригада и ее исторические предшественники стоически проводят в России уже в течение последних двадцати лет.

Вы должны понять, господа, что определенное своеобразие, самобытность российской демократии, наши манипуляционные технологии совершенно необходимы. Иначе в этой несчастной стране к власти давно уже пришли бы ужасные зюгановы и квачковы. Питерские прогрессоры, — единственная сила, которая может постепенно, в долгосрочной перспективе привести Россию в лоно западной цивилизации. Так в первые три года следующей каденции бригады ей необходимо будет для блага этих глупых совков провести крайне непопулярные настоящие реформы здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, грубо говоря, гайдаровские реформы-2. А потом еще три года придется зализывать им раны и гладить их по головкам. А их надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, прогрессоры, в идеале, против всякого насилия над людьми...

Гм-м, — должность адски трудная.

Мой взгляд на новейшую российскую историю и природу сложившегося режима принципиально иной. Ввиду исключительной важности этой дискуссии для будущего страны, если у нее вообще есть будущее, позволю себе повторить некоторые соображения, которые я уже высказывал в течение многих лет.

За последние двадцать лет мы создали мутанта — ни социализм, ни капитализм, а неведому зверюшку, не поддающуюся дефиниции в традиционных политэкономических терминах. Капитализм в России начинается с челноков и заканчивается бизнесменами типа Д. Якобашвили и А. Карачинского.

Абрамовичи, дерипаски, прохоровы уже никакие не предприниматели и никогда ими не были. По своей ролевой макроэкономической функции, по характеру своей деятельности они крупные государственные чиновники, контролирующие бюджетные потоки и распределяющие сырьевую ренту. Секрет функционирования мутанта заключается в том, что часть его создателей формально назначили себя, или, как модно сейчас говорить, позиционировали себя бизнесменами. Незаслуженно присвоив себе этот почетный статус, прикрывающий их административный ресурс, эти фактические чиновники и виртуальные бизнесмены получили возможность совершенно легально отчуждать в возглавляемые ими и, как правило, хранящиеся за рубежом общаки огромную долю национального богатства.

Другая ипостась двухголового мутанта — путины, медведевы, сечины — наоборот, формально позиционируют себя как крупные государственные

чиновники, а фактически также контролируют мега-облаки под брендами ковальчуков, ротенбергов, тимченков...

Важны не те или иные персонажи, а хищническая природа функционирующей по своим внутренним законам системы властесобственности. Изгнание в 2000-м Березовского и Гусинского ничего не изменило в сообществе российских воров в законе, так же как ликвидация многих виднейших представителей коммунистической номенклатуры в 1937 году оставила неизменной власть этой номенклатуры как корпоративного сообщества.

Воры в законе освобождены от ответственности частного собственника. Их «компании» никогда не разорятся, не обанкротятся, как бы высок ни был уровень личного потребления их владельцев и бенефициаров и как бы низок ни был уровень эффективности их управления. Через приватизированное ими государство они поддерживаются государственным бюджетом либо гарантированными государством зарубежными кредитами. Так они продолжают приватизировать страну вновь и вновь в особо циничной форме на вполне законных в рамках созданной ими модели основаниях. Номенклатурная пуповина, связывавшая в конце 80-х — начале 90-х новорожденный российский капитализм с властью, не только осталась непорезанной, но и выросла в огромную ненасытную кишку.

Континуальность приватизации страшна не столько многократно умножаемой социальной несправедливостью, сколько прежде всего неэффективностью порождаемой ею феодально-бюрократической формы «собственности», ее абсолютной нерыночностью.

Путь «собственника» к успеху в России лежит не через эффективное производство, успешную конкуренцию, инновации, а через близость или прямую принадлежность к «властной вертикали», через эксплуатацию своего административного ресурса — маленького или совсем не маленького куска государства — и через абсолютную лояльность правящей бригаде и ее пахану. Как любит повторять самый богатый человек России, *«в любой момент я готов отдать все свое состояние по первому требованию Владимира Владимировича Путина»*.

Вина российских реформаторов вовсе не в том, что двадцать лет назад они кому-то не тем и как-то не так раздали собственность. В начальной точке траектории это было почти неизбежно (коммунистическая номенклатура уже сама ее разобрала напрямую или через своих назначенцев) и в конце концов даже не так уж существенно.

Беда в том, что они так и не создали и даже не попытались создать базовые инструменты конкурентной рыночной экономики и прежде всего цивилизованный институт частной собственности, отделенной от административного ресурса власти. В результате родился мутант континуальной номенклатурной приватизации forever, пожирающий страну и лишаящий ее всякой исторической перспективы. В такой системе эффективный собственник не может возникнуть в принципе.

Потенциальные эффективные собственники и эффективные инноваторы своими ногами и своими деньгами подтверждают эти ставшие очевидными для всех истины. В последние три года полтора миллионов невостребованных здесь профессионалов и их семей покинули Россию. В том же направлении движутся и миллиарды долларов капиталов. И это не только общаки работающих вахтовым методом воров в законе. Это и деньги тех предпринимателей, которые бегут от административного рэкета, от беспредела силовиков, от лицемерия отливающего в граните Айфончика, «борющегося с коррупцией».

Кстати местоблюститель, — на мой взгляд, самая отталкивающая фигура во всей этой криминальной колоде, аферист на доверии, козел-провокатор, ведущий стадо на бойню под свое сладкоголосое «либеральное» бляение в Твиттере.

На месте их пахана я бы оставил венценедоносного еще на один срок. Он ему совсем не опасен, а во многом и полезен. Но посмотрите на физиономию нащлидера в тех редких ситуациях, когда тому приходится в присутствии Медведева играть церемониальную роль второго лица. На отстраненно-брезгливой застывшей маске с пробегающим по ней порой тиком желвачков написаны все те искренние чувства, которые альфа-моль испытывает к своему собрату по крови.

В этой мертвящей атмосфере бункера писать для воров в законе программы 2020 и 2030 или рассуждать с энтузиазмом посвященного о предстоящих нам трех годах непопулярных, но столь живительных реформ — это предательство «либеральных» капо.

Ведь все они образованные люди и прекрасно понимают, что в отсутствии базовых рыночных институтов любые изолированные «рыночные» реформы будут контрпродуктивны и приведут только к негативным результатам. Так, например, пенсионная реформа, которая «началась» на днях фактическим дефолтом государственной пенсионной системы, этим же и закончится. Никакая другая структура на ее месте не появилась за двадцать лет и никогда не появится в уродливой экономической среде, в которой полностью отсутствует доверие субъектов к друг другу, в которой воры в законе, как королева в «Алисе в стране чудес», постоянно меняют правила игры в свою пользу и в которой в принципе не могут существовать длинные деньги.

А рекламируемые ААВ-старшим «настоящие гайдаровские реформы-2» воров в законе в сфере образования и здравоохранения ничем иным как резким ростом платности медицинских и образовательных услуг и «оптимизацией сети» больниц и школ быть не могут по определению. Кстати они уже идут полным ходом. Почитайте на эту тему блестящую статью, нет не Геннадия Зюганова, а Евгения Гонтмахера⁴.

Все наши высоколобые капо так же хорошо знают, что нет сегодня у страны более острой и неотложной **чисто экономической** проблемы, чем избавление ее от захватившей в ней государственную власть мафии воров в

⁴ <http://echo.msk.ru/blog/gontmaher/784947-echo/>

законе, как Галилей знал, что вертится земля. И им (капо) даже не показывали орудия пыток в Сурковской инквизиции. Им там просто показали очень большие бабки.

А, что касается словосочетания «непопулярные реформы», то когда я его слышу, я хватаюсь за несуществующий пистолет. А слышу его я уже лет двадцать пять, начиная с прорабов перестройки, и буду слышать, видимо, еще как минимум лет двенадцать от воров в законе и их идеологической обслуги. Ну, ребята, когда вы с придыханием и приятным чувством интеллектуального превосходства над косным быдлом произносите заветные слова «непопулярные реформы», вы, наверное, имеете в виду какие-то глубоко продуманные экономические меры, которые будут довольно болезненно отражаться на широких слоях населения некоторое время, два-три года, например — но зато потом наверняка расцветут науки и ремесла, а счастливые пейзажи с песнями выйдут в поле?..

Но двадцать с лишком лет, а потом еще двенадцать! И все непопулярные и все болезненные.... А кони все мчатся и мчатся. А избы горят и горят. И еще как горят после непопулярного реформирования Лесного кодекса в пользу тех же воров в законе.

А кроме того, господя непопулярные реформаторы, сами-то вы, продвинутые наши, провели за эти годы очень даже популярные в вашем узком кругу мероприятия и все как на подбор стали долларовыми мультимиллионерами, а самые талантливые из вас даже пролезли в игольное ушко мирового списка «Форбса».

Когда я говорю о предательстве «либеральных» капо, я имею в виду не только предательство ими выходивших в конце 80-х на площадь на сотни-тысячные митинги интеллигентов в стоптанных башмаках, по спинам которых они пробрались к властесобственности, а оставшихся внизу презрительно окрестили демшизой.

Они предают и свои собственные интересы и даже, страшно сказать, интересы воров в законе, которых они так старательно обслуживают. Их обыкновенный коллаборационизм⁵ затягивает не только агонию режима, но и петлю на его горле и оставляет только самые драматические сценарии его неизбежного краха.

Один из наиболее почитаемых в их среде авторитетов высокомерно заметил как-то, обращаясь к пораженному патерналистской философией плебсу —

«У вас ничего не украли. У вас ничего не было».

Замечательная фраза в духе Марии-Антуанетты, которая, конечно же, войдет во все учебники истории русской революции 10-х годов XXI века.

За двадцать лет выросло лишенное будущего поколение детей тех, «у кого ничего не украли». И оно только начинает предъявлять свой счет.

⁵ http://www.echo.msk.ru/blog/kasparov_garry/781907-echo/

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике четвертого квартала 2010 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями (находя их в бумажной прессе и в Рунете), отличающимися либо оригинальностью и глубиной анализа, либо концептуальной четкостью, либо симптоматичностью. В этом обзоре предлагается изложение наиболее примечательных публикаций с сайтов afisha.ru, chaskor.ru, e-xecutive.ru, echo.msk.ru, ej.ru, forbes.ru, gazeta.ru, grani.ru, inliberty.ru, liberty.ru, openspace.ru, polit.ru, russ.ru, slon.ru, vz.ru а также сетевых версий статей в бумажной прессе («Ведомости», «Власть», «Огонек», «Независимая газета»).

Итоги 2010

Публицисты и аналитики подводили на рубеже 2010-2011 годов итоги минувшего года и десятилетия.

Газета.Ру подводит итоги года в серии публикаций. Основные политические события 2010 года («Сквозь лед и пламя», 31 декабря) в версии издания таковы. Тренд года — начало избирательной кампании Путина и Медведева. Кризис года — пожары. Отставка года — Юрий Лужков. Приговор года — 14 лет Ходорковскому. Бунт года — выступления на Манежной площади. Провал года — шпионский скандал: ФБР раскрыла русскую шпионскую сеть. Компромат года — сайт компромата Wikileaks и его три серии разоблачительных досье: «афганское» (больше 90 тысяч сводок), «иракское» (больше 400 тысяч документов) и «госдеповское» — 250 тысяч единиц дипломатической переписки послов США. Визит года — поездка Медведева на Курилы. Документ года — Договор о сокращении наступательных вооружений. Анекдот года — кремлевский червяк в твиттере губернатора Дмитрия Зеленина (тверского губернатора помощник президента России публично обозвал слабоумным: Зеленину досталось за то, что он сообщил в Twitter об обнаруженном им на кремлевском банкете червяке в салате).

В статье **«Грабли золотого века»** констатируется: за год не сделано ничего — ни в политическом устройстве, ни в управлении, ни в экономике. Была предпринята отчаянная попытка вернуться обратно в докризисные путинские «золотые нулевые». *Никогда еще начальственные телемарафоны не были такими длинными, самодовольство таким демонстративным, расточительностью такой размашистой и бездумной.* План-график государственных мероприятий и развлечений обогатился футбольным чемпионатом-2018, который добавился к владивостокскому саммиту-2012, Всемирной универ-

сиаде-2013 и сочинской Олимпиаде-2014, и без того уже забирающих десятки миллиардов долларов в год. Под грандиозную десятилетнюю программу перевооружения без оглядки выписали еще 20 с лишним триллионов рублей. Не забыли позаботиться и о народе. Начало года было ознаменовано резким увеличением пенсий и менее внушительным подъемом зарплат. Явно предполагалось, что всем этих благ будет достаточно если не для счастья, так хотя бы для безмолвия и апатии, благодаря которым застойные нулевые запомнились властям как истинный рай. И только в одном отошли от привычек «золотой эпохи» — в отношениях с внешним миром. Но именно для того, чтобы осуществить главную идею все того же «золотого века»: максимум выгод и комфорта при минимуме трудозатрат. Необдуманный радикализм «вставания с колен», ставящий под вопрос семейные активы на Западе, привычные забавы, поездки и деловые контакты, — это единственная линия путинской политики, отторгнутая нашими верхами. Поэтому хватит «мюнхенских речей». Визитной карточкой президента Медведева стала разрядка. Жесткий приговор по второму делу Ходорковского — Лебедева вряд ли прервет этот медовый месяц с Западом, однако яснее покажет границы его возможностей. Правда, благолепие в 2010-м не состоялось. Закачка новых бешеных денег в вертикализированную окостенелую систему управления не могла и не смогла ее оживить. Проекты, на которые власти делали ставку, один за другим пробуксовывали или терпели провал. Из-за падения спутников не удалось запустить в штатный режим ГЛОНАСС. После удачных, наконец, пусков «Булавы» дальнейшие испытания под благовидным предлогом отложили. Проблемы с вертикалью управления: с осени мгновенно вошло в оборот понятие «кушевский синдром». Похожие ужасы обнаружилось вдруг повсюду. Бандиты, сливающиеся с чиновниками и правоохранителями. Правоохранители и чиновники, неотличимые от бандитов... Засуха, пожары, снегопады, ледяные дожди — каждый раз выяснялось, что в нашей суперцентрализованной системе ничего не предвидели, ни к чему не готовились и ничего не умеют делать вовремя. Число умерших за год, которое до сих пор снижалось, выросло в 2010-м на несколько десятков тысяч. Средняя продолжительность жизни уменьшилась с 69,0 лет в 2009-м до 68,8 в ушедшем году.

...Понадобился год, чтобы убедиться: система не работает уже ни за какие деньги, назад хода нет. В том числе и по причине бессмысленности и непопулярности организованных и управляемых сверху политических процедур прошедший год стал годом «уличной политики» во всей ее пестроте — от мирных протестов правозащитников и до этнических погромов. Государственная машина со своей фирменной репрессивной неизбирательностью если что-то и доказала в 2010-м, то одно: загонять это вглубь ей больше не по силам. Зато самонадеянности по-прежнему не занимать. Но к концу года выяснилась более печальная вещь. Нефтяных денег, которых с лихвой хватало до кризиса, при нынешних возросших аппетитах системы уже явно недостаточно. Розданные авансы стало вдруг нечем оплачивать.

В бюджете дыра. Поэтому на 2011 год вопреки логике политического цикла запланировано затягивание поясов: резкий рост страховых взносов, налогов с граждан, акцизов и прочих сборов. Надеяться, что экономический скачок поправит дела, нет причин. Система пытается жить, будто на дворе по-прежнему «золотая эпоха», при всей растущей абсурдности этих попыток. Логичным завершением такого года становится 14-летний приговор Ходорковскому и Лебедеву, предлагаемый властями в качестве главного новогоднего зрелища. Попытка повторить то, что с большим или меньшим успехом удалось повернуть в «золотые годы», сегодня лишь открывает всем оторванность верхов от реальности и замкнутость в собственных мстительных переживаниях. *Одно утешение: этот рецидив «золотого века» длиной в один год больше не повторить. Не на что.*

Павел Чиков в статье **«Пробуждение от спячки»** 30 декабря пишет: *2010 год показал, что, когда народ возмущен, ему море по колено. В уходящем году у обывателей стал прорезаться гражданский голос, а власти начали понимать ограниченность возможностей вертикального управления страной. Такого насыщенного событиями года в России не было уже давно. Растет число стихийных акций. В том числе с применением насилия (причем стритфайтеры из числа национал-футболистов и джигитов, приморские и прикамские антимилицейские партизаны, религиозные фанатики на Северном Кавказе и в республиках Поволжья — люди, реализующие накопившуюся жизненную энергию не в каких-то корыстных целях, а руководствуясь некими специфическими идеалами). <...> Анархисты попробовали на вкус погром администрации Химок. Фанаты почувствовали эйфорию, победив ОМОН и захватив центр Москвы. Кавказцы впервые приняли солидарный вызов и вступили на равных в рукопашную. Либералы отвоевали Триумфальную и насладились, наконец, многотысячным митингом сторонников. Сообщество блогеров прощупало механизмы перевода виртуальной энергии в реальную отдачу от властей. Феномен арт-группы «Война», эпатирующей своими акциями против власти, тоже обусловлен окружающей средой образца 2010. Чувствительность у людей повышается, преодолевается паралич голосовых связок. Все чаще граждане отказываются мириться с унижением своего достоинства со стороны милиции, врачей, тюремной администрации, работодателя, управляющей компании. Люди пробуют действовать — у них получается; они получают удовольствие и опыт — это главный залог позитивной тенденции развития страны. Власть же все чаще становится в оборонительную позу. Каждая мелкая уступка отвоевывается потом и кровью, требует больших ресурсов, зачастую человеческих жертв, здоровья, личной свободы, денег, репутации. Но Кремль явно ведет круговую оборону, и уже нет сомнений, что каждый его выпад заставит кольцо сильнее сжиматься. Инициатива из рук нахрапистых чекистов начала «нулевых» переходит к гражданскому обществу.*

Дала в уходящем году трещину и вертикаль власти. Президент после кушевских и гусьхрустальных событий делегировал больше полномочий и ответственности за правопорядок региональным властям. Мера, идущая враз-

рез с десятилетними потугами федерального центра тянуть все одеяло на себя. Ни следственный комитет, ни ФСБ, ни другие полномочные органы не могут противостоять фактическому местному самоуправлению беспринципного сплава коммерсантов, князьков и криминалитета. *Эмпирическим путем Кремль доходит до прописной истины: чем сильнее тянешь в центр, тем быстрее рвется по периметру.* Дело Магнитского открыло против Кремля еще один новый фронт — международной изоляции: 60 правоохранителей и судей из России попали в черный список. Сжимается вокруг Кремля еще и кольцо решений Европейского суда по правам человека. Представители власти это чувствуют и реагируют нервно. Валерий Зорькин, только что получивший по инициативе Кремля пожизненный титул председателя Конституционного суда, обмолвился о праве России не исполнять решения Европейского суда и тут же был поддержан Дмитрием Медведевым.

Юлия Латынина в статье **«Итоги года. The world is liquid»** (Ежедневный журнал, 8 января) отмечает, что мир стал текуч: все течет туда, где лучше. Между тем, *Россия движется в противофазе с развитием всего мира.* В 2009-м она покинула список 10-ти крупнейших экономик мира, пропустив вперед Бразилию, Испанию и Канаду. *Банковские системы всего мира сейчас переводят с места на место 2 трлн. долл. в день. Эти деньги текут туда, где лучше.* По данным ЦБ, по итогам 10-ти месяцев 2010 года из России убежал 21 млрд. долларов. Причем за первые 9 месяцев из страны ушло 6,7 млрд. долл., а за октябрь — 14,3 млрд. *Рынок заранее отыграл приговор Ходорковскому. Но цифры ЦБ никак не отражают реальных процессов. Например, за 9 месяцев 2010 г. зарубежные активы российских компаний выросли на 40 млрд. долларов. И это называлось не «бегство», а «инвестирование» и «рост стоимости активов».* Для того чтобы оценить хотя бы порядок бегства капитала, надо оценить размер российской коррупции. Приведя различные подсчеты, автор пишет: *В принципе «на пальцах» я бы предположила, что коррупция в России составляет где-то 50% от ВВП, то есть 20 трлн. руб., и что половина уворованных денег — то есть 25% ВВП — переезжает на Запад.* Далее. За 10 лет перестройки и реформ, с 1989 по 1999 год, из России выехало свыше 1 млн. человек. К началу 2000-х размах эмиграции начал спадать. После 2003 года — года ареста Ходорковского — он снова стал расти. С 2004-го по 2008-й из России уехало 440 тыс. человек. Резко поменялся и характер миграции. Теперь первая тройка стран выглядит так: США, Германия, Канада. *Парадоксальным образом, Россию как место, где они не собираются жить, рассматривают две очень разные социальные группы: молодые ученые и путинские чиновники.* Геннадий Тимченко, хозяин «Гунвор» и друг Владимира Путина, имеет финское гражданство, а живет в Швейцарии, доверенное лицо Газпрома Манасир Зияд купил три виллы на Сардинии; мэр Москвы Юрий Лужков и его супруга Елена Батурина, будучи уволены с должности, сразу перебрались в Лондон, в свой роскошный особняк Witanhurst — самый большой частный дом города после Букингемского дворца. *Путинские чиновники открыто рассматривают «эту страну» как место, где они не соби-*

раются жить. И такая свобода перемещения из страны в страну, как ни парадоксально, именно результат глобализации. Третье, что невозможно удержать на месте, — это идеи. Патенты, изобретения, открытия. Здесь дело обстоит совершенно катастрофическим образом: модернизационных проектов в России просто нет. Есть только воровские. Открытая экономика, которая ведет к росту огромного количества неподконтрольных бизнесменов, разрушает основание власти такой элиты. Правящая элита предпочитает безраздельную власть над деградирующей экономикой, а не долю власти над экономикой растущей. *В глобальном мире закрытые экономики не stagnируют — они регрессируют, причем стремительно. Из них вымываются деньги, люди и идеи. Но даже на их фоне путинский режим демонстрирует невероятные темпы деградации.* Латынина показывает это на трех примерах: дороги, курорты, химзаводы. За время путинского правления Россия получила 1,5 трлн нефтедолларов и построила ноль километров дорог, отвечающих нормативам экспрессвоя. Несмотря на все угрозы, российские коррупционеры предпочитают строить отели в Анталье, где у них не спрашивают, откуда деньги, нежели в Сочи... Россия является вторым по величине производителем природного газа. Самый естественный для России путь модернизации — это создание химической промышленности. Но в России современной химической промышленности нет и не предвидится. *В XIX веке страны, демонстрировавшие подобный уровень некомпетентности, оказывались завоеваны. В наше время — время беспрецедентного мира — никто завоевывать их не будет, а стало быть, для их элит нет никакого стимула к развитию страны.*

Дмитрий Орешкин в статье «Год прозрения» («Огонек», № 50) отмечает: *уходит год прозрения и разочарования. Социальный перелом (под общим информационным наркозом) состоялся 7-8 лет назад; сейчас мы пожинаем плоды и осознаем результаты. Возвращаемся к реальности.* В СССР любые ошибки и преступления власти мгновенно изымались из общественного сознания. Сейчас так не получится: интернет все помнит. <...> Привычные мифологические ценности СССР хороши для мобилизации электората и перехвата власти. Но потом, как и в СССР, обязательно наступает время сравнения победного мифа с грустной действительностью. Из-за интернета оно приходит раньше. Взяв в пример Кавказ, Орешкин напоминает, что миф о победе державного единства обернулся нерешаемыми проблемами: *Помимо десятков тысяч убитых (о них мы благополучно забыли), из Чечни выехало более 200 тысяч русских. Назад они никогда не вернутся. Чечня сегодня единственная целиком мононациональная республика в составе России.* <...> Провозглашенный порядок на самом деле означает неограниченный произвол местного князька, включая право на убийство. Русские и прочие «неместные» правдами и неправдами стремятся покинуть Северный Кавказ. <...> Как и предсказывалось, конфликт из политического (борьба за расширение суверенитета) перерастает сначала в межнациональный, а затем и в межконфессиональный. Расползается далеко за пределы Чечни. Вплоть до Кондопоги и Манежа. <...> За подобные удовольствия Россия еще и платит. Из неполных 56 млрд. бюджета Чечни сама респуб-

лика производит лишь 4 млрд. Остальные 52 — деньги из Москвы. До трети из которых, если верить дипломатическим сливам Ассанжа <...>, присваиваются местными элитами. <...> Деньги, которые отгружаются кавказским начальникам, изымаются откуда-то из других мест. Брянская, Ивановская, Смоленская, Тверская или любая другая область старорусского ядра у нас постоянно в недокормленном состоянии, с деградирующей дорожной сетью, рассыпающимся ЖКХ, медициной, образованием и пр. Ничего не поделаешь: за все надо платить. Вы хотели сказку державного величия? Получите и распишитесь. Стоит ограничить кавказское воровство, как тамошние начальники со своими нукерами развернутся и уйдут в свободное плавание. Через очередную войну. Так что раскошеливайтесь. Если же воровство не ограничивать, то средства госбюджета так или иначе просачиваются в руки боевиков, с одной стороны, и в руки золотой кавказкой молодежи, прожигающей жизнь в Москве, с другой стороны. Их джипы куплены на украденные из казны отцами, дядьями или старшими братьями деньги. Московским властям тронуть их нельзя — немедленно аукнется на Кавказе. Значит, власть молчит и терпит: этим можно. <...> Роскошная мифология стоит дорого. Советский Союз на что был богат ресурсами, но и тот не смог расплатиться. Процесс осознания необратим. Раз уж люди начинают думать — тут пиши пропало.

Александр Молотников в статье «Государство и бизнес: итоги 2010 года» (forbes.ru, 30 декабря) называет знаковые события года в области законодательства и госрегулирования. Среди них — гуманизация законодательства в уголовно-правовой сфере. Весной президент инициировал гуманизацию в сфере привлечения к уголовной ответственности за экономические преступления. Сразу возник вопрос: какие преступления считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, а какие — нет. В конечном итоге в октябре президент принял решение о тотальной либерализации уголовного законодательства. В рамках этого подготовлен проект поправок в УК, согласно которому снимается нижний предел в виде лишения свободы по 68-ми составам преступлений, к 11-ти составам добавлено как основное наказание в виде штрафа, к 12-ти — исправительные работы... В ноябре были опубликованы тексты законопроектов, которые должны внести самые существенные за последние пятнадцать лет изменения в Гражданский кодекс. Отдельные положения вызвали недоумение бизнес-сообщества. Например, многократное увеличение размера минимального уставного капитала и его исключительно денежное выражение... Одной из центральных тем стал вопрос о защите миноритарных акционеров. Прежде всего благодаря Алексею Навальному, который настойчиво требует от крупнейших российских компаний соблюдения законодательства о раскрытии информации и разоблачает их «эффективных менеджеров». В конце года Высший арбитражный суд защитил права миноритарных акционеров на получение информации о деятельности компаний. Кроме того, законодатели вдруг решили встать на защиту миноритариев и ужесточили порядок раскрытия информации для акционерных обществ, внося поправки в Закон о рынке ценных бумаг.

Принятие закона о Сколково вызвано необходимостью проведения в России модернизации. Это решено осуществлять на небольшой территории в Подмоскowie. Для реализации планов понадобился отдельный нормативный акт, который, по идее, должен оградить инноваторов от реалий российского госаппарата. Чего стоит хотя бы парадоксальное название статьи 20 закона: *«Ограничения полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления на территории Центра»*.

Общество

На сайте E-xecutive социолог **Лариса Паутова** (*«Византии угрожает “поколение принцесс”*», 19 октября) утверждает, что российский патернализм, т. е. стремление людей надеяться на государство, на внешнее окружение, под влиянием времени постепенно сокращается. В российском среднем классе 65% индивидуалистов против 32% патерналистов. Новые поколения более открыты миру, Западу. *И даже на уровне игрушек мы не «вшиваем» детям патерналистские идеи, поэтому, конечно, доля индивидуалистов будет расти.* Москва не лидер по числу индивидуалистов. Москва — плавильный котел, в котором все перемешалось. Кроме того, московская мэрия традиционно проводит политику социальной защиты старших возрастных групп. А возглавляет список Томская область. В Сибирь в поисках заработка приезжали те, кто рассчитывал на свои силы. Второй фактор — Томский университет. В число лидеров входят регионы, расположенные вдоль границы с Китаем, на Дальнем Востоке, а также с Финляндией. А замыкают его южные сельскохозяйственные районы с присущим им крестьянским мышлением, ориентированным на семью, род. Что же касается Центральной России, то из областей, расположенных кольцом вокруг Москвы, индивидуалисты уехали в столицу. Москва высосала все силы оттуда.

О кажущейся неизбежности индивидуализма пишет и **Андрей Лошак** 2 ноября в своей колонке на openrasc.ru *«Проживем без государства»*: *Современный русский интеллигент живет без идеалов. С одной стороны — государство, этот некротический Левиафан на страже собственных интересов; с другой — народ, точнее всего представленный телезрителем Беляковым из «Нашей Раши». Воинственный жлоб, накачивающийся пивом перед экраном телевизора. Выбор, прямо скажем, скверный. И думающие люди, посмотрев по сторонам, выбирают себя. Индивидуализм — вот религия последнего десятилетия. <...> Пытаясь укрепить вертикаль, Путин окончательно отстранил народ от управления страной. Власть в России всегда презирала права маленького человека. <...> Те, кто верит в государство, не верят в человека. И наоборот.* Но далее он размышляет о новом общественном тренде: у нас появился, кажется, спасительный выход: *самоорганизация и взаимопомощь.* И вот — *Слава Богу, мир лучше, чем кажется через тонированные стекла бронированных «мерседесов».* Главный повод для оптимизма находится пока в виртуальном пространстве — это блогосфера. Агентство Comscore недавно

выяснило, что российские интернет-пользователи — самые активные блогеры в мире. <...> Интернет уже давно стал параллельной реальностью, в которой есть все то, чего не хватает в жизни: свобода слова, отсутствие показухи и пропаганды, гражданская активность. Пока это чаще всего банальный перепост <...> начальная стадия гражданской активности. Человек перепоста уже не равнодушен. Он сделал первый шаг в сторону, вышел из строя, начал собственную борьбу. Накапливаясь, энергия недовольства становится реальной силой, способной пробивать бреши в проржавевшем каркасе государства. Примеров таких убойной силы перепостов известно уже немало. <...> В конце года возник такой жанр, как выложенное в интернете видеообращение к президенту или премьер-министру. За майором Дымовским последовали другие правдорубы. И хотя формально люди обращаются к власти, рассчитывают они в данном случае не на нее, а на гражданское общество, то есть на нас с вами. <...> Люди пошли в интернет за правдой, отчаявшись найти ее в реальности. Если раньше маленький человек Башмачкин, подвергаясь унижениям, лишь беспомощно восклицал: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?!» — то теперь, с помощью веб-камеры и оптоволокну, он может рассказать всему миру о несправедливости, назвав поименно сволочь, оскорбившую его человеческое достоинство. Американский интернет-социолог Клей Ширки считает, что интернетом движет альтруистическое стремление к взаимопомощи, о котором писал в свое время Кропоткин. Вовлечение в этот процесс Ширки делит на несколько этапов: от импульсивного желания поделиться некоей проблемой, к которому он относит и перепост, до коллективных действий, направленных на ее решение. Ширки пророчит новую эру горизонтальной социальной активности, поскольку создавать и распространять контент теперь может каждый. Люди настроены меньше потреблять и больше участвовать. Это явление пока еще плохо описано, и у него нет имени. В разных западных изданиях можно встретить термины «кликтивизм», «вебизм», социолог Ольга Крыштановская называет это «сетевая демократия» и «википолитика», Ширки придумал выражение: «когнитивный излишек».

Пожары сыграли решающую роль в окончательном прозрении. <...> Во время пожаров люди проявили ту самую удивительную способность к взаимопомощи и самоорганизации, о которой так настойчиво писал Кропоткин и которая так враждебна интересам государства. <...> Пожары продемонстрировали, что мы с государством живем в параллельных мирах. Они решают свои вопросы, мы — свои. На сайте МЧС в дни пожаров пиарят Шойгу, по телевизору — Путина, а люди, пытаясь понять, где горит и кого спасать, сами организуются в отряды и создают в сети собственные информационные ресурсы о пожарах. Символ этого параллельного существования — в свидетельстве волонтера, спасавшего Мещеру. Уникальный заповедник вовсю горит, людей и техники катастрофически не хватает, а солдаты на дороге ровняют граблями щебенку после каждой проехавшей машины — это местные власти готовятся к визиту Путина. Заповедник на многие тысячи гектаров выгорел. Путин в Мещеру так и не приехал. <...>

В анархическом по духу интернете с каждым днем крепнет убеждение в бесполезности и даже враждебности государства. <...> В ставшем уже легендарным посте «Верните рынду!» блогер Александр Почков aka top_lap <...> пишет о том, что если государство не в состоянии обеспечить своим гражданам безопасность, то мы ему ничего не должны: «Освободите меня от налогов или просто уберите отчисления в пенсионный фонд, я все равно не доживу до пенсии по такой жизни, а на эти деньги куплю пожарную машину на три деревни и буду спать спокойно, зная, что ее уже никто не отберет у моего народа, моих соседей сельчан, потому что она сука будет наша и мы за нее убьем, если нужно будет». Я говорил с Почковым. Став после своего знаменитого поста тысячником в ЖЖ, он ощутил себя не просто блогером, а выразителем интересов русского среднего класса. Как говорят американцы, he's on a mission — чувство, незнакомое чиновникам. С сентября Почков демонстративно не платит налоги — пацан сказал, пацан сделал. За ним последовали его единомышленники в интернете. <...> Как и подобает гласу народа, самоорганизацию и автономию Почков начал с себя. В своем деревенском доме он вырыл скважину, купил помпу и генератор — теперь не зависит ни от электричества, ни от воды. После пожаров, утверждает Почков, многие так сделали. <...> Дух махновщины broдит по просторам России. <...> Все больше людей находит время на бескорыстную помощь друг другу. Общество прорастает горизонтальными связями. <...> Люди объединяются не только из-за денег, как считают кремлевские идеологи. Возможно, мы делаем шагочек вверх по эволюционной лестнице в сторону от «тирании эгоистичного репликатора»; возможно, у нас появился тот самый «когнитивный излишек», но, скорее всего, у людей в критический момент просто срабатывает инстинкт самосохранения. Вдруг выясняется, что добрым быть выгодно. Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой. И если в государстве запущена программа по самоуничтожению, то люди начинают спасать себя сами. <...> Резюме: Благодаря колоссальному рывку телекоммуникационных технологий человечество покрылось мириадами невидимых связей, объединивших жителей планеты в единую сеть. Люди стали ближе друг другу. В таком мире трудно проворачивать темные делишки. Российская власть в наступающей эре цифровой кооперации выглядит морально устаревшим аналоговым монстром, которому нет места в сверкающем мире будущего, похожего на технократический фаланстер с прозрачными стенами.

О социальной роли интернета в России пишет и Владимир Абаринов в Граних.Ру («Врач по внутренним болезням», 20 декабря). Любая оговорка первого лица, его неудачный жест или нахальная ухмылка в неподходящем месте тотчас тиражируется на YouTube, глумливо пародируется, становится предметом праведного гнева и издевательских насмешек. Оруэлл на новый лад: Большому Брату некуда деваться — теперь не он, а за ним следят. Это уже не бездарное реалити-шоу, а сеанс с разоблачением. А ведь в интернете сидят, по разным оценкам, от 20 до 34,5 миллионов граждан России, причем сидят плотно. Компания TNS, изучающая потребительские рынки, в своем глобальном исследовании Digital Life поставила Россию на второе место в мире после

Малайзии по продолжительности пребывания жителей в социальных сетях — в среднем они проводят там 8,1 часа в неделю (в Малайзии — 9, в Турции — третье место — 7,7). Для этих людей интернет — зачастую единственный источник информации и единственная среда, где они встречаются с руководителями государства, единственное прибежище страждущей и мятущейся души, единственное отечество. Россия стремительно эмигрирует в виртуальный мир. В этом мире много грязи, неутоленной злости, неудовлетворенных комплексов и паранойи, но, в отличие от реала, здесь ты сам формируешь свой контент.

Схожая логика у **Наталии Геворкян** («Общество собралось блогами», Газета.Ру, 17 ноября). Задавая себе вопрос о причинах острой общественной реакции на избиение Олега Кашина, сила которой несравнима с реакцией на гибель Пола Хлебникова или Анны Политковской, она отвечает на него так. *Кашин активный блогер. Ни в 2004-м, ни в 2006-м блогерство не было столь популярно. Вполне возможно, что это и есть то главное, что произошло в стране за последние годы: интернет в России стал играть значительно более существенную и сложную роль в жизни людей.* <...> Сложилась среда. Она столь же обширна, сколь обширны и противоречивы взгляды Кашина. *Но когда с ним случилась беда, то не только коллеги, но вся эта его средаотреагировала естественным образом: не трожь! <...> Она предстаёт общественным мнением, которое, оказывается, есть и на которое власти приходится реагировать.* Российская власть как-то упустила, что революция происходит в России в интернете. <...> там незаметно, но безусловно формируется продвинутая, умная, наблюдающая и понимающая элита. <...> у этой новой элиты нет уже практически ничего общего с Путиным. Он выпал из времени, которое за 10 лет с момента его прихода к власти ускорилось так, что просто отторгает его вместе с его манерами, ассоциациями, интересами, вертикалью и даже интернет-камерами наблюдения за строительством домов для погорельцев и интернет-поиском имени для щенка болгарской овчарки. Он человек другой эпохи, и он фатально не успевает за тем поколением, которое уже живет, растет и будет влиять на страну через 10 лет. Медведев же при какой-то даже детской непосредственности при виде очередного гаджета, при постоянном упоминании интернета, при монологах на фоне компьютера, тем не менее, контентно совпадает со временем

Публицистический резонанс вызвали выступления молодежи в Москве 11 декабря, в которых чаяния социальной справедливости сплелись с националистическими лозунгами.

Кирилл Мартынов в Русском журнале («От Кушевской до Манежной») смотрит на события на Манежной мрачно. *Произошло одно из самых позорных событий в новейшей истории России. Собравшимся позволили беспрепятственно выкрикивать расистские лозунги, призывать к расправам по национальному признаку и даже начать воплощать некоторые их планы в жизнь.* <...> Толерантность по отношению к открытым проявлениям фашизма на наших глазах достигла своего апогея. Участники действия не требовали правосу-

дия и соблюдения гражданских прав на справедливое судебное разбирательство. Для «национального сознания» эти требования и неуместны, и бессмысленны. Фашизм требует и способен требовать только одного: уничтожения Другого, отличного от фашиста по набору вымышленных или реальных признаков. Именно к этому сводились призывы тех, кто собрался на площади 11 декабря. <...> Российское общество, «подмороженное» на несколько лет высокими ценами на нефть и доступными кредитами, начинает стремительно скатываться в пропасть. Процесс варваризации опережает процесс модернизации на несколько ходов. На каждое Сколково находится своя Куцевская. Общество, не верящее в способности власти выполнять свои функции, судя по всему, готово жить по криминальным законам. <...> Постсоветское общество догнивает. Оно выработало свой ресурс. Сквозь его ткань на поверхность всплывают вещи, накопленные за десятилетия его жизнедеятельности.

Распад Российской Федерации, если нам суждено увидеть таковой, будет связан совсем не с военной интервенцией Китая и даже не с нашествиями орд нелегальных мигрантов. Более реалистичным сценарием представляется падение доверия граждан к государству как единственному источнику легитимного насилия и переход отдельных районов страны под прямое управление криминальных синдикатов, действующих под прикрытием лозунгов о самоуправлении.

На Афише редакционный директор сетевого издания Юрий Сапрыкин («Простое большинство», 12 декабря) ужаснулся и раскаялся: Все варианты наших младолиберальных взглядов на мир — в диапазоне от наших коллег из LookAtMe с их теорией малых дел (дескать, нужно наводить красоту в своем углу, и совокупность этих красот даст одно большое общее благо) до нашего коллеги Андрея Лошака с его оптимистическим анархизмом (дескать, скорей бы Сурков, Барков и Сердюков улетели на Марс, мы, честные граждане, без них ловчее разберемся) — не учитывали одной мелочи: страны, в которой мы живем. <...> за последние 25 лет население страны приняло участие в нескольких несправедливых войнах, пережило полный слом экономической и идеологической системы, лишилось сотен тысяч образованных и деятельных граждан, отправившихся в эмиграцию — или, как вариант, торговать турецкими свитерами на рынок. <...> большинство этих людей на каждом шагу сталкиваются с чудовищной, унижительной, разрушающей душу несправедливостью <...> больницы или суды, посещение которых провоцирует условных «нас» на истерику в ЖЖ, для этого молчаливого большинства — кошмарная и привычная повседневность <...> потребительский путинский рай, чьи излишества так оскорбляют эстетическое чувство условных «нас», для молчаливого большинства — это в лучшем случае возможность купить в кредит холодильник. <...> выросло целое поколение людей, чьи родители из-за недостатка времени или тотальной дезориентации в жизни забыли объяснить им, что такое хорошо и что такое плохо, и не успели прочитать им книгу, хотя бы одну, и все представления об устройстве мира были почерпнуты ими в лучшем случае из сериалов про ментовку и зону, — а скорее всего, во дворе, чьи законы в точности повторяют

ментовку и зону без всякой помощи сериалов. <...> мы не то чтобы не замечали этих людей — но не имея возможностей (или желания) изменить их жизнь к лучшему, мы переводили их существование в плоскость эстетического: мы умилялись фильмам Германики, книжкам про гопников, рэперу Сяве, бесконечному потоку новых драм про свинцовые провинциальные мерзости. Мы упивались этим потоком правды — и как-то упустили из виду тот факт, что от перевода всеобщего несчастья, отупения и озлобления на кинолентку или бумагу само озлобление никуда не денется. Оно и не делось. <...> При нынешнем раскладе, при таких настроениях большинства — крайне недовольного своим положением, не верящего в позитивные варианты будущего (до такой степени, что даже безусловно приятная перспектива, вроде Чемпионата мира по футболу, становится поводом для всеобщего глухого раздражения) и предпочитающего любое простое решение чуть более сложному — достаточно лишь поднести спичку, и большинство абсолютно демократическим путем сделает такой выбор, от которого у условных «нас» волосы станут дыбом.

На сайте liberty.ru в противовес солидаристу Лошаку Андрей Ашкерov в статье **«Демократия исключения»** (14 декабря) заявляет: Проблема нынешней России не в том, что в ней деградировали практики солидарности, а в том, что эта деградация привела к тому, что солидарность стала злокачественной: ненависть и зависть связывают намного прочнее, чем понимание и взаимовыручка. В России сегодня привыкли ненавидеть друг друга. Манежная площадь вновь, как и 20 лет назад, стала баррикадой ненависти, по разные стороны которой может оказаться кто угодно. Ашкерov констатирует исчерпанность модели спортивной демократии, при которой спорт заменяет собой национальную идею, а спортивные победы приравняются к общегосударственному триумфу. Однако обратной стороной этого является превращение насилия — в спорт, то есть умножение насильственных проявлений. Автор замечает: Призрак «всеобщего благосостояния», населивший собой местный мир супермаркетов, казалось, справился с задачей формирования послушных граждан. Супермаркет стал главенствующей структурой социализации, заменившей музей, школу, храм, а заодно и рай с адом. Каждому району по «Пятерочке», каждому районному жителю — столько банок «Ягуара», сколько он сможет в себя влить. Тот, чье существование сведено к сумме потребностей, с неизбежностью превращается в нечто среднее между статистической единицей и социальной функцией. Однако мы живем в эпоху, когда только структуры выходят на улицу. Они и вышли. С другой стороны, у нас спорт понимается как лекарство от политизации, спорт должен был санкционировать удаление масс из политики: подчиняйтесь и можете состязаться сколько угодно. Но оказалось, что следствием деполитизации масс отнюдь не является послушание и пассивность. Напротив, свирепым вопрем может быть и деполитизированная масса. Ашкерov представляет своих, как можно понять, оппонентов. Это сторонники немилого ему ура-прогрессизма, адепты которого одевают по вкусу то маску национализма, то маску неолиберализма, то обе маски одновременно. Неолибералы говорят: догоняй, иначе все потеря-

есть. Националисты отвечают — догоним, если отделим «своих» от «чужих», тогда и «станем Европой». <...> Дружный консенсус достигнут: и неолибералы и националисты клянутся сегодня демократией, однако это не демократия приобщения, а демократия исключения. Демократия фэйс-контроля <...> События на Манежной показали: в наши дни чтобы стать фактором политики, ты должен согласиться на фэйс-контроль. И не просто согласиться: стать инстанцией фэйс-контроля для всех остальных <...> в моду вернулась охота. Все начеку, охотник охотится на другого охотника. Манежная площадь стала свидетельством того, что при этом раскладе жертвой может стать каждый. Да уж, лучше плохая, но родная Ашкерова власть, чем такие вот страшили ура-прогрессисты!

Депутат-единоросс **Михаил Москвин-Тарханов** («Накануне революции “потерянного поколения”», там же, 17 декабря) утверждает, что так начинается бунт поколения, не имеющего шансов на успех в жизни, и боится, что ситуацию используют некие *политические силы*. О себе подобных автор пишет, в восторге пренебрегая знаками препинания и прочими избытками русского наречья: во власти и бизнесе *вакансии заняты прочно активными, жесткими и живучими людьми, пассионариями. И эти люди, сверстники Путина и Медведева, Потанина и Дерипаски, Хлопонина и Козака на покой уходят пока собираются и очевидно не намерено уступить власть молодежи*. Это напоминает косноязычному автору ситуацию в США и Франции начала шестидесятых годов прошлого века. Перед ним маячит *перспектива «бурных десятых и двадцатых»*. Так что, если мы не создадим механизмы социальной мобильности для поколения молодых, то, с учетом неравномерности развития и огромности территории, нас ждут многочисленные протестные акции молодежи, сначала в столицах, потом в крупных городах, а потом повсеместно. Кризис поставил во главу угла проблемы выживания бизнеса, на выходе из него резко выросла конкуренция и напряжение. И «интересанты» двинули вперед пехоту — активную молодежь, воспользовавшись как спусковым крючком убийством футбольного болельщика. А молодежь к этому уже была готова. Ведь говорят, что «у каждого поколения должна быть своя революция». Страшно Москвину-Тарханову, он призывает власть и сообщников что-нибудь придумать, чтоб революционная эта гроза прошла стороной от Рублевки.

Альфред Кох на сайте forbes.ru в статье «Верхи-то еще могут, а вот низы — уже не хотят» (21 декабря) в присущей ему манере то ли режет правду-матку, то ли цинично глумится. *Что, страшно? То-то же и оно-то же. Да ладно вам хорохориться, сам вижу, что страшно. Так в этом и есть весь трюк: лишь только покажется русский бунт на одну осьмушку его реальной силы — и уже вот вам и готово: толстый пингвин робко прячет тело жирное под мышкой у «Кровавого Режима».* «Все что угодно! — кричит наделававший от страха в штаны фрондирующий тандему обыватель. — Зачеркните все, что я говорил до этого. Правьте нами, сколько угодно. Только защитите нас от этих погромщиков. Это же ужас какой-то. Откуда только они взялись, эти фанаты, нацисты, скинхеды?» — «Ну что? — говорит “Кровавый Режим”. —

Страшно, сволочи? Вольно ж вам, свиньи, ругать нас, пока все хорошо. А как страшно, так сразу к нам? Ну ладно, на этот раз прощаю. А погромщиков так уж и быть — накажу». Что же это за бунтовщики? Кох акцентирует: это первое поколение россиян, которое не знало совка. В отличие от своих родителей, эти мальчики выросли в относительной информационной свободе и при отсутствии серьезного идеологического пресса. Дальнейшие наблюдения таковы:

Первое. Эти люди намного смелее нас. Мы, запуганные совки, боимся всего на свете: царского гнева, милицейской дубинки, чеченского ножа, женской истерики. Они не такие. Они открыто выражают свои мысли, они не боятся ментов, они кавказской сплоченности готовы противопоставить свою сплоченность, они готовы в буквальном смысле слова драться за свои убеждения и интересы. Пусть даже эти интересы ими неправильно осознаны, а методы борьбы, на наш изнеженный вкус, слишком brutальны. **Второе.** Они действительно (не на словах) гордятся тем, что они русские. Они осознают тот очевидный факт, что это их земля и что это их право устанавливать здесь те порядки, которые они считают справедливыми. Они готовы драться за эти права и порядки и проявить в этой борьбе заметно большую самоотверженность, чем мы. **Третье.** Они невежественны, и поэтому для объяснения своих проблем хватаются за лежащие на поверхности лозунги, которые, как правило, страдают упрощенчеством. Но ведь и власть с завидной регулярностью подкидывает им все новые и новые аргументы, которые подталкивают не к самокопанию, а к тому, чтобы прийти к простому и вульгарному выводу: «Кремль продал Россию чеченам». **Четвертое.** Они не считают сегодняшнюю власть своей властью. Они никак себя с ней не корреспондируют и не видят в ней защитника своих интересов. Для них это какие-то дяди и тети, которые жульническим путем поставлены на свои должности лишь для собственного обогащения. И опять власть с ужасающей производительностью поставляет им все новые и новые доказательства этого. **Пятое.** В отличие от нас в них нет священного трепета перед сакральной силой государства. Они ничего хорошего от него не видели. Оно их не образовывало, не лечило и не защищало. Единственный раз, когда они с ним столкнулись, — это когда их старших братьев забирали на две кавказские войны. Можно себе представить, что им рассказывали те, кто с этой войны вернулся. А за тех, кто не вернулся, говорили их могилы. Кох продолжает: Когда власть, состоящая в основном из 40-60-летних бюрократов, «общается с народом», она разговаривает со своим поколением. С поколением, которое она хорошо понимает и чувствует. Но мы скоро перестанем быть большинством нации. Нам на смену идут вот эти люди. Бестолковые, жестокие, искренние и активные. Власть, вместо честного диалога со своим будущим народом, придумала «объяснялку» про либералов-провокаторов, а взамен общения с молодежью — оплаченное шоу «Селигер». <...> Власть уже давно имитирует жизнь вокруг себя. Она лечит не болезнь, а симптомы. <...> ...мы столкнулись с первыми сполохами бушующего в глубине народного пласта пожара. Да, реальность вот такая, не очень изящная и симпатичная. Да, эти волчата не очень похожи

на сытых и ленивых обитателей якеменковского зоопарка. Но зато, в отличие от кремлевских комсомольцев, это свободные люди. Жестокие? Тупые? Злые? Может быть. Нацисты? Вряд ли. Это скорее человеческая протоплазма, из которой он может родиться, но это пока еще не нацизм. У них нет настоящих вождей, стройной теории, нет никакой организации. Но у этих мальчиков есть одно важное преимущество перед выдуманной страной, которую мы видим глазами Эрнста и Добродеева: они реальны, они существуют в действительности. И именно это нас всех и пугает.

Махачкалинский правозащитник **Руслан Гасанов** (rgassanov) на сайте «Эха Москвы» рассуждает: Низы опять не хотят. Бытовое убийство, из-за коррумпированности и имитации правосудия, превратилось в безумное противостояние — кто кого покрывает, какой национальности убийца, и к какому сословию принадлежит убитый. Болельщик стал профессией, фанаты — социальным стратом, а кавказцы приобрели статус убийц. <...> В России мало умных людей. Еще меньше честных. У нас больше святых, чем праведных. Именно из-за малочисленности, они не в силах объединиться и противостоять нарастающей коррупции, беспределу, и агрессивности. По причине бессилия, этносы стали углубляться в хитросплетения происхождения. Раньше разбирались с пролетарским происхождением, а теперь с арийским. Не народ, не волеизъявление большинства, не выборы, а мордобой, бунты, фальсификации и стрельба по Белому дому стали источником власти. А убийства — правосудие а ля неолит. Когда исчезают выборы, смена властей, свобода слова, правосудие, появляются пассионарии, бунтари, хоругвеносцы, революционеры в кепках и папахах, на фоне кипящей массы. Файерные марши — это социальный протест против произвола властей, густо завешанный на ксенофобии. И лузеры во главе с пассионариями идут в очередной раз разрушать мир до основания. В РФ нет власти, ибо нет центров справедливости, закона и правосудия. Каждый убивает, кого может. Каждый грабит, кого может. Каждый нагибает, кого может. И никто ни за что не отвечает.

Автандил Цуладзе («Политическая комедия. Круговорот утопий в России» — Ежедневный журнал, 14 декабря) анализирует происходящее в аспекте политических идеологий. В период политического кризиса 1999 года, чтобы захватить инициативу, Кремль выдвинул утопический проект. На вооружение была взята консервативная утопия. Благоприятная экономическая конъюнктура и разочарование в разгромленной оппозиции создали для этого необходимые условия. Нужно оставить все как есть. Не надо стремиться к «царству Разума» по идеалистическим схемам либералов. От их «реформ» одни проблемы. Нет смысла возвращаться в советскую систему. Там тоже хватало недостатков. И анархия нам тоже ни к чему. Эта идеология на время сковала политическую борьбу в публичном пространстве, отодвинула утопические проекты преобразований в сторону и позволила достигнуть ситуации равновесия как в обществе, так и в элитах. Однако такого рода вульгарный консерватизм быстро перерастает в «застой». Сейчас конструкция уже не работает, и утопия «стабильности» уступает место борьбе различных

утопических концепций. Властный лагерь раскололся на консервативных утопистов (группа Путина?), настаивающих на том, что надо все оставить как есть, на либеральных утопистов (группа Медведева), считающих, что надо эволюционным путем реализовывать либеральную утопию с учетом «российской специфики», и на социалистическо-коммунистических утопистов (группа Сечина), стремящихся к огосударствлению собственности по советскому образцу и закрытию страны от посягательств иностранного капитала. Что же касается большинства, то в коллективном бессознательном идет латентный процесс разочарования в консервативной утопии и все больше распространяются хилиастические настроения. Либералы исходят из того, что, руководствуясь Разумом, власть немедленно и в полном объеме *должна* удовлетворить «законные требования» реформ в части разделения властей, свободы СМИ, соблюдения прав человека. Националистам подавай «Россию для русских» и возрождение Империи. Коммунистам вынь да положь всю систему советских социальных гарантий и возвращение «общенародной собственности» государству «народного доверия». Различные части политического спектра объединяет одно — стремление получить свое здесь и сейчас. *Такое состояние общества Манхейм называл «хилиастическим экстазом». Смешиваясь друг с другом, различные утопии, объединенные одной целью, в какой-то момент образуют критическую массу, которая взорвет существующий порядок вещей.* <...> «Национальный лидер» мечется, пытается удовлетворить все эти разнонаправленные «хотелки» элит и масс, имитируя удовлетворение этих запросов в виртуальном пространстве. Но возможности «зомби-ТВ» исчерпываются.

В «Ведомостях» **Денис Соколов** в статье «**Меньшинство и большинство: Коалиция конфликта**» (29 декабря) отмечает: *До событий 11 декабря на Манежной площади Россия начиналась за МКАД. Между Кремлем и страной — Москва, огромный гипермаркет товаров, услуг, должностей и бюджетов. Москва переваривала, абсорбировала непрерывный поток мигрантов своими стройками, рынками, пассажиропотоком, ЖКХ и прежде всего деньгами. Теперь, похоже, Россия начинается сразу за Боровицкими воротами.* К концу 2010 года несколько процессов достигли точки кипения. Во-первых, бюджетные вливания в республики Северного Кавказа достигли почти 300 млрд. руб. в год, что на фоне продолжающегося разрушения традиционного общества сделало миграцию сельского населения в города, особенно в Москву, основной стратегией домохозяйств. Во-вторых, из-за кризиса прекратился рост инвестиций в строительство и другие трудоемкие индустрии, а значит, снизилась способность мегаполисов перерабатывать мигрантов. На растущих рынках всем хватало места, а стагнация резко обострила конкуренцию. Не только футбольные фанаты и откровенные фашисты включились в противостояние. Среднее чиновничество, местные политики, малый бизнес и организованная преступность (те, кто особенно чувствует конкуренцию и давление со стороны этнического бизнеса) обратились к православию. В-третьих, деньги, как поршень, выдавливают выходцев из

кавказских республик в окружающие регионы. Если к этому добавить стремительную исламизацию Северного Кавказа, громкие теракты и экстравагантное поведение лидера Чечни, который готов «танками и гаубицами» умирять Манежную площадь, то «кавказофобия», возникающая у русских и на Кавказе, и в Москве, и в других городах России, понятна: национализм становится идеологией экономической и политической конкуренции. *Этнические и религиозные конфликты — прямой путь к тому, чтобы городское общество превратилось в несколько этнических, социальных, религиозных корпораций, в том числе и в корпорацию футбольных болельщиков, которые уже претендуют или будут претендовать на оплату лояльности. Характерный для Москвы подкуп меняется на характерный для Кавказа шантаж. Коалиция разных «корпораций» — это не коалиция роста. Это коалиция конфликта. Бюрократия, силовики, незаконные вооруженные формирования, криминал — все втягиваются в рынок насилия. Московские улицы скоро можно будет включать в состав Северо-Кавказского федерального округа. <...> Резюме: Политический рынок превращается в рынок насилия, на котором теракт — такой же товар, как митинг и погром. Скоро будет сложно серьезно заниматься политикой (т. е. претендовать на распределение финансовых потоков), не имея собственной команды футбольных фанатов, собственных молодоговардейцев и собственного идеолога или священнослужителя. В какой момент один из конкурирующих за власть политиков решит, что он способен управлять стихией и перешагнет черту, неизвестно.*

Алармиста Соколова на сайте Взгляд оспаривает **Дмитрий Соколов-Митрич** («Вперед не пройдет» — vz.ru, 27 декабря). Он утверждает: *2010 год был лучшим из всех, что я помню. А наступающее десятилетие будет еще лучше. Калининградский шок, ДТП на Ленинском проспекте, суэта вокруг «Сапсана», война за Химкинский лес, победа при «Охта-центре», феномен приморских партизан, акции болельщиков после убийства Юрия Волкова, добровольцы на лесных пожарах, Куцевские вопросы, народ против Анны Шавенковой, народ за Нойза МС, народ за Егора Бычкова, народ за Олега Кашина и, наконец, Манежная площадь — народ сам за себя. <...> Нет, я не сторонник баррикадного мышления, но меня такая плотность общественной среды скорее радует, чем озоршает. Мы так долго говорили о том, что в России разреженная гражданская атмосфера, слабая сопротивляемость масс, власти не на что опираться, — ну, так вот вам, пожалуйста, общество научилось подавать такие мощные сигналы, которые какую хочешь власть выведут из анабиоза. Акции гражданской солидарности случались в этом году едва ли не каждый день. Количество социального недовольства, помноженное на возможности новых информационных технологий, перевели российское общество в новое качество. <...> И даже мой глубочайший пессимизм не мешает мне понимать, насколько это очевидно. Именно в 2010-м официальные СМИ окончательно перестали что бы то ни было скрывать, потому что бесполезно: интернет знает все. Мы сами не заметили, как фактически вернулись в состояние реальной свободы слова начала девяностых. Территория телеиллю-*

зии стремительно сужается: сегодня в Сети сидят даже бабушки. Именно в 2010-м общественные движения окончательно распробовали всю силу социальных сетей и начали более чем успешно применять их для вывода людей на улицу. Массовость и потенциал протестных акций стремительно растут, и все разумные люди уже поняли: там, где собираются свыше десяти тысяч человек, закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не действует. А значит, надо не гайки закручивать, а приспособливать конструкцию власти под новые условия, делать ее более сейсмостойчивой. Иначе эту конструкцию просто разорвет. Именно в 2010-м мы увидели, как окрепло и вышло на общественно-политическую арену новое поколение — злое, шумное, амбициозное и не страдающее кухонными комплексами своих родителей. Если им что-то не нравится, они не обсуждают это в своем узком кругу под водочку, а идут на улицу и орут. В этом смысле они более европейцы, чем мы. <...> Наконец, главное — именно в 2010 году у наиболее продвинутой части аналитиков появились первые признаки понимания, что такое положение вещей — это не симптомы распада государства, а наоборот — первые признаки его обретения. Автор прогнозирует новое, консолидированное общество, которое будет способно отрезвлять сильных мира сего. Да, в России пока еще живет довольно застенчивый, терпеливый и даже трусливый народ. Но именно сегодня время застенчивых и трусливых. ЖЖ дал шанс талантам, не умеющим работать локтями, а сетевые социальные технологии дают шанс вывести людей на площадь при максимальном размытии ответственности. Все это формирует такую общественно-политическую среду обитания, которая необратимо демократизирует сама себя, и в этом корень моего оптимизма. Заварить в таком растворе уже невозможно не только кровавую диктатуру, но даже хоть сколько-нибудь серьезный авторитаризм. <...> На каждую туго закрученную гайку моментально находится очередное нечто с винтом. Сначала смс-революции, потом моббинг при помощи соцсетей, наконец технологии краудсорсинга, которые позволяют в режиме реального времени отслеживать передвижения сил правопорядка и направлять толпу туда, где их нет. Я думаю, это только начало. В очередном десятилетии список таких технологий будет стремительно расти, и, в конце концов, архаичные силовые меры в борьбе с социальным недовольством окажутся просто бессильны. Существование любого государства станет возможным лишь в одном случае — если в его основе заложены прочные основы общего согласия. Страны, в существовании которых не заинтересована критическая масса его граждан, просто перестанут существовать. Соколов резюмирует: У нас есть масса нереализованных исторических амбиций. У нас сильная историческая прививка от анархии. Мы по природе своей патриотичны и в условиях хотя бы минимальной социальной справедливости готовы поступиться многим ради стабильности. И у нас, — возможно, впервые за всю историю России, — появляются реальные возможности влиять на ситуацию в стране путем наименьшего персонального риска. <...> И поэтому с блаженной улыбкой идиота я повторяю: все будет хорошо.

О русской интеллигенции весьма критично и даже временами зло рассуждала **Арина Холина** на сайте «Частный корреспондент» («Зона Neverland», 13 октября). Ей видится это явление самовлюбленным, мелкотравчатым народцем, легендой страны Neverland. Сначала — дурно образованное дворянство, плохенькие студенты, нищие иудеи, которым наконец-то разрешили получать образование на общих началах, разнообразная демишиза. Знания поверхностные, мораль кривая, этика зачаточная, философия — пораженческая. <...> Позже, когда страна изменила статус, а интеллигент получил определение «вишневый», этот народец охарактеризовали как «работников умственного труда». То есть культуру и этику растеряли. Но считалось, что у советского интеллигента все-таки есть лучшее в мире образование и он самый читающий. Интеллигент был замечателен тем, что ходил, например, в театр. Собирал книги. Причем, как выяснилось позже (при разборе завалов унаследованных квартир), что собирательство это было паническим и бессмысленным. <...> Этот советский интеллигент, а с ним и русский, никогда не был по-настоящему хорошо образован, потому что «лучшее в мире образование» подгоняло знания под мерки социалистических принципов. Широкий кругозор, на самом деле, бежал по узкому руслу советской идеологии. И даже самые продвинутые, самые несогласные, они всегда были лишь частью легенды. <...> Они существовали только в зоне Neverland, только в этом искусственном образовании, и сами были мифом, потому что ничего настоящего в них не было. <...> Все, что так похоже на культуру, было лишь тонким слоем лака на невежестве и дикости. <...> Для некоего и внутреннего, и международного реноме и образовали эту интеллигенцию, ручную и невежественную, которая с трудом отскребла руки от земли и копоты, схватила этими грубыми пальцами Достоевского и сделала его своим кумиром, потому что они ведь уже не твари дрожащие, а право имеют. Это они сейчас скупают Донцову. Они подпевают Кате Огонек. <...> Русский морально-этический феномен лениво жевал культурную баланду, которой его кормили надзиратели этой просторной страны. Еще в школе они послушно писали, что Екатерина — луч света в темном царстве, Чехов — обличитель мещанства. У них не было, нет и не будет намека на собственное мнение, а, значит, их интеллектуальный труд лишь навык, а не работа ума и воображения. Они не способны ни на творчество, ни на протест, они лишь приспособляются, принимая любые условия бессловесно, безропотно. Привыкли читать, да, и читают вот то ли Юлию Шилову, то ли Олега Роя, потому что делают это не для развития, а чтобы убить время, заполнить пустоту. Именно для всех этих людей играл «Ласковый май» — это они, инженеры и газетчики, покупали записи группы «Комбинация», это на их корпоративах сейчас грохочут Дима Билан, Филипп Киркоров и группа «Фабрика». Это они в караоке поют «Кабриолет» Успенской и «Владимирский централ» группы «Лесоповал», а потом ругают «Дом-2», Ксению Собчак и программу «Максимум». Это они работают на ТВ и защищают его, потому что «знают, что надо этому тупому народу». Они знают, потому что сами и есть этот самый «тупой народ», они втайне считают «всех этих Ремарков» заумью и лезут на

интеллектуальные вершины только ради понта, в душе храня верность Джеки Коллинз и фильмам с Чаком Норрисом. Они как воры, которые плачут, если их ловят, не потому, что раскаиваются, а потому, что не хотят в тюрьму. В них нет органической несовместимости с пошлостью и глупостью, с бездарностью и вульгарностью. Все эти качества дает развитый интеллект, воспитанный вкус, некая культурная нравственность, но они не могут похвастаться такими характеристиками, потому что до сих пор считают, что золотая лепнина — это красиво. <...> И простенькая шведская ИКЕА уже представляется Эрмитажем, Букингемским дворцом. В этом и есть ошеломительная разница между мировой, пусть европейской, пусть американской, культурой и нашей, местечковой, убогой, недееспособной. Она там везде — на любом уровне, во всех проявлениях, будь то торжественный благотворительный прием или визит в булочную, у нас лишь в очень редких частных домах, да и то под большим вопросом. Ведь культура — это не только торжественные чтения Достоевского в туалете. Это весь спектр жизни — от острой непереносимости Муз-ТВ до невозможности сочетать в интерьере красный с синим. Это и знания о том, что в 1974 году был жуткий финансовый кризис. Это когда не можешь бросить из окна машины банку от газировки. Когда журналист не может себе позволить написать «я не понимаю Малевича». Это и отсутствие страха, и внутренней и внешней цензуры, потому что есть четкая система приоритетов, в которых ковер с пандой, шерсть, производитель (бугага) Италия, 14 000 рублей, не может быть дороже свободы. Причем свободы не в общем величественном смысле, а хотя бы свободы выбора, даже на уровне парфюмерии. <...>

По Холиной, главная проблема в том, что у этого не сгнувшего с советской властью интеллигента нет цели. В те страшные времена он был беспомощен — все рассуждения уходили в никуда, и сейчас он бессилен уже по привычке, по собственной воле, а потому и понятия не имеет, куда и зачем нести собственные, пусть и скромные, знания. Вся эта возня — немного ради денег, немного ради явлений в атмосфере вроде северного сияния и уж никак не ради абстрактной общественной погоды, на которую, как принято считать, воздействует только Господь Бог. Или святая троица: Путин, Медведев, Сурков. Вся русская интеллигенция так и осталась хоть и большой, хоть и красивой, но декоративной и бесполезной собачкой вроде дога, который разевает пасть лишь для того, чтобы зевать и есть. Думать и охранять дог не умеет — он придуман для мебели. Потому мы и окружены ничем, которое кое-как заполняют вялые переговоры, безобразная философия, убогие национальные идейки и шквал творческой мути. Современная интеллигенция, за редким исключением, способна производить и потреблять лишь нечто, похожее на уголовную субкультуру и частушки. Протестовать внутри заданных собственным ограниченным сознанием координат. Спорить с отражением.

Илья Клишин в статье «Люди в красивой упаковке» (slon.ru, 1 ноября) рассуждает о новом социальном типе. Хипстер в России сегодня — это молодой человек, живущий со вкусом и мыслящий буржуазно. Это еще не оперившийся, но уже буржуа, чем дальше, тем больше понимающий: система выбо-

ров не работает, чиновники не помогают, а мешают, в СМИ цензура и т. д. Причем каждое из этих явлений, в частности, не мешает в повседневной жизни: можно, конечно, писать в блог, ездить за границу, создавать (хоть и с трудом) свой бизнес, но в целом создается ощущение если не бега на месте, то болота, по которому очень трудно идти. Так что же удивительного, что вчера еще индифферентные хипстеры идут на митинги сегодня? Кому хочется провести двадцать—тридцать лет в болоте? Проблема — в организации оппозиционного движения. Очевидно, что копирайтер, фотограф и журналист не пойдут завтра создавать партию или даже подавать заявку на свой митинг. Едва у хипстеров появляется возможность бороться за конкретное дело, они тут же за нее цепляются. Хипстеры — либеральная прослойка (с диапазоном от розовых левых либералов до близких американским республиканцам правых либералов). Сами себя они часто не называют никак, потому что для них очевидно, например, что альтернативы демократии и рыночной экономике нет и говорить можно о нюансах. Хипстерам абсолютно не нужна революция, им нужно как раз исполнение действующей Конституции страны. В этом смысле по своей сути «Стратегия-31» — исключительно хипстерское мероприятие. Триумфальная площадь для хипстеров — это место ненасильственного гражданского протеста <...> Нынешняя борьба за реализацию прав и свобод, закрепленных в Основном законе, становится исторически в один ряд с деятельностью таких прекрасных людей, как Мартин Лютер Кинг и Нельсон Мандела, Вацлав Гавел и Лех Валенса. Тем горше, конечно, видеть реакцию молчаливого большинства. <...> Сегодня кажется, что политические ивенты в Facebook, онлайн-петиции и ссылки на разоблачительные посты никогда ничего не изменят. Это не так. Количество перейдет в качество, ведь, в конечном счете, дорога в тысячу ли начинается с первого шага.

Об усталости общества от коррупции пишут «Ведомости» («От редакции: Россия в откате», 30 декабря). По подсчетам Transparency International, ежегодный совокупный доход российских коррупционеров — около \$300 млрд., что близко к четверти ВВП. Есть и более высокие оценки. В мировом рейтинге восприятия коррупции Transparency International Россия на 154-м месте из 178, среди стран несопоставимо менее обеспеченных (Папуа-Новая Гвинея, Камбоджа и Таджикистан). В России появился даже новый термин — норма отката (kickback margin), говорит в интервью «Российской газете» Елена Панфилова, директор российского Transparency International. Эта норма растет: в начале нулевых в строительстве она составляла 15-20%, в середине десятилетия, по сведениям Ассоциации застройщиков, увеличилась вдвое. А сегодня доходит до 50-70% стоимости проекта. В этом году печальной статистики добавил и президент: его контрольное управление подсчитало, что на госзакупках воруются более 1 трлн руб. в год. Это не может продолжаться бесконечно, в какой-то момент коррупционные издержки станут неподъемными для страны. С коррупцией борются практически все. Но, по данным МВД, число выявленных эпизодов взяток выросло в 2003 — 2009 гг. в 1,8 раза (правда, число дел, направленных в суд, выросло лишь на четверть). По данным

судебного департамента при Верховном суде, число осужденных за взятки выросло за 2003 — 2009 гг. в 2,5 раза. Но количество осужденных взяточдателей росло гораздо быстрее, чем взяточполучателей. А посадки за взяточничество в составе организованной группы по предварительному сговору снизились в 1,6 раза. Серьезные расследования подменяются отловом (иногда с помощью провокации) врачей, учителей, муниципальных служащих и инспекторов ГАИ. Далее «Ведомости» формулируют реальные приоритеты борьбы, апеллируя к опыту Ли Кван Ю. Ясно одно — вести эту операцию может только политик нового поколения, обладающий тем, чего нет ни у кого из нынешней элиты, — репутацией.

2010 год породил феномен Алексея Навального, блоггера, который начал резонансную борьбу с коррупцией, харизматика и популиста. Появились и отклики на это явление. Так, либерал **Дмитрий Бутрин** на сайте inliberty.ru в статье «**Алексей Навальный и дары “Транснефти”**» (18 ноября) пишет: *спрос на реальную антикоррупционную политику в России постепенно оформляется, и успехи юриста Алексея Навального тому свидетельство. Алексей Навальный — по существу политик, первым в России после полузабытых Гдьяна и Иванова реализующий одну из возможностей получения политического капитала через антикоррупционную кампанию. Бутрин скептичен: Я, разумеется, не доверяю Навальному. Прежде всего потому, что понимаю, что именно это за политик: мне не нужно знакомиться с его политическими взглядами, чтобы понимать, что это политик левосоциалистического и популистского толка. До той степени, до которой возможны подобные аналогии, я уподобил бы его президенту Польши Леху Качиньскому: правило «о покойных или хорошо, или ничего» не распространяется на публичных лиц, а покойный и его брат сделали себя в первую очередь на антикоррупционной риторике высокого градуса. Но именно поэтому мое недоверие ничего не означает: я совершенно лояльно отношусь к деятельности Алексея Навального, приносящей обществу много больше пользы, чем вреда. Далее автор объясняет, что правые и либеральные политики в РФ в настоящий момент не способны даже приблизиться к теме коррупции. Не то чтоб нос в пушку, но — либеральные политики в РФ исторически ближе к крупному бизнесу, для которого коррупция, и это следует констатировать прямо и честно — среда, пространство работы, норма. И в качестве резюме: эволюция российского общества и кристаллизация в нем политических институтов продолжается, и появление на левом и/или националистическом фланге активного политического антикоррупционного движения — более чем ожидаемая вещь. Но есть проблема. Деградация госинститутов, вызванная коррупцией, в определенный момент облегчает задачу построения более открытого общества, «уменьшение государства», вызванное его распадом, для России ныне очевидно. В этом смысле Алексей Навальный, разумеется, наш оппонент — как является оппонентом всякий провозглашающий единственным способом борьбы за светлое будущее ужесточение какого-нибудь госконтроля, веревочную петлю и ор вдохновляющей массы ерунды в воздетый горе мегафон. Как выбраться из этой дилеммы?*

Дмитрий Фурман в обширной статье «От Российской империи к русскому демократическому государству» («Неприкосновенный запас», № 5[73]; Полит.ру, 8 декабря) пишет о проблемах становления русского национального самосознания и русского национального государства. В Европе произошла смена «энтелехий» развития. Национальное государство сменилось в этом качестве наднациональной европейской общностью. Россия — страна «догоняющего развития», которая переживает в XXI веке процессы, пережитые другими странами в XIX — начале XX веков. Она вынуждена строить то, что в иных местах не только построено, но уже перестраивается. Для России национальное демократическое государство по-прежнему продолжает оставаться принципом развития. Российская Федерация — и не реальная демократия, и не национальное русское государство. Это остаток, «огрызок» российской и советской империи, скрепляемый имитирующей демократию авторитарной властью. И русское самосознание еще не вышло до конца из кокона имперского и советского самосознаний. Это — болезненное самосознание, мечущееся между имперским шовинизмом и реваншизмом и русофобским самоуничтожением и страхом национально-государственного распада. По Фурману, Россия должна быть переосмыслена как национальное русское государство. Слова «Россия для русских» сейчас выглядят диким ксенофобским лозунгом. Но они должны быть констатацией банальной истины. Россия для русских, — а для кого же еще? Это не только не означает отрицания права других на свои «национальные дома», но предполагает его. Зародыши такого переосмысления и освобождения русского самосознания от имперского плена уже сложились. *«Россия для русских» — это антитеза «русских для России», государству, в котором русские платят и своей свободой, и своим благосостоянием, и своей кровью за то, что другие народы подчиняются, причем не русским как народу, а их правителям, имеющим русскую национальность. «Россия для русских» — это демократическая Россия, государство, являющееся инструментом для достижения общего блага народа. <...> Вообще избежать прохождения национально-государственного этапа, совершить прыжок из минимперии в наднациональную общность, миновав этап национального государства, по-видимому, невозможно. Но это национальное государство не может утвердиться надолго. Догоняя других, Россия должна менять векторы развития. Национальное демократическое государство — это государство, которое может и должно войти в надгосударственную и наднациональную общность Европы. Вхождение в Европу — очень большая компенсация для народа, который, не умея выработать европейских форм политической жизни, все же культурно ориентирован на Европу. Это будет концом российской истории — истории строительства, крушения и нового строительства империй, в которых русские возмещают свое бесправие тем, что во главе подавляющей другие народы власти стоят их представители. И это станет началом совсем другой истории — истории русских, живущих в общеевропейском доме в своей национальной квартире.*

В «Ведомостях» главный экономист по России и СНГ Bank of America Merrill Lynch **Иван Чакаров** 7 декабря делится оптимистическими ожиданиями («Будет ли Россия развиваться по сценарию конца 70-х — начала 80-х годов?»). *Российское руководство, возможно, начинает понимать, что в окружающем мире перспектива возвращения к докризисным ценам на нефть достаточно призрачна. Следовательно, России будет просто необходимо улучшить инвестиционный климат, чтобы привлечь капитал для финансирования внешнего долга.* Он не согласен с авторами книги «Россия после глобального экономического кризиса» Андерсом Ослундом, Сергеем Гуриевым и Эндрю Качинсом, которые выдвигают концепцию, согласно которой Россия попадет в ловушку «эпохи застоя», сравнивая сегодняшний день с правлением Брежнев, который предпринимал безуспешные попытки оживить экономику. По мнению авторов, относительно высокие цены на нефть сегодня (\$70 — 80 за баррель) будут лишь способствовать тому, что многие реформы окажутся уничтожены в зародыше, перестройка экономики будет отложена, построение политической и экономической системы, ориентированной на рост, будет перенесено на более поздний срок, и в конце концов это приведет к неизбежному застою, который будет поддерживаться страхом неистребимой коррупции. Чакаров не в силах спорить с фактами. Рейтинг прозрачности российской экономики упал по сравнению с прошлым годом с 2,2 до 2,1, и этого было достаточно, чтобы Россия заняла 154-е место из 178 и оказалась между Папуа — Новой Гвинеей и Таджикистаном. Среди других «недружественных практик», влияющих на позиции инвесторов, — ужесточение регулирования предпринимательской деятельности, отсутствие верховенства закона и слабая защищенность прав миноритариев. *В то же время многочисленные публикации о государственных злоупотреблениях в отношении бизнеса внесли свой вклад в общее представление о России, которая стала выглядеть менее привлекательно для международных инвесторов по сравнению с другими развивающимися странами.* Впечатляет эта забота Чакарова о репутации России, — еще немного, и он начнет, кажется, клеймить продажных писака-клеветников. Но все же он находит аргументы повесомей. Он *очень положительно относится к тому факту, что российское руководство начинает понимать: при условии, что цены на нефть вряд ли вернутся к докризисному уровню, а бюджет сбалансирован на основе цены \$110 за баррель, только реформы помогут избежать стагнации.* Чакаров приветствует намеки на реформы, усматривая приметы обновления в заявлении правительства о намерении приватизировать миноритарные пакеты акций государственных предприятий, сокращении указом президента числа стратегически важных предприятий с 208 до 40, надежде на вступление России в ВТО в конце 2011-го — начале 2012 года (будучи членом ВТО, Россия откроет доступ иностранным инвесторам в традиционно неконкурентные сектора, тем самым повышая общий уровень бизнес-климата, способствуя росту производства и снижению ин-

фляции), планируемом открытии доступа иностранцам на рынок внутренних облигаций. *Эти реформы, по нашему мнению, очень серьезно недооценены. Время их проведения совпадает с общим ощущением, что Россия просыпается и больше не хочет пребывать в состоянии «интровертности», которое ее сильно гнетет. Мы считаем, что общий спад и необходимость инвестировать в изношенные инфраструктурные объекты дают возможность по-новому взглянуть на проблему, которая преследовала Россию веками: как создать динамичную инновационную экономику и условия для высоких темпов накопления капитала, а также обеспечить здоровый рост производительности труда. Мы осторожны в своих прогнозах, но смотрим на эту ситуацию с оптимизмом.*

Мрачнее смотрит на перспективы **Андрей Рябов**. В статье «Детонатор ФИФА» (Газета.Ру, 7 декабря) он замечает: Решение Исполкома ФИФА, предоставившего право на проведение мировых чемпионатов по футболу 2018 и 2022 годов России и Катару <...> безусловно, окажет сильное влияние на российскую политику и, может быть, и на мировую тоже. Решением ФИФА была достроена триада трех крупнейших инфраструктурных проектов наступающего десятилетия (саммит АТЭС-2012, Зимняя Олимпиада в Сочи-2014 и вот теперь ЧМФ-2018), которые, судя по всему, и будут определять развитие национальной экономики и политики в ближайшие десять лет. Известно, что сложившаяся в России общественная система может успешно функционировать лишь при постоянном закачивании в нее дополнительных ресурсов. В уходящем десятилетии таким «топливом» были растущие доходы от торговли газом и нефтью. На обозримую перспективу этот ресурс останется, но сверхдоходов уже не принесет. И тут для системы открывается возможность «второго дыхания» через привлечение огромных денег под эти инфраструктурные проекты. Тем, кто будет работать операторами на могучих финансовых потоках, не так уж и важно, за счет чего они возникнут: наращивания внутреннего долга или в результате привлечения частных капиталов — отечественных и иностранных. У российского чиновничества, которое уже начало было впадать в уныние в связи с неблестящими экономическими перспективами страны, появляются новые сверхцели — попасть в эту живительную экономику мегапроектов. Кто сказал про застой, когда впереди такие дела и грандиозный путь от одной вершины к другой, еще более величественной? Очевидно, что никакая модернизация не вписывается в подобную стратегию будущего. Хотя бы потому, что все модернизационные проекты строятся на понимании ограниченности ресурсов. <...> В такой обстановке постоянной эмоциональной приподнятости, когда страна, превращающаяся в одну большую ВДНХ, должна будет постоянно являть всему миру успехи и достижения, парламент уж точно не должен быть местом для дискуссий! <...> решение ФИФА прояснило ситуацию для тех российских чиновников и бизнесменов, кто начал было размышлять, что национальный лидер стареет, утрачивает чувство реальности и, самое главное, не может предложить им привлекательной перспективы на будущее. После стремительной победы Путьина в Цюрихе вопрос о том, кто останется лидером страны, предрешен, а на какой институциональной позиции — дело, по большому счету, техническое...

Иначе смотрит на премьера Станислав Белковский в статье «Сеанс Владимира Путина с немедленным разоблачением» (slon.ru, 20 декабря) по итогу очередного разговора с премьером в прямом эфире телеканалов «Россия» и «Россия-24». Путин явил аудитории довольно-таки дремучую некомпетентность, сглаживал которую только его большой человеческий опыт бессодержательного словоговорения. На многие социально-экономические вопросы он отвечал не в такт, не в лад, невпопад совершенно. То ли не понимая смысла вопроса, то ли будучи банально не готов к ответу. <...> Путин за 4,5 часа эфирного времени развеял многие застарелые мифы о себе. Во-первых, миф о том, что он — неоимпериалист, мечтающий о возрождении СССР. Путин слишком ясно сказал, что РСФСР выиграла бы войну (которую, кстати, премьер осознанно или бессознательно назвал Второй Мировой, а не Великой Отечественной, как у нас положено) и без других союзных республик. Тем самым он пошел против одного из главных постулатов советской мифологии, согласно которому народы СССР пребывали в органическом единстве, будучи нераздельны/неслиянны национальными душами. <...> Во-вторых, миф о лидере, черпающем силы в глубинах русской национально-имперской истории. Ясно, что правитель, склонный ковыряться в исторических корнях и правдах, никогда не отправил бы Петра I на Семилетнюю войну, еще и сославшись при этом на директора Петродворца. <...> В-третьих, серьезный удар был нанесен по мифологии Путина как воцерковленного православного христианина. Смее утверждать, что воцерковленный православный никогда не стал бы, подобно премьер-министру РФ, высказывать предположение, что православие ближе к исламу, чем к католицизму. <...> В общем, перед нами предстал типичный позднесоветский обыватель, в первые постсоветские годы освоивший наиболее престижную профессию — бизнесмена. С кашей в голове и баблом во всех других правильных местах. И на вопрос об оппозиционерах Немцове-Рыжкове Путин отреагировал единственно возможным для такого типа создания образом: они рвутся во власть, чтобы денег заработать. А для чего еще можно рваться во власть?! Главное же, о чем он жалеет, — что в расцветные мужские годы (47–58) не успел пожить как следует. Вот те люди, которые доверили ему трон, — успели. Недаром такое ревностное — о них: «Да, есть небольшая, очень узкая категория людей, которые живут гораздо выше среднего, но их и москвичами-то назвать нельзя — это люди мира, они непонятно где живут: в Нью-Йорке, Москве или Париже». А он то 11 лет и 4 месяца пахал ради них, как раб на галерах. Настанет ли день, когда он отдохнет? <...> И последнее. Путин еще раз показал, что он, в сущности, неплохой человек. И милосердие стучится в его сердце. Хотя вопрос власти-и-денег, что поделаешь, испортил его. Он совершенно искренне восхищается пожарным, который отказался получать квартиру за погибшего сына. И Сергеем Михайловичем Сотниковым, который 12 лет в одиночку хранил заброшенную полосу забытого аэродрома. Он совершенно искренне любит болгарского щенка Баффи, от которого — не в пример человечеству — не ждет никакого подвоха. Только нежных луж и куч по периметру резиденции. Костюмы и маски Гудвина, великого и ужасного волшебника страны Оз, оказались тронуты тлением. Как

говорил Бубнов из горьковской пьесы «На дне»: «все слиняло, один голый человек остался». Такая вот прямая линия, ведущая прямо в русский народ.

По впечатлениям от явления премьера перед народом **Михаил Ходорковский** в статье «**Власти не хватает добра и терпимости**» («Независимая газета», 24 декабря) пишет, что к нему пришло чувство жалости к этому, уже немолодому человеку, такому бодрому и такому одинокому перед бескрайней и беспощадной страной. Заметно — он не в состоянии оторвать себя от ставшего неподъемным «весла» выстроенной им самим чудовищной «галеры». Галеры, равнодушно плывущей по судьбам людей. Галеры, на которой гражданам России все чаще мерещится черный пиратский флаг. С ним никто не спорил «в эфире» — не тот «формат». Но и убеждал он не нас — себя. Что во всем прав, что «рулит», что все еще «на месте». <...> Он все понимает, но «держит марку» — ему «не стыдно». Он так и заявил — ему «не стыдно». Пусть так. Пусть стыдно — нам. Ведь это мы позволили себе, ему, им стать такими жестокими, какими стали. Любовь к собакам — единственное искреннее, доброе чувство, прорывающее ледяной панцирь «национального символа» начала 2000-х. <...> Человек в таком панцире счастлив быть не может. «Вас все боятся» — страшный комплимент, прозвучавший с экрана. Нужно ли нам, чтобы Россия снова строилась на жестокости? <...> я желаю Путину добра и терпимости, чтобы его не боялись, но любили. Пусть не все, но искренне, бескорыстно, и не только собаки.

Дмитрий Камышев в статье «**Тандем не колется**» («Власть», № 50) анализирует движение к году 2011-му, когда россияне изберут новую Госдуму, а тандем — нового президента. Медведев очень хочет остаться на второй срок. Оставить Медведева на второй срок, разумеется, страстно хочет и его команда, которая, в отличие от своего шефа, выражает это желание почти открыто. А вот с Путиным все уже не так однозначно. С одной стороны, во многих его действиях легко усмотреть признаки откровенно предвыборного пиара. С другой стороны, вопрос о возвращении в Кремль для него, возможно, не так важен, как многим кажется. Есть ощущение, иронизирует автор, что высокая должность... нужна ему лишь постольку, поскольку она позволяет сделать то, что не под силу большинству простых смертных: погоняться на лодке за китами, поуправлять пожарным самолетом, выступить со сцены перед зарубежными кинозвездами. Ну и, разумеется, получить в связи с этим не только хорошую порцию адреналина, но и овации восхищенной публики. Между тем у Дмитрия Медведева, помимо желания остаться на второй срок, есть и вполне конкретные достижения. В 2010 году он сумел привнести во властную вертикаль некоторые элементы новизны (перекройка административной карты, новые назначения). С судебной и законодательной властью у действующего президента в уходящем году тоже все было в порядке. Скажем, председатель Конституционного суда Зорькин очень своевременно выдвинул концепцию избирательного отношения к решениям Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), согласно которой Россия должна выполнять лишь те вердикты ЕСПЧ, против которых она не возражает. И Медведев это суверенно-демократическое начинание горячо поддержал. А

парламент привычно штамповал спущенные из Кремля законы. Наконец, с региональными выборами проблем у Кремля в 2010 году тоже не возникло. *В целом же политика президента в 2010 году полностью соответствовала неписаному правилу, согласно которому либеральные инициативы нового главы государства имеют право на жизнь лишь в том случае, если не затрагивают основы суверенной демократии, заложенные его предшественником.* Но в отношениях власти и граждан появилась одна новая деталь: народ, который прежде в основном безмолвствовал, вдруг стал все чаще и активнее выражать мнение, отличное от мнения начальников. Причем далеко не всегда делал это цивилизованными методами. В сущности, и калининградцам, открывшим протестный сезон-2010, и столичным фанатам, этот сезон как бы подытожившим, было нужно одно и то же: чтобы власть их услышала и выполнила их требования. Но если первые добивались этого сугубо мирными методами, то вторые предпочли насилие. Надо полагать, резюмирует Камышев то ли в шутку, то ли всерьез, *Путину действительно придется-таки вернуться в президенты, чтобы наконец навести в стране порядок натренированной на медведях и тиграх железной рукой.*

Дмитрий Шушарин в статье «Бесценные друзья» (Грани.Ру, 28 декабря) размышляет о России и Европе в современном мире. *За последние двадцать лет произошло именно то, о чем предостерегал Рональд Рейган: западные элиты приняли элиты постсоветские такими, какими они есть. И сейчас с изумлением взирают на возникновение неототалитарного политического пространства, которое формируют элиты России, Украины и Белоруссии, делегирующие свою власть. <...> Элиты трех восточнославянских государств, несмотря на политические декларации и экономическую интеграцию, отдаляются от Европы, останавливая процесс нациогенеза на своей территории и бросая вызов европейской идентичности и европейской системе ценностей. Таков итог постсоветского двадцатилетия. И это одна из главных проблем Европы и иудео-христианской цивилизации. Но европейские элиты ее не осознают, они заняты другим. <...> И нет ничего удивительного в том, что путинские шпионы оказываются отмывальщиками денег, искавшими еще и способы коррумпировать американских парламентариев и чиновников. Как нет ничего особенного в карьере экс-бундесканцлера Шредера. Коррупционная интеграция элит стран демократических и неототалитарных — вот что мы наблюдаем в последнее десятилетие. То, что не удалось идеологически ограниченным совкам, получается у людей более широких взглядов.*

Оппозиция

Михаил Берг в статье «Две большие разницы» (Ежедневный журнал, 4 ноября) фиксирует наличие в оппозиции режиму праволиберального и леворадикального мнения. *Договороспособность одних и максимализм других упирается в самый принципиальный момент: что именно не устраивает первых и вторых в существующем в России строе? И если одних не устраивает*

то, что власть нарушает собственные правила игры, то есть не исполняет Конституцию, которую сама для себя и приняла, то другие считают само основание строя негодным, так как он построен на удержании корпорацией (как это принято называть) «Озеро» не только власти, но и состояний, полученных в результате приватизации, в этой среде почитаемой бесчестной и несправедливой. Иначе говоря, одни согласны, чтобы сложившийся после приватизации 90-х строй существовал, только бы не нарушал собственные законы, другие считают, что это невозможно, так как строй основан на преступно нажитых состояниях, которые должны быть отобраны у их владельцев, потому что они, эти владельцы, на самом деле и являются главным фундаментом этого строя. <...> И если говорить о позиции властей, то легко увидеть, что первых власти не любят и не уважают, вторых — боятся и ненавидят. По Бергу, союз сторонников Алексеевой и Лимонова оказался плодотворным, как брак аристократа с крестьянкой: одни, повторю, придали этому протесту оттенок политической респектабельности, другие впрыснули в него молодую и здоровую кровь. Причем, если говорить о реальной надежде на то, чтобы «озерная школа», засевшая у власти, не осталась там навечно, то это надежда на молодой и здоровый протест, вырастающий из социальных низов, протест тех молодых и отчаянных, которым терять нечего <...> У них есть право требовать от развалившейся на троне преступной власти не только соблюдения правил игры, но и пересмотра этих правил, то есть фундамента режима. Берг резюмирует: культурно, социально и психологически мне, естественно, ближе правые либералы, но я при этом не сомневаюсь, что единственная надежда России — максимализм юных душ и их непримиримый радикализм.

На сайте slon.ru Григорий Голосов в статье «Позитивный итог путинского режима» (1 ноября) видит таковой в том, что в России не осталось сколь-нибудь заметных политиков, которые выступали бы против демократии. В 90-х годах таких было пруд пруди. Но иных уж нет, а те далече. Страшнее не будет. Хотя, когда о демократии говорят «единороссы», то к этому не стоит относиться всерьез. <...> Та «демократия», которая их устраивает, у них уже есть. С защищенным политическим полем, фальсифицируемыми выборами и прочими прелестями авторитаризма. Вторая оговорка автора: тот факт, что авторитаризм загнал практически всех российских политиков в ряды защитников демократии, не означает, что у всех у них демократия заняла верхнюю строчку на повестке дня. В России складываются реальная левая партия (возможно, ее прообраз — проект «РОТ-Фронт»), национально-государственное движение. Они не вполне демократичны, но и они поняли прелесть демократии. Теперь понятно, что без демократии более справедливого общества в России не будет. Также сегодня нарастает понимание того, что национальное государство в России возможно только как демократическое государство. <...> у каждого из участников широкого демократического движения есть сейчас и останутся впредь позиции, мало совместимые с демократическими идеалами. <...> Это не страшно. Потому что демократия — это и есть та равновесствующая, в которой могут сойтись интересы различных политических сил,

заинтересованных в изменении статус-кво. Просто потому, что она в общих интересах. <...> Устойчивая демократия устанавливается там, где исход демократизации политически многомерен, то есть ни одна из задействованных в ней сил (включая и силы уходящего режима) не оказывается в полном выигрыше. Важно и то, чтобы ни одна из них не оказалась в полном проигрыше. Если состав демократической коалиции многообразен, и каждый из участников вступает в демократию с серьезными ресурсами, то это — лучшая гарантия того, что никто из них не сможет изменить правила игры в свою пользу.

А Владимир Милов в статье «**Либерал-национализм против фашизма**» (Газета.Ру, 20 декабря) делает актуальную политическую заявку и объясняет, что *российские либералы в последние 20 лет проиграли национальную повестку дня*. Эпоха бурного экономического роста в России сопровождалась невиданным притоком мигрантов в крупнейшие города. Разросшееся невиданными темпами за полтора десятилетия сообщество мигрантов, плохо адаптированных к традиционному укладу жизни, часто живущих далеко за пределами элементарных социальных стандартов и являющихся питательной средой для криминала, — путь к крупным конфликтам в обществе. Тема недовольства приезжими — одна из главных проблем, волнующих россиян. И, увы, единственной политической силой, которая поднимала вопросы о межэтнических отношениях и мигрантах, были националисты. А в российском либеральном движении национальная компонента была потеряна и подменена «общечеловеческой», либералы уступили национальный дискурс державникам и националистам, что внесло огромный вклад в неудачи либерального проекта в России. Это помогло сформировать фальшивый образ либералов как «пятой колонны», отрицающей национальное начало в российской политике. *На самом деле нужно было говорить — пора вернуться в европейский дом. Мы, русские, — европейцы, не надо тащить нас в Азию, Азия нам чужда.* Фактически отрицание державниками европейского проекта развития России в угоду «евразийскому» проекту, по Милову, — банальное прикрытие сдачи национальных российских интересов Китаю и странам исламского мира. *Сегодня ключевой вопрос повестки дня — культурное самоопределение, европейцы мы или азиаты.* Необходим в целом либеральный национальный проект для России, направленный на укрепление культурной самоидентификации русских как европейцев, а не иначе.

Одна из главных тем публицистики конца года — процесс над Ходорковским и Лебедевым. Грани.Ру 2 ноября опубликовали **последнее слово Михаила Ходорковского** в Хамовническом суде. Он акцентирует значение процесса и возможного обвинительного приговора: *...что сегодня думает предприниматель, высококлассный организатор производства, просто образованный, творческий человек, глядя на наш процесс и полагая абсолютно предсказуемым его результат? Очевидный вывод думающего человека страшен своей простотой: силовая бюрократия может всё. Права частной собственности нет. Прав у человека при столкновении с «системой» вообще нет. Будучи даже закрепленными в законе, права не защищаются судом. Потому что суд либо*

тоже боится, либо является частью «системы». Стоит ли удивляться, что думающие люди не стремятся к самореализации здесь, в России? <...> Я совсем не идеальный человек, но я — человек идеи. Мне, как и любому, тяжело жить в тюрьме и не хочется здесь умереть. Но если потребуется — у меня не будет колебаний. Моя Вера стоит моей жизни.

По ходу и итогу мнения звучали разные. Ирина Павлова в статье «Тема не раскрыта» (Грани.Ру, 5 января) задается вопросом: почему ни сам Ходорковский, ни его адвокаты не попытались превратить этот процесс в процесс над конкретными преступлениями российской власти и тем самым сделать неизбежным оправдательный приговор. Не прозвучало ни одного запоминающегося выступления защитников, подобного тем, что звучали на знаменитом процессе Веры Засулич. <...> теоретически имели возможность переиграть нынешнюю власть. Их речам на процессе была открыта дорога в интернет. Они могли публиковать статьи и давать интервью. Адвокаты Ходорковского не были ограничены в поездках и свободно выступали перед зарубежной аудиторией. В таких условиях процесс действительно мог стать поворотным событием в истории российского общественного сознания, если бы он перерос в процесс над общей практикой мафиозной власти в стране. Однако ни сам Ходорковский, ни его адвокаты, ни тем более свидетели, выступавшие в его защиту, не раскрыли ни одного секрета правящей мафии, высокопоставленным членом которой до ареста был и сам подсудимый. Процесс в Хамовническом суде не стал процессом над приватизацией начала 1990-х, над залоговыми аукционами, над сложившимся властным механизмом тайного, антиконституционного принятия решений. Почему? Ответ Павлова видит в тщетных надеждах юкосовцев на либерального президента Медведева. Тактика защиты заключалась в том, чтобы делать акцент на личностном противостоянии Путина и Ходорковского, на несгибаемости подсудимого, на его нравственном превосходстве, на политической составляющей процесса. В этом случае защита прекрасно справилась с поставленной задачей. Такой интерпретации немало способствовал и сам подсудимый. Автор заостряет: даже во время второго процесса Ходорковский оставался верен понятиям, по которым действовала и продолжает действовать российская власть. Более того, и в 2008 году он признавал право этой власти диктовать правила игры: «Пусть власть, пока она власть, сама выбирает, с кем ей пойти, зная при этом, что мы принесем во власть не только свои знания, но и свои идеалы». В противном случае пришлось бы не только раскрыть немало секретов, но и привлечь в качестве соучастников «целую кучу персонажей, которые сегодня продолжают оставаться во власти», как справедливо заметил Михаил Хазин.

1990 – 2010

Георгий Сатаров выступил в Ежедневном журнале с серией статей под общим заголовком «Недоваренная лапша на развесистых ушах». Он решил напомнить читателям о привычных магическо-идеологических заклинаниях

нынешней российской власти, и каждому такому заклинанию будет посвящено свое отдельное разоблачение. Заклинания привычные. Они легко проглатываются, ибо, если не вдумываться, могут показаться привлекательными и даже вполне разумными, имеющими как минимум право на существование. Не обладая способностью разработать последовательную идеологию, наша власть пускает в ход эти крючки-заклинания, в результате заглотившее их общество барахтается, как в сетях. Более того, заклинания проникают в риторику и образ мыслей отдельных оппозиционных интеллектуалов, которые, не замечая того, начинают работать на власть, оперируя ее магическими клише. Так, 9 ноября Сатаров анализирует мифологемы «лихие девяностые» и «ельцинский хаос». Нам просто предлагают такую ложную схлопнутую историческую модель, с помощью которой все проблемы, которые терзали страну начиная с 80-годов и которые решал Ельцин, проецируют на начало нового тысячелетия, чтобы вручить флаг победителя хаоса Путину. Сатаров с цифрами показывает, что хаоса в 2000-х меньше не стало. Росла коррупция. Проваливались реформы. Разлагалась милиция. При захвате заложников террористами уже не спасали людей. Теперь у нас путинский порядок — на людей наплевать, всегда и в любых масштабах. В 90-е были зачатки демократии, и они начинали работать. Конечно, все эти представители зачаточной демократии галдели, гадили, воровали (меньше, чем сейчас, но, увы, воровали) и т. п. Но тут общая закономерность: свобода в рамках демократии и создает ограничители для власти, и предоставляет ей дополнительные возможности за пределами закона, как и всем нам. Это неизбежно именно в переходные периоды. И последующий процесс, если бы он не был прерван в путинский период, состоял бы в развитии свободы в рамках права для нас и правовых ограничений для власти. Сейчас мы наблюдаем противоположное: внеправовые ограничения для нас и противозаконная свобода для власти.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Корректор — *Ю. Н. Маслов*

ЛР № 066469

Подписано в печать 29.06.2011. Формат 60х84/16. Бумага типографская.

Гарнитура «Ньютон». Печ. л. 6,00. Тираж 1500 экз.

Заказ № 3383

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.

Наши подписные индексы

71682 (годовая подписка), **73218**

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок — при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых лет.

Время работы редакции: с 13:00 до 17:00 по будням.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

КИОСК «ЭКСПРЕСС-ХРОНИКА»

Страстной б-р, д. 4 (у выхода из метро «Чеховская»)

“КНИГА” — Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.11.45

ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка —

Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА “ЗНАМЯ” — Б. Садовая, 2/46; тел. 699.80.67

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск —

ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80

“УМНЫЕ КНИГИ” — ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14

“ФАЛАНСТЕР” — Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 749.57.21

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ —

Столешников пер., 2; тел. 629.52.62

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ — Газетный пер., 15; тел. 692.05.63

2011
№ 1

«Континент» № 147+, 96 стр., подписные индексы в каталоге Роспечати 73218, 71682